

Уличный кот по имени Боб

Джеймс БОУЭН

КАК ЧЕЛОВЕК И КОТ ОБРЕЛИ
НАДЕЖДУ НА УЛИЦАХ ЛОНДОНА

Уличный кот по имени Боб

Джеймс Боуэн

**Уличный кот по имени Боб.
Как человек и кот обрели
надежду на улицах Лондона**

«РИПОЛ Классик»

2012

Боуэн Д.

Уличный кот по имени Боб. Как человек и кот обрели надежду на улицах Лондона / Д. Боуэн — «РИПОЛ Классик», 2012 — (Уличный кот по имени Боб)

ISBN 978-5-386-06493-8

В этой истории два главных героя – Джеймс Боуэн, уличный лондонский музыкант, и рыжий Боб, уличный лондонский кот. Они были бездомными и одинокими, но однажды повстречали друг друга... Джеймс погибал от наркотиков и отчаяния, в его жизни не было никакого смысла, пока в ней не появился четвероногий друг, который помог ему справиться с проблемами, принес удачу и стал настоящим ангелом-хранителем. Теперь Боба и Джеймса (именно в такой последовательности!) прекрасно знают не только жители Лондона, которые встречают их на улицах, в метро и кафе, но и сотни тысяч людей во всем мире. Ролики на Youtube, фотографии на фейсбуке, записи в твиттер, а теперь и книга, написанная Джеймсом Боуэном, рассказывают удивительную историю о дружбе с котом, который изменил его жизнь.

ISBN 978-5-386-06493-8

© Боуэн Д., 2012
© РИПОЛ Классик, 2012

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	11
Глава 3	20
Глава 4	24
Глава 5	26
Глава 6	32
Глава 7	39
Глава 8	44
Глава 9	47
Глава 10	52
Глава 11	56
Глава 12	63
Глава 13	69
Глава 14	72
Глава 15	77
Глава 16	85
Глава 17	88
Глава 18	93
Глава 19	99
Глава 20	102
Глава 21	107
Благодарности	110
Информация о Бобе	111

Джеймс Боуэн
Уличный кот по имени Боб. Как человек
и кот обрели надежду на улицах Лондона

This edition is published by arrangement with Aitken Alexander Associates Ltd. and The Van Lear Agency

Copyright © James Bowen and Garry Jenkins 2012

© Hayley Chamberlain

© Издание на русском языке, перевод на русский язык, оформление. ООО Группа Компаний «РИПОЛ классик», 2013

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Брин Фокс... и всем, кто терял друзей

Глава 1

Родственная душа

Я где-то вычитал известную цитату о том, что каждый день нашей жизни дает нам второй шанс, стоит только руку протянуть, но проблема в том, что мы им не пользуемся.

Большую часть жизни я доказывал справедливость этих слов. Мне подворачивалось немало возможностей, иногда по несколько раз в день. Долгое время я не обращал на них внимания, но все изменилось ранней весной 2007 года. Тогда я подружился с Бобом. Когда я вспоминаю тот день, мне кажется, что, быть может, ему тоже выпал второй шанс.

Впервые мы встретились пасмурным мартовским вечером. Лондон еще не до конца страхнул с себя зиму, поэтому на улицах стоял промозглый холод, особенно когда ветер дул со стороны Темзы. Поскольку к ночи заметно подморозило, я чуть раньше, чем обычно, вернулся в Тоттенхэм после того, как целый день выступал перед прохожими на площади Ковент-Гарден.

За спиной у меня болтались рюкзак и черный чехол для гитары, а рядом шла близкая подруга Бэлль. Много лет назад мы встречались, а теперь были просто друзьями. В тот вечер мы планировали купить дешевый карри на вынос и посмотреть кино на экране маленького черно-белого телевизора, который мне удалось приобрести в благотворительном магазине за углом.

Лифт, как всегда, не работал; мы приготовились к долгому пути на шестой этаж и приступили к покорению первого лестничного пролета. Лампочку на площадке кто-то разбил, поэтому первый этаж был погружен в темноту; тем не менее я заметил в полумраке пару блестящих глаз. А когда услышал тихое жалобное мяуканье, понял, кому они принадлежат.

Наклонившись, я разглядел рыжего кота, свернувшегося клубком на коврикe возле одной из дверей. В детстве у нас дома постоянно жили кошки, и я всегда испытывал теплые чувства к этим животным. Рассмотрев мяукающего незнакомца получше, я понял, что передо мной самец. Хотя раньше я его в нашем доме не видел, даже тогда, в полумраке, я мог сказать, что у этого кота есть характер. Он совершенно не нервничал, скорее, наоборот, от него веяло сдержанным спокойствием и невозмутимой уверенностью. Кот явно чувствовал себя на лестничной площадке как дома; судя по пристальному, слегка любопытному взгляду умных глаз, это меня он воспринимал как непрошеного гостя на своей территории. И будто спрашивал: «Кто ты и что привело тебя сюда?»

Я не выдержал, присел рядом с котом и представился.

– Привет, парень. Не видел тебя здесь раньше. Ты тут живешь? – спросил я.

Кот посмотрел на меня с деланным равнодушием, будто прикидывал, стоит ли мне отвечать. Я решил почесать ему за ушком: во-первых, чтобы подружиться, во-вторых, чтобы проверить, нет ли на нем ошейника или других признаков того, что передо мной домашний кот, – разглядеть в темноте, ухоженный он или нет, не представлялось возможным. Мой новый знакомый оказался бродягой; что ж, Лондон может похвастаться большим количеством бездомных котов.

Рыжему почесывание за ухом пришлось по душе: он принялся тереться о мою руку. Погладив его по спине, я нащупал там и здесь несколько лысых пятен. Да, этому коту явно не помешало бы хорошее питание. А судя по тому, как он поворачивался ко мне то одним, то другим боком, порция заботы и ласки тоже была бы нелишней.

– Бедный кошак... думаю, он бездомный. Ошейника у него нет, и посмотри, какой он худой, – сказал я, оглянувшись на Бэлль, которая терпеливо ждала на лестнице. Она знала, что у меня слабость к котам.

– Нет, Джеймс, ты не можешь взять его себе, – сказала она, кивая на дверь квартиры, возле которой устроился кот. – Он не просто так сюда пришел – скорее всего, где-то здесь живут хозяева. Может, он ждет, когда они вернутся домой и пустят его внутрь.

Я неохотно согласился со своей подругой. В конце концов, я не мог просто так взять кота к себе, даже если все и указывало на то, что идти ему некуда. Я сам только недавно сюда въехал и до сих пор пытался навести порядок в квартире. Вдруг в этом доме и правда живут его хозяева? Вряд ли они будут рады узнать, что кто-то присвоил их кота.

Более того, мне только лишней ответственности сейчас не хватало. Музыкант-неудачник, пытающийся избавиться от наркозависимости, едва способный заработать на немудрящую еду и живущий в муниципальной квартире... да я и о себе-то толком позаботиться не мог.

* * *

Выходя из дома на следующее утро, я встретил рыжего кота на том же месте. Очевидно, он провел на коврик последние двенадцать часов – и покидать его не собирался. Опустившись на одно колено, я погладил кота, и тот снова с благодарностью откликнулся на неожиданную ласку. Он мурчал, наслаждаясь вниманием; пусть он держался несколько настороженно, я чувствовал, что он постепенно начинает мне доверять.

При свете дня становилось понятно, что в наш дом забрело роскошное животное. У кота были выразительная морда и пронзительные зеленые глаза; присмотревшись, я заметил на лапах и на голове несколько царапин. Судя по всему, он недавно подрался. И накануне я верно оценил его состояние – кот был очень худым, на шкуре то тут, то там блестели проплешины. Я переживал за рыжего красавца, но вынужден был напомнить себе, что у меня есть куда более важные поводы для беспокойства. С большой неохотой поднявшись с колен, я вышел из дома и сел на автобус до центра Лондона – я снова ехал на Ковент-Гарден, чтобы играть на гитаре перед прохожими в надежде заработать немного денег.

Возвращаясь домой почти в десять вечера, я первым делом оглянулся в поисках кота, но его нигде не было. Признаюсь, я слегка огорчился, поскольку успел привязаться к рыжему. И все же вздохнул с облегчением: наверное, хозяева наконец пришли домой и пустили его к себе.

* * *

Когда на следующий день я спустился на первый этаж, сердце у меня екнуло: кот сидел на прежнем месте перед дверью. Только казался еще более несчастным и потрепанным, чем раньше. Он явно замерз, хотел есть и чуть заметно дрожал.

– Значит, все сидишь тут, – сказал я, поглаживая рыжего. – Неважно выглядишь сегодня.

В тот миг я решил, что это зашло слишком далеко. И постучался в дверь квартиры, облюбованной котом. Я должен был что-то сказать ее обитателям. Если это их питомец, нельзя с ним так обращаться. Его нужно покормить и показать врачу.

Дверь открыл небритый парень в футболке и спортивных штанах. Судя по заспанному лицу, я выдернул его из кровати, хотя время близилось к полудню.

– Прости за беспокойство, друг. Это твой кот? – спросил я.

Несколько секунд он смотрел на меня, как будто я тронулся.

– Какой кот? – поинтересовался он наконец, потом опустил глаза и увидел свернувшегося на коврик рыжего.

– А. Нет, – сказал он, равнодушно пожав плечами. – В первый раз его вижу.

– Он тут уже несколько дней сидит, – настаивал я, но получил в ответ лишь пустой взгляд.

– Да? Еду, наверное, учуял или что-то типа того. Но я его в первый раз вижу.

И парень захлопнул дверь.

А я уже знал, что делать.

– Значит так, друг, ты пойдешь со мной, – сказал я, залезая в рюкзак в поисках коробки с крекерами – я специально таскал ее с собой, чтобы угощать кошек и собак, которые подходили ко мне, когда я играл на гитаре.

Стоило мне потрясти коробкой, как кот вскочил, всем своим видом выражая готовность идти за мной. Я заметил, что он не очень хорошо держится на ногах и подволакивает заднюю лапу, поэтому нам потребовалось время на то, чтобы преодолеть пять лестничных пролетов. Но через несколько минут мы с котом уже заходили в квартиру.

Жилище мое, откровенно говоря, богатством обстановки не отличалось. Из мебели, помимо телевизора, были только подержанный раскладной диван и матрас в углу маленькой спальни; в кухонной зоне стояли тостер, микроволновая печь и холодильник, грозившийся вот-вот испустить дух. Никакой плиты. Помимо вышеперечисленного квартиру заполняли книги, видеокассеты и масса безделушек.

Признаюсь, по характеру я сорока: постоянно тащу в дом всякие вещи с улицы. На тот момент я мог похвастаться стоящим в углу раздолбанным парковочным автоматом и сломанным манекеном в ковбойской шляпе. Один друг как-то назвал мой дом «лавкой древностей», но кот эти «сокровища» вниманием не удостоил, сразу устремившись на кухню.

Добыв в холодильнике пакет с молоком, я налил его в миску и добавил чуть-чуть воды. Я знал, что – вопреки общепринятому мнению – молоко может навредить кошкам, поскольку они, вообще-то, не переносят лактозу. Кот вылакал угощение за считанные секунды.

В качестве второго блюда я предложил гостю консервированного тунца, смешанного с крекерами. И снова кот заглотил еду в мгновение ока. «Бедняга, – подумал я. – Наверное, совсем оголодал».

После холодного темного подъезда кот воспринимал мою квартиру как номер класса люкс в пятизвездочном отеле. Ему здесь явно понравилось: утолив голод, он направился в гостиную и свернулся на полу рядом с батареей.

Я воспользовался моментом, чтобы тщательно осмотреть нового друга. У него действительно были проблемы с правой задней лапой: я обнаружил на ней большой гнойник. Судя по размерам раны, на кота напала собака или лиса; животное успело чувствительно цапнуть рыжего, прежде чем ему удалось вырваться. Судя по количеству шрамов (один красовался прямо на морде, рядом с глазом), кот мне попался боевой...

Я обработал лапу, как умел: сунул рыжего в ванну, потом протер увлажняющей салфеткой вокруг гнойника и наложил мазь на саму рану. Другой кот взбесился бы, вздумай я так с ним обращаться, но этот вел себя достойно и стойко терпел все процедуры.

Остаток дня он провел рядом с батареей; уже тогда стало понятно, что это место будет его любимым. Изредка кот вставал и начинал бродить по квартире, запрыгивая на мебель и точа когти об удобные поверхности. Манекен, который он прежде не удостоил вниманием, теперь притягивал его как магнит. Я был не против. Пусть делает что хочет.

Я знал, что рыжие коты отличаются живым характером; моего гостя буквально переполняла энергия. Когда я попытался его погладить, он подпрыгнул и стал молотить меня лапами. Кот так увлекся игрой, что в какой-то момент едва не разодрал мне руку в кровь.

– Эй, тише, успокойся, – сказал я, опуская рыжего на пол.

Я слышал, что молодые некастрированные самцы бывают чрезмерно игривы. Судя по всему, у моего гостя, который недавно достиг половой зрелости, все необходимое было на месте. Конечно, я не мог утверждать наверняка, но этот факт только подтверждал мои догадки о том, что я привел к себе бродягу, а не домашнего потеряшку.

Вечером я смотрел телевизор; довольный жизнью кот грелся у батареи. Когда я пошел спать, он сорвался с места, чтобы свернуться калачиком у меня в ногах. Прислушиваясь к

тихому мурчанию рыжего, я порадовался, что он рядом. В последнее время мне очень не хватало компании.

* * *

В воскресенье я встал пораньше, чтобы пройтись по улицам и поискать хозяина моего нового соседа. Может, кто-нибудь уже развесил по округе объявления о пропавшем коте. Местные фонари, доски для объявлений и даже автобусные остановки вечно пестрели фотографиями потерявшихся питомцев. Их было так много, что как-то раз я даже задумался, а не промышляет ли в нашем районе банда похитителей котов.

Рыжего я взял с собой – на случай, если сразу найду его хозяина. Чтобы он не сбежал, я на скорую руку смастерил поводок из шнурка; но кот не делал попыток вырваться и спокойно спускался со мной по ступенькам.

Зато когда мы вышли из подъезда, он тут же натянул поводок, как будто вспомнил о срочном деле. Я подумал, что ему, наверное, нужно в туалет. Так и вышло: повинуюсь зову природы, кот бросился к зеленому пятачку рядом с соседним домом и на пару минут скрылся в кустах. Затем он вернулся ко мне и спокойно позволил вернуть поводок на место.

«А он мне и правда доверяет!» – подумал я и сразу почувствовал, что непременно должен отплатить коту за доверие.

Первым делом мы зашли к даме, проживавшей в доме напротив: она приглядывала за местными кошками, подкармливала бездомных и в случае необходимости отводила их к ветеринару для кастрации. Когда она открыла дверь, я заметил в комнате минимум пять кошек! И бог знает сколько еще обитало на заднем дворе. Казалось, о гостеприимстве этой леди знают все окрестные коты. Интересно, у нее хватает денег, чтобы их прокормить?

Едва завидев рыжего, она прониклась к нему симпатией и поспешила на кухню за угощением. К сожалению, она понятия не имела, откуда он взялся. Мой сосед точно не входил в число завсегдатаев ее заднего двора.

– Наверное, он жил в другой части Лондона. Не удивлюсь, если его привезли сюда и бросили, – сказала она. И пообещала держать меня в курсе, если узнает что-нибудь о пропавшем рыжем коте.

Предположение о том, что мой приятель был не из местных, показалось мне очень верным. Из любопытства я отпустил его с поводка и посмотрел, знает ли он, в какую сторону идти. Но кот предпочел держаться рядом со мной: судя по всему, улицы Тоттенхэма были ему незнакомы. Несколько секунд рыжий растерянно таращился по сторонам, а потом посмотрел на меня, и в его взгляде читалось: «Не имею ни малейшего представления о том, где я. Хочу остаться с тобой».

И все же мы продолжили бродить по улицам. В какой-то момент кот снова устремился в кусты, а я воспользовался моментом, чтобы поспрашивать прохожих, не пропал ли у них рыжий кот. Но те в ответ лишь качали головой и пожимали плечами.

Кот всем своим поведением демонстрировал, что чувствует себя в моей компании вполне комфортно и уходить не собирается. Пока мы гуляли, я не переставал задаваться вопросами о том, что же с ним случилось: откуда он взялся у нас в подъезде? что за жизнь была у него до того, как он оказался на коврик перед чужой дверью?

Отчасти я был склонен согласиться с «кошачьей леди»: скорее всего, раньше он был домашним. Вероятно, кто-нибудь получил очаровательного котенка в подарок на Рождество или на день рождения. Рыжие бывают довольно несносными (куда более несносными, чем другие коты), а уж если их не кастрировать вовремя, они нередко начинают показывать характер и претендовать на главенство в семье. Подозреваю, когда мой подопечный проявил свой буйный нрав, бывшие владельцы решили, что с них хватит.

Я представил, как родители говорят ребенку, что «всему есть предел!», закидывают кота на заднее сиденье семейной машины и, вместо того чтобы пристроить его в приют или найти новых хозяев, увозят подальше от дома, чтобы бросить в переулке или где-нибудь на обочине.

У кошек великолепно развито чувство направления, но рыжего явно увезли на достаточное расстояние, чтобы он не мог найти обратную дорогу. Хотя не исключено, что кот понял: на прежнем месте ему не будут рады – и решил найти новый дом.

Еще у меня была версия, что раньше он жил у какой-нибудь старой леди, которая тихо скончалась. Хотя вполне возможно, я ошибался и кот бродяжничал с самого рождения. Для кого-то это стало бы существенным доводом, чтобы отправить животное обратно на улицу. Но чем лучше я узнавал рыжего, тем яснее понимал, что он привык жить рядом с людьми. И тянулся к тем, кто может о нем позаботиться. Поэтому кот так легко пошел за мной.

Главной подсказкой о прошлом рыжего была его рана, которая, несмотря на мои вчерашние старания, по-прежнему выглядела не слишком хорошо. Он явно получил ее в драке. Судя по состоянию гнойника, это случилось несколько дней, а то и неделю назад. Что ж, в Лондоне всегда обитало немало бездомных животных; они бродили по улицам, довольствуясь объедками и редкими подачками сердобольных горожан. Пять-шесть веков назад такие места, как Грэшем-стрит в Сити, Слеркенвэлл-Грин и Друри-лейн были известны как «кошачьи улицы». На них было не протолкнуться от бездомных котов. Каждый день они сражались за выживание с такими же бродягами. И многие, наверное, были похожи на моего рыжего знакомца – потрепанные, сломленные обстоятельствами существа.

Может, он почувствовал во мне родственную душу?..

Глава 2

Путь к выздоровлению

Мне всегда казалось, что я неплохо понимаю кошек, поскольку общался с ними с самого раннего детства. У нас в семье было несколько сиамских, а в какой-то момент мы даже завели красавицу черепахового окраса. По большей части у меня сохранились теплые воспоминания о наших питомцах, но, как водится, прочнее всего в голове засело самое плохое.

Хотя я вырос в Англии, некоторое время наша семья жила в местечке Крейги в западной части Австралии. Там мы завели очаровательного белого, пушистого котенка. Не помню, где мы его взяли – возможно, у местного фермера. Как бы то ни было, в родном доме котенку приходилось несладко. По неизвестной причине прежние хозяева не сочли нужным показать его ветеринару, поэтому к нам малыш попал с «приданым» в виде огромного блошиного семейства.

Правда, мы не сразу узнали о «подарке». У котенка был густой белый мех, так что блохи свободно плодились и размножались, не попадаясь нам на глаза. Как известно, эти создания – паразиты, они вытягивают жизнь из других существ, чтобы поддерживать свою. Блохи в буквальном смысле выпили из котенка всю кровь, а мы заметили это слишком поздно. Мама сразу отвезла малыша к ветеринару, но тот уже ничего не мог поделать. У котенка обнаружили множественные инфекции и другие проблемы со здоровьем. Он умер через пару недель после того, как попал к нам в дом. Мне в тот момент было пять или шесть лет, так что смерть котенка стала для меня настоящим шоком. Как и для моей мамы.

В последующие годы я вспоминал несчастного малыша всякий раз, когда видел белую кошку. И в те выходные, когда в моей квартире поселился рыжий кот, история с блохами не выходила у меня из головы. Я видел, что шерсть моего питомца в ужасном состоянии, в отдельных местах она протерлась так сильно, что была видна кожа. И меня не покидало подозрение, что рыжего может постигнуть судьба того белого котенка.

Сидя дома и глядя на нового соседа, я принял решение, что не допущу этого. Вряд ли консервированный тунец, ванна и сон у батареи помогут коту поправить здоровье. Не стоит полагаться только на собственную заботу и отзывчивость: животному необходима помощь специалиста. К тому же я опасался, что недостаточно хорошо обработал рану – и кто знает, какую заразу кот мог подхватить, пока жил на улице? Понимая, что медлить не стоит, я принял решение на следующий день отвести рыжего в ближайшее отделение Королевского общества защиты животных у Финсбери-парка.

Я завел будильник; ранее утро и серый пейзаж за окном не вдохновляли на подвиги, но я запретил себе искать отговорки, встал и накормил кота тунцом с крекерами. Учитывая состояние его лапы, я понимал, что вряд ли рыжий отнесся бы к полуторачасовой прогулке с большим энтузиазмом. Поэтому я решил посадить его в зеленую пластиковую коробку для мусора. Не самый лучший вариант, но других у меня не было. Едва мы вышли за дверь, как кот ясно дал мне понять, что «переноска» ему не нравится. Он метался внутри коробки и изо всех сил пытался выбраться наружу. В конце концов я сдался.

– Ладно, сам тебя понесу, – сказал я, подхватывая кота одной рукой, а в другой продолжая удерживать коробку.

Рыжий шустро перебрался ко мне на плечи и с большим удобством просидел там всю дорогу до ветеринарного центра.

Едва переступив порог здания, я подумал, что попал в ад... Отделение было битком набито посетителями; в основном там сидели покрытые агрессивными татуировками неприветливые бритые подростки со своим зверьем (по большей части – стаффордширскими бультерье-

рами, получившими травмы в боях с другими собаками, и не исключено, что бои проводились на потеху публике). Люди обычно называют британцев «нацией, которая любит животных». Уж чем-чем, а любовью к животным тут и не пахло. То, как некоторые люди обращаются со своими питомцами, ничего, кроме отвращения, не вызывает.

Кот перебрался ко мне на колени, потом снова залез на плечи. Он нервничал, и я прекрасно его понимал. Почти все собаки в приемной сочли своим долгом злобно рыкнуть на него, а одна или две опасно натянули поводки, пытаясь добраться до рыжего. К счастью, вскоре их вызвали в процедурный кабинет. Каждый раз, когда медсестра появлялась на горизонте, я надеялся, что это за нами, но в результате мы просидели в приемной почти четыре с половиной часа...

Наконец мы с котом услышали долгожданное: «Мистер Боуэн, доктор готов вас принять».

Ветеринар оказался мужчиной средних лет, производившего впечатление человека много повидавшего и порядком уставшего от жизни. Он посмотрел на меня так, что я сразу почувствовал себя не в своей тарелке (хотя, вполне возможно, причиной моего нервного состояния были несколько часов, проведенных в компании не слишком дружелюбных собак и их не слишком приятных хозяев).

– Так в чем проблема? – сразу спросил ветеринар.

Я понимал, что он просто делает свою работу, но едва удержался от того, чтобы не ответить: «Если бы я знал, меня бы здесь не было». Я сообщил, что нашел кота в подъезде, и показал гноящуюся рану у него на лапе.

– Давайте его осмотрим, – вздохнул ветеринар.

Он видел, что кот мучается от боли, и вколол ему слабое обезболивающее. Потом сказал, что выпишет рецепт на двухнедельный курс антибиотика амоксициллина.

– Если через две недели его состояние не улучшится, жду вас в своем кабинете, – заключил он.

Я подумал, что нужно воспользоваться случаем и спросить ветеринара про блох. Доктор мельком осмотрел кота, но никаких насекомых не нашел.

– И все же, думаю, будет полезно подавать ему лекарство от блох. Молодые коты часто цепляют всяких паразитов, – заметил он.

Я едва удержался от того, чтобы сказать доктору, что прекрасно об этом знаю. Но вместо этого молча дождался, пока он выпишет рецепт. К чести ветеринара, стоит отметить, что он проверил, нет ли на рыжем микрочипа. И ничего не нашел, что в очередной раз подтвердило мою версию насчет уличного прошлого моего нового соседа.

– Вам следует при первой же возможности установить коту микрочип, – посоветовал врач. – И как можно скорее его стерилизовать, – добавил он, протягивая мне брошюру и рекламу бесплатной кастрации бездомных животных.

Вспомнив, как рыжий вчера скакал по квартире и царапался, я кивнул.

– Думаю, это хорошая идея, – улыбнулся я, ожидая услышать в ответ «почему?».

Но доктор, казалось, уже забыл о нашем существовании. Он с отрешенным видом забивал информацию в компьютер и распечатывал рецепты. Мы с котом были для ветеринара лишь очередной деталью на конвейере, которую нужно было обработать и выставить за дверь, освобождая место для следующего пациента. Что ж, я его не винил, поскольку понимал, что так работает система.

Через несколько минут мы вышли из кабинета и направились с рецептами к пункту выдачи лекарств. Стоявшая за прилавком дама в белом халате была чуть более приветливой, чем ее коллега.

– Какой красавец! – восхитилась она. – У моей мамы как-то жил рыжий кот. Лучший друг из всех, кто у нее когда-либо был. Потрясающий темперамент. Сидел у ее ног и флегматично смотрел, как меняется мир. Даже если бы бомба рядом взорвалась, он бы ее не бросил.

Просмотрев рецепты, дама выписала чек.

– С тебя двадцать два фунта, милый, – сказала она.

У меня внутри все похолодело.

– Двадцать два фунта! Да ладно! – воскликнул я. На тот момент все мое состояние ограничивалось тридцатью фунтами.

– Боюсь, что так, милый, – покачала головой дама. Она нам сочувствовала, но заниматься благотворительностью не собиралась.

Я протянул деньги и забрал сдачу. Для меня тридцать фунтов были значительной суммой. Именно столько я обычно зарабатывал за день! Но выбора не было: не мог же я подвести своего нового друга...

– Судя по всему, нам придется терпеть друг друга еще минимум две недели, – сказал я коту, когда мы отправились в обратный путь. И я не лукавил. Я не собирался избавляться от рыжего, пока он не пропьет все необходимые лекарства. Никто, кроме меня, не будет следить за тем, принял ли кот таблетки, а я пока не мог позволить ему вернуться на улицу, где легко подхватить какую-нибудь заразу.

Не знаю почему, но осознание ответственности за рыжего меня слегка взбодрило. Я почувствовал, что в моей жизни появилась еще одна цель – я получил возможность сделать что-то хорошее для кого-то, помимо самого себя.

Днем я заглянул в ближайший зоомагазин и купил двухнедельный запас нормальной кошачьей еды. В ветеринарном центре мне выдали образец разработанного учеными корма, кот его одобрил, поэтому я купил целый пакет, дополнив им набор обычных консервов. На это ушло почти девять фунтов, после чего я остался практически без денег. И вечером мне пришлось оставить рыжего, чтобы отправиться с гитарой на Ковент-Гарден. Теперь я должен был кормить нас обоих.

Следующие несколько дней я выхаживал кота и заодно знакомился с ним поближе. К тому времени я уже придумал для него имя – Боб. Признаюсь, я позаимствовал идею у любимого сериала «Твин Пикс», одного из героев в котором звали Убийца Боб. Он был шизофреником с раздвоением личности в духе доктора Джекилла и мистера Хайда. Большую часть времени он вел себя абсолютно нормально, но в следующий миг мог потерять над собой контроль и начать творить всякие безумства. Мой кот чем-то его напоминал. В довольном и счастливом состоянии он был образцом спокойствия и благодушия. Но если вдруг у него портилось настроение, кот сходил с ума и начинал метаться по квартире. Как-то вечером я разговаривал с Бэлль, и меня внезапно осенило.

– Он похож на Убийцу Боба из «Твин Пикс»! – воскликнул я, получив в ответ непонимающий взгляд. Но это было уже неважно. Кот обрел свое имя.

К тому времени я окончательно убедился, что раньше он жил на улице. Когда рыжему требовалось сходить в туалет, он наотрез отказывался пользоваться лотком, который я для него купил. Вместо этого приходилось выносить его на улицу, чтобы он мог уединиться в кустах рядом с домом. Кот бросался в заросли и там справлял нужду, после чего тщательно закапывал следы преступления.

Наблюдая как-то утром за его действиями, я задумался: а что, если раньше он принадлежал цыганам? В нашем районе их было немало; более того, неподалеку от моего дома находилось целое временное поселение цыган. Может, рыжий жил в какой-нибудь семье и отстал от цыган, когда они в очередной раз переезжали... В любом случае, домашним котом в классическом смысле он точно никогда не был.

Зато с каждым днем он все крепче привязывался ко мне. А я к нему. Поначалу кот держался настороженно, но с каждым днем становился все более дружелюбным и все активнее проявлял симпатию. Конечно, изредка он мог и оцарапать, да и приступы безумия никто не отменял, но теперь я знал, что эту проблему решит кастрация.

В нашей жизни появилось некоторое подобие порядка. По утрам я оставлял Боба одного и ехал на Ковент-Гарден, где играл на гитаре до тех пор, пока не набирал достаточно денег. Когда я возвращался, кот сидел у входной двери. Он провожал меня до дивана, и потом мы вместе смотрели телевизор. Я постепенно начинал осознавать, какое умное животное мне досталось. Боб явно понимал все, что я ему говорил! Когда я хлопал по дивану и приглашал его посидеть со мной, он всегда устраивался рядом. Боб также понимал, когда я говорил, что пора принимать лекарства. Правда, смотрел он на меня так, будто хотел сказать: «А это обязательно?» К счастью, больше он никак недовольство не демонстрировал и покорно терпел, пока я клал таблетки ему в рот и аккуратно шекотал горло, чтобы он их проглотил. Большинство кошек попытаются отгрызть вам руку, если вы вздумаете запихнуть что-нибудь им в пасть. Но Боб мне доверял. А я чувствовал, что судьба свела меня с удивительным животным. Никогда прежде я не встречал кота, похожего на Боба.

Нет, мой кот не был идеальным. Он знал, где хранится еда, и совершал регулярные набеги на кухню, переворачивая кастрюли и сковородки в поисках вожаемой добычи. Поскольку упорства ему было не занимать, дверцы шкафов и холодильника вскоре украсили царапины от острых когтей – ради лакомства Боб не отступал ни перед какими преградами.

Но стоит отдать ему должное, значение слова «нет» он тоже понимал.

Мне достаточно было сказать ему: «Нет, уходи оттуда, Боб» – и он уходил. Это в очередной раз доказывало, что мой кот обладает недюжинным умом. И это порождало новые вопросы о его прошлом. Разве уличный котяра будет слушать, что говорит ему человек? Я в этом сомневался...

Меня радовало общество нового соседа, но я постоянно напоминал себе, что следует быть осторожным. Я не хотел слишком сильно привязываться к рыжему, поскольку знал: рано или поздно он захочет уйти. Боб не был похож на кота, которому нравится, что с ним все время носятся. Другими словами, он не был похож на домашнего питомца.

Но пока я назначил себя его хранителем и опекуном и был решительно настроен сделать все от меня зависящее. Я хотел подготовить его к возвращению на улицу, поэтому заполнил заявление на кастрацию, которую мне выдал ветеринар из центра. Потом сунул его в почтовый ящик и всего через пару дней – признаюсь, я был приятно удивлен, – получил сертификат на бесплатную операцию.

На следующее утро я, как обычно, вывел Боба на прогулку – его лоток по-прежнему оставался девственно-чистым. Ну не нравилось рыжему ходить туда в туалет! Зато ему определенно нравились кусты у соседнего дома. По какой-то причине они стали его любимым местом. Подозреваю, это имело отношение к манере котов метить территорию, о которой я прочитал в каком-то научном журнале.

Несколько минут он потратил непосредственно на сам процесс, потом какое-то время уничтожал улики. Меня никогда не уставали поражать опрятность и чистоплотность кошек. Почему для них это так важно?

Убедившись, что все в порядке, Боб устремился было ко мне, как вдруг замер и заметно напрягся, словно увидел что-то. Я обернулся, желая посмотреть, что его так озадачило, но кот меня опередил: он внезапно сорвался с места и бросился вперед со скоростью молнии. Боб бежал так быстро, что на какое-то время превратился в расплывчатое пятно. Прежде чем я успел опомниться, он схватил что-то в траве возле изгороди. Подойдя поближе, я увидел, что кот зажал в лапах небольшую серую мышку. Она отчаянно пыталась вырваться, но шансов у нее не было. Боб крепко держал добычу и теперь собирался вцепиться в нее зубами. Не самое приятное зрелище... Мышиные лапки болтались из стороны в сторону, пока Боб осторожно перемещал зверька в пасти, чтобы окончательно его придушить. Вскоре случилось неизбежное: маленькое создание испустило дух. А Боб разжал челюсти и опустил его на землю.

Я знал, что должно случиться, но не хотел, чтобы рыжий съедал добычу. Мыши переносили разные инфекции, поэтому я опустился на колени и попытался отодвинуть серую тушку. Бобу это не понравилось; он издал недовольный звук – нечто среднее между ворчанием и шипением – и снова схватил мышью зубами.

– Отдай ее мне, Боб, – сказал я, не собираясь уступить коту. – Отдай ее мне.

Бобу мое предложение не слишком понравилось. «Зачем это?» – читалось в его глазах.

Порывшись по карманам, я достал кусок крекера и протянул коту в обмен на мышью:

– Поверь мне, Боб, это гораздо полезнее.

Хотя мои слова его не убедили, кот все-таки сдался и выпустил добычу. Едва он отошел от мышки, я осторожно поднял ее за хвост и выкинул в ближайшую урну. Эпизод с грызуном напомнил о еще одном замечательном – ну, как мне кажется! – факте: кошки – довольно опасные хищники. Многим людям не нравится думать, что их ласковый котенок на самом деле прирожденный убийца, но тут уж ничего не поделаешь – им только дай волю! Во многих странах, например в Австралии, закон запрещает кошкам гулять по ночам из-за урона, который они наносят популяции местных птиц и грызунов.

Боб ярко проявил свой охотничий талант. В моей квартире жил хладнокровный, быстрый и опытный убийца. И он в точности знал, что нужно делать.

Я снова задумался о том, что за жизнь была у рыжего до того, как он оказался на коврике в подъезде. Что он делал ради выживания? Изо дня в день полагался исключительно на свой охотничий талант? Был с рождения вынужден самостоятельно добывать себе пропитание или все-таки вырос в благополучной семье под присмотром заботливых хозяев? Как он стал таким? Хотел бы я знать... Готов поручиться, уличному другу было что рассказать. Как и мне. И это нас объединяло.

Когда я остался без крыши над головой и стал зарабатывать, играя на гитаре на потеху прохожим, люди начали интересоваться моим прошлым. Как я дошел до жизни такой? – спрашивали они. Некоторых, конечно, вынуждала профессия. Мне довелось пообщаться с дюжиной социальных работников, психологов и даже полицейских, и все они стремились выяснить, как я оказался на улице. Хотя обычных людей ответ на этот вопрос тоже интересовал.

Не знаю почему, но многих словно зачаровывает тот факт, что некоторые члены общества опускаются на дно. Думаю, отчасти им нравится вздохнуть с облегчением: «Меня-то, слава богу, такая судьба миновала», ведь не повезти может каждому. И в то же время моя история заставляет их по-другому взглянуть на свою жизнь: «Конечно, не все в ней идеально, но я мог бы оказаться на месте этого бедняги!»

Хотя люди, подобные мне, по-разному оказываются на улице, есть в наших историях общие моменты. Зачастую это наркотики и алкоголь. Но чаще всего цепочка событий, приводящая к такому финалу, тянется из детства, и первым звеном становятся не самые лучшие отношения в семье. Со мной, во всяком случае, именно так и случилось.

Первые годы моей жизни были довольно беспокойными, и в основном потому, что я постоянно переезжал из Великобритании в Австралию и обратно. Я родился в графстве Суррей, но когда мне исполнилось три года, наша семья переехала в Мельбурн. К тому времени родители уже развелись. Отец остался в Англии, а мать, стремясь забыть о разочарованиях супружеской жизни, с головой ушла в карьеру, устроившись на работу в компанию по продаже ксероксов «Rank Xerox». Она не ошиблась с выбором профессии и вскоре стала одним из лучших продавцов.

Впрочем, на месте ей не сиделось, поэтому через два года мы переехали в Западную Австралию и жили там, пока мне не исполнилось девять. В Австралии было неплохо. Мама выбирала дома с верандой и большим садом на заднем дворе, так что в моем распоряжении было столько свободного пространства для игр и приключений, сколько мальчишка мог пожелать. Австралийскую природу я любил. Но при этом у меня совсем не было друзей.

Я тяжело сходился с ребятами в школе; наверное, причина в том, что мы часто переезжали. Все надежды «укорениться» в Австралии пошли прахом, и тогда мы вернулись в Великобританию и обосновались в Сассексе близ Хоршема. В Англии мне понравилось; я сохранил немало счастливых воспоминаний о том времени. Но только я начал привыкать к жизни в Северном полушарии, как мы снова сорвались с места – и опять оказались в Западной Австралии. Мне тогда было двенадцать.

На этот раз мы поселились в местечке под название Куинз-Рок. Думаю, там-то мои проблемы и начались. Из-за всех этих переездов мы редко задерживались в одном доме дольше чем на пару лет. Мама постоянно что-то покупала и продавала и все время была в разъездах. Настоящего семейного гнезда у нас не было, я не успевал привыкнуть ни к одному дому. Мы жили как какие-то цыгане!

Я не психолог, хотя в последние годы мне часто приходилось с ними общаться, но я, наверное, не ошибусь, если скажу, что постоянные переезды ребенку на пользу не идут. Я очень тяжело находил общий язык с людьми. В школе мне было трудно завести друзей. Я всегда слишком старался понравиться окружающим, впечатлить их, что давало обратный результат: в каждой школе меня считали слабаком и неудачником, над которым не грех поиздеваться. Но хуже всего было в Куинз-Рок.

Понятно, что я выделялся из толпы со своим британским акцентом и желанием всем угодить. Но я не думал, что это превратит меня в ходячую мишень. В буквальном смысле. Куинз-Рок не просто так называли Куинз-Рок, и местные дети прекрасно знали, как применить валяющиеся то тут, то там куски известняка. Как-то раз одноклассники решили забросать меня камнями: по пути из школы я попал под настоящий камнепад и заработал сотрясение мозга.

Напряженные отношения с отчимом, которого звали Ник, тоже не способствовали улучшению ситуации. На мой подростковый взгляд, он был настоящим придурком. И я не стеснялся ему об этом говорить. Мама встретила с ним, когда стала работать в полиции Хоршема, а потом он перебрался вместе с нами в Австралию.

Первые годы после переезда мы продолжали вести прежний скитальческий образ жизни. Обычно это было связано с маминной работой. Природа не обделила ее деловой хваткой, обычно маме сопутствовал успех; в какой-то момент она даже начала снимать видеокурсы, посвященные телемаркетингу. И некоторое время все шло хорошо. Потом она основала журнал «City Woman», но тут удача вдруг перестала ей улыбаться. Иногда у нас было полно денег, иногда не хватало даже на самое необходимое. Но такие периоды никогда не затягивались надолго – мама была настоящим предпринимателем.

К пятнадцати годам я почти перестал ходить в школу. Мне надоело быть мальчиком для битья. С Ником отношения лучше не стали. А еще я был очень независимым, настоящим сорвиголовой, вечно приходил домой затемно, никого не слушал и не признавал никаких авторитетов. Неудивительно, что вскоре я научился профессионально находить приключения на свою голову. Собственно, я до сих пор не до конца избавился от этой привычки.

С учетом всего вышесказанного, вряд ли кому-то покажется странным, что я подсел на наркотики. Сперва я нюхал клей в попытке убежать от реальности, но быстро завязал с этим делом, чтобы перейти на травку и промышленный растворитель толуол. Одно тянуло за собой другое, третье и так далее. Я был зол на весь мир. Я чувствовал, что мне ужасно не повезло.

«Покажите мне семилетнего ребенка, и я скажу вам, что за человек из него выйдет», – говорят люди. Не уверен, что вы бы узнали взрослого меня в семилетнем мальчишке, играющем в саду, но когда мне было семнадцать, предсказать мое будущее было гораздо проще. Я прочно встал на путь саморазрушения.

Мама изо всех сил старалась избавить меня от наркозависимости. Она видела, что я делаю с собой, – и могла представить, к каким ужасным последствиям это приведет. Она поступала так, как поступила бы любая мать на ее месте. Обыскивала одежду в поисках наркоти-

ков, несколько раз запирала меня в спальне. Но замки у нас дома были не самые сложные, и я быстро научился открывать их при помощи шпильки для волос. Один поворот – и готово! Я не собирался мириться с тем, что мама – или кто-либо еще – ограничивает мою свободу. Мы стали ссориться еще больше, чем раньше, наши отношения неизбежно ухудшались. Мама дошла до того, что отвела меня к психиатру. У меня диагностировали целый набор заболеваний, начиная от шизофрении и маниакальной депрессии и заканчивая синдромом дефицита внимания и гиперактивности. Естественно, я не обращал внимания на слова врачей. Я был запутавшимся подростком, который считал, что знает о жизни больше, чем кто-либо. Оглядываясь назад, я понимаю, через что пришлось пройти моей матери. Наверное, она чувствовала себя абсолютно беспомощной и с ужасом представляла, что ждет ее сына в будущем. Но в тот момент переживания других людей волновали меня меньше всего. Я никого не слушал и ни на кого не обращал внимания.

В какой-то момент все стало настолько плохо, что мне пришлось переехать в христианское благотворительное жилье. Там я бездельничал, принимал наркотики и играл на гитаре. Хотя не обязательно всегда в таком порядке.

Незадолго до восемнадцатилетия я объявил, что собираюсь вернуться в Лондон, чтобы жить со своей сводной сестрой (дочерью отца от первого брака). Фактически, это стало началом конца, хотя со стороны могло показаться, что я внезапно стал вести себя как нормальный подросток. Мама отвезла меня в аэропорт, я поцеловал ее на прощание и помахал ей в след, когда машина отъехала. Мы оба думали, что я уезжаю на полгода, не больше. Таков был наш план. Я собирался пробыть в Лондоне шесть месяцев, потусить со сводной сестрой и попытаться воплотить в жизнь мечту стать музыкантом. Но все пошло не по плану.

Поначалу я действительно поселился у сводной сестры. Правда, ее муж отнесся к моему приезду без особой радости. Напоминаю, я был несговорчивым подростком, одетым как гот... да что там, настоящей занозой в заднице. Занозой, которая не платила за коммунальные услуги.

В Австралии я подрабатывал в сфере информационных технологий и продавал сотовые телефоны, но в Великобритании никуда устроиться не смог. Один раз меня наняли барменом, но управляющему не понравилось мое лицо, и я потерял место сразу после того, как уехавшие на рождественские праздники сотрудники вернулись в Лондон. И словно этого было мало, начальство сообщило социальным службам, что я сам уволился с работы, следовательно, не мог претендовать на пособие, которое полагалось мне как имевшему счастье родиться на английской земле.

В результате тот факт, что я живу у них дома, стал радовать мужа сестры еще меньше. В конце концов мне указали на дверь. После приезда в Лондон я успел пару раз встретиться с отцом, но мы оба понимали, что не уживемся вместе, ведь мы едва знали друг друга. Некоторое время я ютился у друзей, ночуя на диване для гостей или на полу, а потом и вовсе начал вести кочевой образ жизни, таскаясь со спальным мешком по квартирам случайных знакомых и разным лондонским сквотам. Потом оказался на улице.

А оттуда до дна было совсем недалеко.

Жизнь на улицах Лондона лишает тебя достоинства, личности – лишает всего. Хуже того, ты становишься никем в глазах других людей. Они начинают воспринимать тебя, как пустое место. Не хотят иметь с тобой дела. Вскоре в целом мире у тебя не остается ни одного друга. Пока я бродяжничал, мне удалось устроиться грузчиком на кухню. Но меня выгнали с работы, когда узнали, что я бездомный, хотя ничего плохого я не сделал. Если у тебя нет жилья, не стоит рассчитывать на удачу и хорошее отношение.

Я бы мог поправить свои дела, если бы вернулся в Австралию. У меня даже был обратный билет, но за две недели до вылета я потерял паспорт. Никаких документов не осталось, денег на их восстановление тоже не было. Надежда на возвращение к семье в Австралию растаяла, как дым. И я вместе с ней.

Следующий период моей жизни был окутан наркотическим и алкогольным туманом, перемежавшимся вспышками мелких преступлений и беспросветного отчаяния. То, что я подсел на героин, ситуацию не улучшало.

Первый раз я попробовал этот наркотик в надежде, что он поможет мне уснуть на улице, заставит забыть о холоде и одиночестве. Героин действительно перенес меня в другое место. К несчастью, попутно он подчинил себе мою душу. К 1998 году я уже плотно сидел на игле. Пару раз я едва не умер от передозировки, хотя, признаюсь честно, слабо осознавал, чем рискую.

В то время мне даже в голову не приходило связаться с кем-нибудь из родственников. Я исчез с поверхности земли, и меня это мало заботило. Я был слишком занят своим выживанием. Оглядываясь назад, могу только представить, через какой ад я заставил их пройти. Готов поспорить, им пришлось порядком понервничать.

Спустя год после приезда в Лондон (и через девять месяцев после начала жизни на улице) я слегка опомнился. Когда я только прилетел из Австралии, я встретился с отцом, но после этого мы с ним не общались. И как-то под Рождество я решил ему позвонить. Трубку взяла его жена – моя мачеха. Сам он отказывался подходить к телефону и заставил меня провисеть на линии несколько минут – так он был зол.

– Где тебя черти носили? Мы тут чуть с ума не сошли! – сказал он, когда сумел взять себя в руки.

Я попытался было как-то оправдаться, но отец меня не слушал. Он кричал, что мать постоянно названивала ему и безуспешно пыталась меня найти. Если учесть, что эти двое старались разговаривать друг с другом как можно меньше, становится ясно, насколько сильно она волновалась. В течение пяти минут отец высказывал все, что он обо мне думает. Сейчас я понимаю, что помимо злости он чувствовал огромное облегчение. Скорее всего, он уже не надеялся меня услышать. И ведь в каком-то смысле я действительно умер.

Этот период моей жизни продолжался почти год. В основном я ночевал под открытым небом на одном из лондонских рынков, и в конце концов меня подобрала благотворительная организация, помогавшая бездомным. Я сменил немало ночлежек, пока не оказался в приюте на Сент-Мартинс-лейн. Там мое имя попало в список тех, кому остро необходимо жилье. В результате следующие десять лет я перебирался из ужасных общежитий в hostels с наркоманами, которые тащили все, что не приколочено. Чтобы сберечь хоть что-то, мне приходилось спать, запихнув ценное имущество под одежду. Я мог думать только о том, как выжить.

Моя наркозависимость со временем только усиливалась. Ближе к тридцати годам я попал в реабилитационный центр. Пару месяцев мне помогли прийти в себя и избавиться от ломки, а потом включили в программу по освобождению от наркозависимости. На какое-то время ежедневный поход в аптеку и поездка в Центр лечения от наркозависимости в Камдене раз в две недели стали смыслом моей жизни. Я практически на автомате вставал с постели и словно в полусне – хотя чаще всего именно таким мое состояние и было – отправлялся туда, куда меня толкали рефлексы.

В центре я общался с психологами, без конца рассказывал о своей зависимости, о том, откуда она взялась и как я намерен с ней справляться. Легко придумать причину, толкнувшую вас к наркотикам, но в моем случае все было предельно ясно. Одиночество – и ничего, кроме одиночества. Героин позволял мне забыть, что во всем мире у меня нет ни одного близкого человека, что моя семья далеко, а близкие отвернулись. Я был сам по себе, и, пусть многим это покажется странным и необъяснимым, героин стал моим другом.

В глубине души я, конечно, понимал, что он меня убивает. Причем в буквальном смысле слова. Поэтому через пару лет я перешел с героина на метадон, синтетический опиоид, который используют для избавления от зависимости тех, кто сидит на морфии и героине. К весне 2007 года план был таков: я начну постепенно отказываться от каких-либо наркотиков. И переезд

в Тоттенхэм стал ключевым пунктом этого плана. Я должен был жить в обычном многоквартирном доме, где моими соседями были простые люди. Я получил шанс привести свою жизнь в порядок.

Чтобы хоть частично оплачивать аренду, я начал играть на площади Ковент-Гарден. Зарабатывал я совсем немного, но этого хватало на еду, газ и электричество. И дарило хоть какое-то чувство уверенности в своих силах. Я понимал, что получил возможность оставить все плохое позади. И не мог позволить себе ее упустить. Будь я котом, это была бы моя девятая жизнь.

Глава 3

Чик!

Подходила к концу вторая неделя лечения; кот явно чувствовал себя гораздо лучше. Рана на лапе быстро заживала, на месте проплешин стал расти новый, густой мех. Даже по морде Боба можно было сказать, что он счастлив – так у него сияли глаза. В них появились зеленые и желтые искорки, которых я прежде не замечал.

Кот прочно встал на путь к выздоровлению, и невероятно игривое поведение было тому весомым доказательством. Он и в первый-то день напоминал маленький торнадо, а в результате лечения и вовсе превратился в шаровую молнию. Я не представлял, что такое возможно. Временами он принимался скакать и метаться по квартире словно безумный. При этом он не забывал впиваться когтями в любую доступную поверхность, включая меня.

Боб испытывал на прочность деревянную мебель, а я мог похвастаться впечатляющими царапинами на руках. Но я не сердился на кота, поскольку знал, что он делает это не со зла, он просто играет. Впрочем, его активность на кухне начинала внушать опасения. Кот не оставлял попыток прорваться в холодильник и открыть дверцы шкафов, поэтому мне пришлось купить несколько дешевых пластиковых замков, которые обычно пользуются большим спросом у родителей маленьких детей.

Благодаря Бобу я перестал разбрасывать вещи, потому что кот воспринимал ботинки или предметы одежды как новые игрушки, в результате чего они быстро теряли приличный вид.

В общем, все в его поведении говорило о том, что пора что-то предпринять. Я достаточно общался с кошками, чтобы понять что именно. Мой новый сосед, без сомнения, буйствовал от переизбытка тестостерона. Его определенно необходимо было кастрировать. Поэтому я скормил коту последнюю таблетку, выждал пару дней и решил позвонить местным ветеринарам из Эбби-клиник на Далстон-лейн.

Я знал несколько аргументов против того, чтобы лишать кота его достоинства, но аргументов «за» было куда больше. Если Боба не кастрировать, гормоны будут регулярно брать над ним верх, и он начнет бегать по улицам в поисках подходящей кошечки. Рыжий кот пропадет на несколько дней или даже недель; у него будут все шансы попасть под машину и ввязаться в драку с другими котами. Если вспомнить о ране на лапе и шрамах, не исключено, что такое уже бывало, и не раз. Коты ревностно охраняют свою территорию и старательно ее метят. Вполне возможно, Боб случайно зашел на чужую землю и поплатился за это. Я понимал, что у меня начинает развиваться паранойя, но ничего не мог с собой поделать: я боялся, что рыжий подцепит какое-нибудь венерическое заболевание вроде FeLV или FIV (кошачий вариант ВИЧ). И наконец, если Боб все-таки останется со мной, ужиться с кастрированным котом, который может себя контролировать, гораздо легче. И это тоже было весомым аргументом «за». После операции у него пропадет потребность громить мою квартиру.

Что касается аргументов против кастрации, их было совсем немного. Главный из них: это позволит избежать операции. Хотя нет, не главный. Единственный. Согласитесь, не слишком внушительная причина. Поэтому я набрал номер ветеринарной клиники и объяснил медсестре нашу ситуацию. Меня интересовало, принимают ли они сертификаты на бесплатную кастрацию. На другом конце провода сказали, что нам повезло и мы можем приносить кота. Меня волновал тот факт, что Боб только-только закончил принимать антибиотики, но медсестра успокоила меня на этот счет и посоветовала записать рыжего на операцию через два дня.

– Просто приведите его в клинику утром и оставьте у нас. Если все пойдет по плану, сможете забрать кота уже в конце дня, – сказала она.

Зная, что операция назначена на десять часов, я встал в то утро пораньше. Со времен предыдущего похода к ветеринару это был первый раз, когда мы с котом отправлялись в серьезное путешествие. Из-за курса антибиотиков я не выпускал Боба из квартиры (за исключением тех случаев, когда ему требовалось сходить в туалет). Поэтому я снова достал зеленую коробку, которая коту еще в прошлый раз не понравилась. Погода за окном была отвратительная, так что мне пришлось воспользоваться крышкой, чтобы уберечь рыжего от непогоды. За две недели ничего не изменилось: Боб по-прежнему не одобрял такой способ передвижения и все время высовывал голову, чтобы смотреть по сторонам.

Больница Эбби-клиник оказалась небольшим зданием, зажатым между газетным киоском и медицинским центром в ряду магазинов на Далстон-лейн. Хотя мы пришли задолго до назначенного времени, в коридоре уже было полно народу. Собаки, как обычно натягивали поводки и рычали на кошек, которые сердито шипели в переносках. Я начинал привыкать к этой картине! Из-за пластиковой коробки Боб сразу обратил на себя внимание агрессивных псов. А я заметил, что среди здешних пациентов тоже немало стаффордширских бульдогов (и их владельцев-неандертальцев).

Некоторые коты не выдержали бы напряжения и сбежали. Но у Боба был такой вид, будто ему дела нет до этих грозных псов. Он верил, что в случае необходимости я смогу его защитить.

Когда назвали мое имя, навстречу нам вышла молоденькая медсестра с какими-то бумагами в руках. Она отвела меня в кабинет и задала несколько стандартных вопросов.

– Как вы понимаете, последствия операции необратимы. Вы уверены, что не хотите использовать Боба в качестве самца-производителя? – уточнила она.

– Уверен, – улыбнулся я, поглаживая рыжего по голове.

А вот следующий вопрос поставил меня в тупик.

– Сколько Бобу лет?

– Эээ... Честно говоря, понятия не имею, – протянул я, после чего коротко рассказал нашу с ним историю.

– Что ж, давайте посмотрим.

Медсестра объяснила: тот факт, что достоинство Боба еще при нем, поможет нам определить его примерный возраст.

– Коты и кошки достигают половой зрелости примерно в полгода. Если в этом возрасте их не прооперировать, происходят определенные физические изменения. У котов, к примеру, округляются щеки, шкура становится толще. В целом некастрированные коты крупнее тех, которых прооперировали, – рассказала девушка. – Поскольку Боб не слишком крупный, рискну предположить, что ему месяцев девять-десять.

Затем медсестра протянула мне соглашение, подписав которое я отказывался от каких-либо претензий в случае осложнений. Операция была несложной, а риск минимальным, но все-таки лучше перестраховаться.

– Мы тщательно осмотрим кота и, может быть, перед операцией возьмем у него кровь на анализ, – успокоила меня медсестра. – Если возникнут проблемы, мы с вами свяжемся.

– Хорошо, – смущенно пробормотал я.

Мобильного телефона у меня не было, поэтому вряд ли они смогут мне позвонить.

Затем медсестра рассказала о самой операции.

– Кастрация проводится под общим наркозом, обычно операция не занимает много времени. Врач делает на мошонке два надреза и через них удаляет яички.

– Ауч! – шутливо поморщился я и потрепал кота по спине.

– Если все пройдет нормально, через шесть часов вы сможете его забрать, – сказала медсестра и посмотрела на часы. – Так что жду вас примерно в половине пятого. Вам подходит это время?

– Да, конечно, – кивнул я. – Увидимся!

В последний раз обняв Боба, я вышел на хмурую улицу. Снова собирался дождь. Смысла ехать на Ковент-Гарден не было: я доберусь до площади, спою пару песен – и пора будет возвращаться. Поэтому я решил попытать счастья на железнодорожной станции Далстон-Кингсленд. Не лучшая площадка в мире, зато позволит скоротать время и заработать пару фунтов в ожидании Боба. К тому же рядом со станцией был магазинчик, где мне разрешат укрыться, когда начнется ливень.

Достав гитару из чехла, я постарался отогнать прочь мысли о Бобе. Не хотелось мне представлять его на операционном столе. Если он всю жизнь провел на улице, кто знает, что могут найти у него врачи? Я слышал истории о кошках и собаках, которые так и не приходили в себя после наркоза... Я старался не думать о плохом, но стущавшиеся над головой тучи мало этому способствовали.

Секунды крайне неохотно складывались в минуты, а те еще более лениво превращались в часы. Но в конце концов пришло время собираться. Последние несколько метров до клиники я почти бежал. Медсестра, с которой я разговаривал утром, сидела в регистратуре и болтала с коллегой. Она тепло мне улыбнулась.

– Как он? Все прошло хорошо? – запыхавшись, спросил я.

– С ним все в порядке, не волнуйтесь, – ответила она. – Давайте отдышитесь, и я вас к нему отведу.

Меня одолевали непривычные чувства – я не помнил, когда в последний раз так за кого-то переживал. Боб лежал в удобной теплой клетке, которая стояла в палате для пациентов, приходящих в себя после операции.

– Привет, парень! Как ты себя чувствуешь? – тихо спросил я.

Рыжий еще не до конца очнулся от наркоза, поэтому сперва он смерил меня мутным взглядом, словно спрашивая: «Ты кто?», но вскоре вполне уверенно сел, начал царапать дверь клетки, и на морде у него было написано: «Вытащи меня отсюда!»

Медсестра принесла мне на подпись очередную порцию документов, после чего еще раз тщательно осмотрела Боба, чтобы убедиться, что его действительно можно забирать домой.

Эта девушка искренне заботилась о пациентах и их хозяевах, была вежливой и предупредительной, что приятно поразило меня после предыдущего опыта общения с ветеринарами. Она даже показала, где именно Бобу надрезали мошонку.

– Отек продержится еще пару дней, но волноваться не о чем, – сказала она. – Просто проверяйте швы время от времени и следите, чтобы туда не попала инфекция. Если вдруг они воспалятся, то либо звоните нам, либо несите Боба сюда, мы его осмотрим. Но я уверена, что с ним все будет в порядке.

– А как долго он пробудет в таком состоянии? – спросил я, глядя на слегка покачивающегося кота.

– Думаю, дня через два он окончательно придет в себя и снова будет бегать, задрать хвост, – улыбнулась медсестра. – Тут многое зависит от самого кота. Некоторые сразу отходят от наркоза. Другим требуется время. Но обычно через сорок восемь часов все приходит в норму. И еще. После операции он, скорее всего, будет плохо есть, но завтра аппетит к нему вернется. Если вдруг вы заметите, что Боб какой-то вялый и сонный, несите его к нам немедленно. Такое редко бывает, но иногда кошки цепляют инфекцию во время операции, – предупредила она.

Я принес в палату зеленую коробку и уже собирался переложить туда кота, когда медсестра меня остановила.

– Подождите-ка, – сказала она. – У меня есть идея получше.

Она вышла и через несколько минут вернулась с очаровательной небесно-голубой переноской.

– Но это не моя, – покачал головой я.

– Не волнуйтесь, все в порядке. У нас полно свободных, вы можете взять эту. Просто занесете ее назад, когда будете проходить мимо.

– Правда?

Я понятия не имел, кто был прежним владельцем переноски. Возможно, ее случайно забыли в клинике. Или принесли, чтобы забрать питомца, и обнаружили, что она ему больше не понадобится... В любом случае, выяснять подробности я не собирался.

Одного взгляда на кота хватало, чтобы понять: операция далась ему нелегко. Всю дорогу до дома он проспал в переноске; когда мы пришли, рыжий медленно добрал до своего любимого места возле батареи, улегся там и до утра не открывал глаз.

На следующий день я решил устроить себе выходной, чтобы проследить, все ли хорошо с котом. Ветеринар советовал присматривать за ним двое суток: нужно убедиться, что операция прошла без осложнений. Меня больше всего пугала сонливость – я знал, что это не слишком хороший знак. Приближались выходные, деньги подходили к концу, но я сидел дома, поскольку никогда бы себе не простил, если бы с рыжим что-то случилось по моей вине.

К счастью, с ним все было прекрасно. К утру он пришел в себя и даже позавтракал. Как и предсказывала медсестра, зверским аппетитом Боб пока похвастаться не мог, но тем не менее съел половину своей обычной порции, что меня очень порадовало. Затем он прогулялся по квартире, хотя, конечно, без прежнего неудержимого энтузиазма.

Бобу потребовалось немного времени, чтобы полностью прийти в чувство. Уже через три дня после операции он с жадностью заглатывал еду; правда, я замечал, что швы периодически дают о себе знать: кот иногда болезненно щурился и внезапно замирал на месте, но особой проблемы я в этом не видел. Я знал, что в ближайшем будущем рыжий снова станет моим веселым сумасшедшим соседом, но все равно был рад, что отвел его к ветеринару.

Глава 4

Билет для кота

Вторая неделя подходила к концу, и я задумался о том, что пора бы вернуть Боба на улицу. Раз он был бродячим котом, значит, наверное, скучает по прежней свободной жизни?.. Рыжий тем временем чувствовал себя все лучше с каждым днем, он заметно округлился и похорошел. Поэтому, когда закончился курс лекарств и Боб полностью восстановился после операции, я взял его на руки и вынес во двор. Мы вышли за ворота, я поставил его на землю и кивнул в сторону улицы.

Рыжий не двинулся с места, только недоуменно посмотрел на меня. «И что я должен делать?» – читалось в его глазах.

– Давай, давай, – замахал я руками. Никакого эффекта.

Пару секунд мы стояли на тротуаре; я тщетно пытался переиграть кота в гляделки. Вдруг он развернулся и ушел – но не вниз по улице, а в сторону любимых кустов, которые уже неоднократно использовал в качестве туалета. Выкопал ямку, облегчился, прибрал за собой и вернулся ко мне. Теперь его морда выражала немой вопрос: «Вот, я сделал свои дела. Теперь что?» В этот момент в мою голову впервые закралась мысль о том, что кот видел свое будущее несколько в ином свете...

– Я думал, тебе нравится жить на улице, – тихо сказал я.

Часть меня радовалась тому факту, что Боб не сбежал при первой возможности. Мне нравилось его общество, да и характер у рыжего оказался что надо. Но здравый смысл настаивал на том, что я не имею право так с ним поступать. Я со своей-то жизнью не могу разобраться! Я все еще пытался освободиться от наркозависимости и в ближайшем будущем вряд ли мог рассчитывать на избавление от пагубной привычки. Как я мог взять на себя ответственность за кота, даже такого умного и самодостаточного? Это было бы нечестно по отношению к нам обоим...

С тяжелым сердцем я принял решение потихоньку отучать кота от домашней жизни. Уходя утром на работу, я больше не буду запирает его в квартире. Начну брать с собой и оставлять где-нибудь в парке.

– Это ради его же блага, – буркнул я себе под нос.

Кот со мной не согласился. Когда я попытался воплотить свой план в жизнь в первый раз, рыжий посмотрел на меня крайне неодобрительно. «Предатель», – сказал бы он, если бы умел говорить. Я собрал волю в кулак, развернулся и пошел прочь с гитарой за спиной. Кот последовал за мной; он двигался по тротуару зигзагами, как шпион, стараясь быть максимально незаметным. Правда, он не учел, что крайне трудно не заметить ярко-рыжего кота, который мечется туда-сюда!

Время от времени я оборачивался и пытался отогнать Боба. Он останавливался и начинал пятиться назад, обиженно размахивая хвостом. В конце концов он смирился и исчезал. Это продолжалось день за днем. Но когда я возвращался с работы, Боб каждый раз ждал меня. Я понимал, что не стоит пускать его к себе. Но желание пустить кота в квартиру и увидеть, как он сворачивается рыжим клубком у моих ног, заглушало голос разума.

Нам потребовалось несколько дней, чтобы привыкнуть к новому порядку. Утром я уходил и оставлял кота на улице, а вечером неизменно находил его на посту – у дорожки, ведущей к нашему дому, либо (если кто-нибудь пускал его в подъезд) на коврик у квартиры. Боб явно не собирался возвращаться к бродячей жизни.

Я понял, что пришло время для последнего средства: я должен был оставить кота за порогом на ночь. Когда я возвращался с работы, Боб бродил возле мусорных контейнеров. Я попы-

тался проскользнуть незаметно... согласитесь, не самое умное решение. Коты – охотники, у них в усах больше чутья, чем у меня во всем теле. Едва я открыл дверь в подъезд, как Боб протиснулся внутрь. В квартиру я его не пустил – и утром обнаружил кота, сладко спящего на коврике. Это продолжалось несколько дней. Каждый вечер Боб выслеживал меня и находил способ проскользнуть в подъезд. В конце концов он решил, что этот раунд остался за ним. И возникла новая проблема: рыжий начал провожать меня на работу.

В первый раз он дошел до конца квартала, но вернулся, когда я принялся его отгонять. На следующий день рыжий хвост следовал за мной метров сто до Тоттенхэм-Хай-роуд, где я сел на автобус до Ковент-Гарден.

Признаюсь, какая-то часть меня восхищалась его настойчивостью и удивительным упорством. Правда, это не мешало другой части проклинать кота. Я понятия не имел, как от него избавиться! С каждым днем он становился все смелее и забирался все дальше. Я представлял, что однажды сяду в автобус, а кот продолжит идти и исчезнет из моей жизни. Но вечером я возвращался домой, и Боб исправно ждал меня у подъезда. Оставалось надеяться, что проблема решится сама собой. Так и произошло.

Однажды утром я, как обычно, отправился на работу. Закинул на спину рюкзак, пристроил рядом с ним чехол с черной акустической гитарой и вышел из подъезда. На дорожке меня ждал Боб. Я поздоровался с котом. Когда он пошел за мной, я попытался прогнать его.

– Оставайся здесь! – шикнул я.

Рыжий оказался на редкость понятливым и решил не настаивать. По пути к автобусной остановке я несколько раз обернулся, но не обнаружил никаких признаков кота. «Может, он наконец-то понял, чего я добиваюсь», – подумал я.

Чтобы сесть на автобус до Ковент-Гарден, мне нужно было перейти через Тоттенхэм-Хай-роуд – одну из самых загруженных и опасных дорог северного Лондона. В то утро автомобили, грузовики и мотоциклы ехали плотным потоком, буквально прогрызая себе путь вперед.

Стоя на тротуаре и напряженно выглядывая промежутки между машинами – нужный автобус уже показался на горизонте, и я не собирался его упускать, – я почувствовал, как кто-то трется об мою ногу. Посмотрев вниз, я увидел знакомого рыжего кота. К моему ужасу, Боб тоже следил за дорогой, явно собираясь перебежать ее вместе со мной.

– Ты что здесь делаешь? – возмущенно спросил я.

Кот смерил меня снисходительным взглядом; действительно, трудно было придумать более глупый вопрос. Затем он снова посмотрел на дорогу и подобрался поближе к краю тротуара, занимая стартовую позицию. Я не мог позволить ему так рисковать. Это самоубийство! Я подхватил кота на руки и посадил к себе на плечо. Пока я переходил дорогу, рыжий прижился к моей голове, не выказывая никаких признаков беспокойства.

– Ну все, Боб, достаточно, – вздохнул я, опуская его на тротуар и в который раз пытаюсь отогнать прочь.

Кот не стал противиться и послушно затерялся в толпе. Я подумал, что, возможно, вижу его в последний раз. Слишком далеко он забрался от дома...

Вскоре подошел старый красный «двухпалубник», на который можно было зайти через заднюю площадку. Я устроился в дальней части автобуса, где можно было безопасно поставить гитару рядом с кондуктором, как вдруг перед моими глазами мелькнуло что-то рыжее. Прежде чем я успел опомниться, Боб запрыгнул на площадку и уселся рядом со мной.

На меня снизошло озарение. Я наконец-то понял, что не смогу избавиться от этого кота. А еще я понял кое-что другое. Я предложил Бобу забраться ко мне на колени, и он благожелательно принял мое предложение. Через несколько секунд к нам подошла женщина-кондуктор. Приветливая индианка улыбнулась сначала коту, а потом и мне.

– Ваш? – спросила она, почесывая его за ухом.

– Видимо, да, – улыбнулся я.

Глава 5

В центре внимания

Следующие сорок пять минут (или около того) Боб тихо сидел у меня на коленях, прижав морду к стеклу, и глядел на проплывающий за окном автобуса город. Проносящиеся мимо автомобили, фургоны и велосипедисты, перебегающие дорогу пешеходы – все это завораживало кота; он был абсолютно спокоен и нисколько не нервничал.

Правда, когда до нас доносился вой полицейской сирены, пожарной машины или кареты «скорой помощи», рыжий все-таки отрывался от окна и обращался ко мне за поддержкой. Судя по всему, эти звуки были знакомы коту и почему-то тревожили его. Может, они напоминали ему о каком-то несчастье из прошлой жизни? Ведь вырасти он на улице, давно бы привык к подобному шуму...

– Не бойся, – каждый раз говорил я коту, поглаживая его по спинке. – Именно так звучит центр Лондона, Боб, и тебе лучше к этому привыкнуть.

Странно, хотя я знал, что рыжий – бродячий кот и в любой момент может убежать, где-то в глубине души я был убежден, что Боб намерен надолго остаться в моей жизни. Я чувствовал, что мы с ним не в последний раз едем на автобусе ко мне на работу. Когда вдалеке показалась остановка рядом со станцией метро Тоттенхэм-Корт-роуд, я подхватил гитару, прижал к себе кота и направился к выходу. Уже на тротуаре я порывлся в карманах пальто и достал самодельный поводок, который оставил там после того, как вечером вывел Боба на прогулку.

Нацепив поводок на кота, я поставил его на землю. Я не хотел, чтобы рыжий гулял сам по себе: мимо нас спешили многочисленные любители пройтись по магазинам, туристы и обычные лондонцы, занятые своими делами. В такой толпе Боб потерялся бы за считанные секунды или – что куда хуже! – попал бы под автобус или такси, которые сновали туда-сюда по Оксфорд-стрит.

Насколько я мог судить по скованным движениям кота и по тому, как он все время на меня оглядывался, рыжий чувствовал себя не в своей тарелке. Значит, здешние места были ему незнакомы (во всяком случае, я сделал именно такой вывод). Чтобы избавить Боба от лишней нервозности, я решил срезать путь до Ковент-Гарден по одной из задних улиц.

– Пойдем, парень, уберемся подальше от толпы, – сказал я.

К сожалению, это не слишком успокоило кота. Уворачиваясь от многочисленных пешеходов, у которых не всегда находилось время смотреть под ноги, он продолжал жалобно поглядывать на меня. Через пару метров я понял, что Боб хочет, чтобы я взял его на руки.

– Хорошо, хорошо, только не привыкай к этому! – сказал я, подхватывая кота и усаживая его себе на плечи.

Вскоре он разместился там со всеми удобствами: основная часть Боба устроилась у меня над правой лопаткой, а передними лапами он вцепился в левое плечо, благодаря чему стал похож на сидящего в вороньем гнезде пирата. Я улыбнулся про себя. Наверное, в тот момент я был похож на Джона Сильвера, которому в качестве верного спутника вместо попугая достался кот.

На плече Боб заметно успокоился. Пока мы шли через толпу на Нью-Оксфорд-стрит и углублялись в путаницу маленьких улочек, ведущих к площади Ковент-Гарден, он даже тихонько мурлыкал. Людей вокруг стало заметно меньше; в какой-то момент я забыл, что не один сегодня, и в голове закрутились мысли, которые обычно одолевали меня по дороге на работу. Позволит ли погода поиграть сегодня полные пять часов? Ответ: возможно. Небо было затянуто облаками цвета чая с молоком, поэтому пока ничто не предвещало дождя. Сколько народу будет на Ковент-Гарден? Ну, поскольку Пасха не за горами, площадь привлечет

немало туристов. Сколько времени потребуется, чтобы заработать двадцать – тридцать фунтов, на которые я, точнее, мы с Бобом сможем прожить следующие несколько дней? Накануне я трудился пять часов без передышки. Не исключено, что сегодня получится быстрее. Или наоборот. Если ты зарабатываешь на жизнь, играя на улице, трудно предсказать результат.

Я возвращался к этим вопросам снова и снова, пока вдруг кое-что меня не отвлекло. Обычно люди на улице старались не встречаться со мной взглядом. И тем более общаться. Я был уличным музыкантом в Лондоне. Значит, я был пустым местом. Человеком, от которого стоит держаться подальше. Но когда я шел по Нил-стрит в тот день, практически каждый встречный прохожий провожал меня глазами. Точнее, не меня, а Боба.

Кто-то смотрел на нас крайне озадаченно, что вполне понятно: высокий длинноволосый парень, идущий куда-то с упитанным рыжим котом на плечах, выглядел несколько неуместно. Даже в Лондоне такое не каждый день увидишь! Но в основном люди реагировали с куда большей теплотой. При виде Боба на их лицах появлялись широкие улыбки; вскоре прохожие даже начали останавливаться.

– Вы только посмотрите на этих двоих! – воскликнула хорошо одетая дама средних лет, с сумками, набитыми покупками. – Какой роскошный кот! Можно его погладить?

– Конечно, – кивнул я, думая, что этим все и ограничится.

Женщина поставила сумки на землю и приблизилась к Бобу.

– Да ты настоящий красавец! – сказала она. – Это ведь мальчик?

– Да, – ответил я.

– Как здорово он устроился у вас на плечах! Такое нечасто увидишь. Должно быть, он вам доверяет.

Едва я успел попрощаться с дамой, как к нам подошли две девушки. Судя по всему, они заметили, как дама гладит кота, и подумали, что им я тоже разрешу. Девушки рассказали, что приехали из Швеции на каникулы.

– Как его зовут? Можно его сфотографировать? – спросили они и схватились за камеры в тот же миг, как я сказал «да».

– Боб. Его зовут Боб.

– Круто, – протянули они.

Мы поболтали пару минут; выяснилось, что у одной из девушек тоже был кот, она даже показала мне его фотографию. Понимая, что дай им волю – и они еще долго будут стоять и восхищаться Бобом, я вежливо извинился и поспешил на Ковент-Гарден. Мы с котом шли по направлению к Лонг-Акру, но быстро идти не получалось: один восторженный почитатель рыжего сменялся другим, это повторялось снова и снова, что существенно нас тормозило. Каждый несколько метров кто-нибудь подходил ко мне и просил разрешения погладить или сфотографировать кота.

Новизна ощущений вскоре сменилась раздражением: я понял, что такими темпами никуда не дойду. Обычно мне требовалось десять минут на то, чтобы добраться от автобусной остановки до своего места на площади. Но пока мы с Бобом потратили в два раза больше времени на куда меньшее расстояние. Я чувствовал себя глупо. В конечном счете мой рабочий день начался на час позже, чем обычно.

«Спасибо, Боб, твоя популярность стоила мне нескольких фунтов», – полушутя-полусерьезно подумал я. Хотя и понимал, что с этим нужно будет что-то делать. Если из-за кота я стану каждый день тратить столько времени на дорогу, это нанесет чувствительный удар по моему кошельку. Впрочем, я недолго так думал.

На тот момент я играл на Ковент-Гарден почти полтора года. Обычно я доставал гитару в два-три часа пополудни и уходил с площади примерно в восемь вечера. В это время на Ковент-Гарден было особенно много туристов, людей, заканчивавших делать покупки или возвращавшихся домой с работы. По выходным я приходил пораньше, чтобы играть в обед, а с четверга

по субботу задерживался допоздна, надеясь поживиться за счет лондонцев, радующихся концу рабочей недели.

Я научился правильно выбирать аудиторию. В основном я играл на Джеймс-стрит – на тротуаре прямо напротив станции метро. Там я стоял до половины седьмого, когда основная масса народу ехала с работы. После этого я отправлялся к многочисленным барам на Ковент-Гарден, чтобы сыграть тем, кто вышел покурить или выпить на свежем воздухе. Летом эта тактика оправдывала себя целиком и полностью: офисные служащие, вымотанные долгим рабочим днем, не упускали возможности расслабиться на вечернем солнышке и охотно расставались с деньгами.

Правда, не обходилось и без неприятных моментов. Некоторым не нравилось, что я подхожу к ним и играю на гитаре, поэтому вместо нескольких фунтов я получал пару-тройку увесистых оскорблений: «Вали отсюда, бездельник!», «Найди себе нормальную работу, ленивый ублюдок» и далее в том же духе. Но таковы издержки профессии. Со временем я привык. К тому же многие люди с удовольствием слушали мою игру на гитаре и бросали мелочь.

Я в принципе сильно рисковал, выходя на Джеймс-стрит. Строго говоря, меня не должно было там быть. Бездомные давно уже четко поделили Ковент-Гарден на определенные зоны. И чиновники из местного совета, которых мы прозвали «хранителями Ковент-Гардена», неофициально присматривали за тем, чтобы бродяги уважали установленные границы.

Мой участок должен был находиться в восточной части площади, рядом с Королевской оперой и Боу-стрит. Именно там, по мнению «хранителей», следовало играть музыкантам. Противоположная часть Ковент-Гардена отводилась уличным актерам: жонглеры и артисты располагались под балконом бара «Панч и Джуди», на радость подвыпившим компаниям, которые с удовольствием на них глазели.

Улица Джеймс-стрит, где я начинал свой рабочий день, «принадлежала» ожившим статуям. Их там собиралось немало, особой популярностью пользовался парень в костюме Чарли Чаплина, но он нечасто выходил на работу. Обычно никто не возражал против того, что я играю рядом с метро. Я понимал, что всегда есть возможность быть замеченным «хранителями», но сознательно шел на риск, который полностью себя окупал. Метро извергало нескончаемые потоки людей; если хоть один из тысячи платил мне за игру, день считался удачным.

В три часа мы с Бобом наконец-то добрались до нужного места. Едва мы повернули на Джеймс-стрит как нас в который раз остановили – теперь с рыжим решил познакомиться парень нетрадиционной ориентации, явно идущий из спортзала, если судить по пятнам пота на его спортивном костюме.

Он пришел в полный восторг от Боба и даже спросил – надеюсь, в шутку, – нельзя ли его купить.

– Нет, кот не продается, – вежливо ответил я на случай, если он все-таки был серьезен. Отойдя от парня, я посмотрел на Боба и покачал головой: – Такое только в Лондоне возможно, только в Лондоне.

Придя на место, я первым делом огляделся и проверил, все ли чисто. «Хранителей» вокруг не наблюдалось. На станции метро работали два человека, которые знали, что я не должен здесь играть. Периодически они создавали мне проблемы, но в тот раз их не было. Поэтому я со спокойной душой усадил Боба на тротуар у стены, расстегнул чехол, снял куртку и приготовился играть.

Обычно у меня уходит минут десять на то, чтобы настроить инструмент и привлечь внимание людей. Но в тот день несколько человек остановились и кинули мелочь в чехол для гитары *до того*, как я успел сыграть хотя бы одну ноту. «Как щедро с их стороны», – подумал я. Потом отвернулся и занялся настройкой инструмента. И снова в чехол упало несколько монет. Я стоял спиной к людям и явственно различил металлический звон! А потом услышал мужской голос: «Классный у тебя кот!»

На тротуаре стоял обычный, ничем не примечательный парень лет двадцати-двадцати пяти. Он поднял большие пальцы вверх и пошел дальше с улыбкой на лице. Оглянувшись на чехол для гитары, я понял, в чем причина моей сегодняшней популярности. Оказывается, в нем успел уютно устроиться рыжий кот! Нет, я, конечно, уже понял, что рыжий обладает способностью очаровывать людей. Но не до такой же степени!

Я научился играть на гитаре еще в Австралии, когда был подростком. Время от времени кто-нибудь показывал мне, как правильно обращаться с инструментом, а потом я самостоятельно отработывал различные приемы. Первая гитара у меня появилась, когда мне было лет пятнадцать-шестнадцать – довольно поздно для того, чтобы начать играть. Я купил подержанный инструмент в Мельбурне; прежде я играл на акустических гитарах, которые брал у друзей, но в тот раз мне приглянулась электронная. В тот период я сходил с ума по Джими Хендриксу, считал его потрясающим музыкантом и хотел стать похожим на него.

Для улицы я подобрал несколько композиций, которые нравились мне уже много лет. Моим кумиром всегда был Курт Кобейн, поэтому я радовал прохожих песнями «Нирваны», а также Бобом Диланом и щедрой долей Джонни Кэша. Одной из самых популярных композиций в моем репертуаре была песня «Hurt», изначально принадлежавшая американской группе «Nine Inch Nails», но потом обработанная Джонни Кэшем. Его версию исполнять было легче, потому что она предназначалась как раз для акустической гитары. Еще я играл его «The Man in Black», которая не только подходила для улицы, но и соответствовала моему образу – обычно я одевался в черное. Но самой популярной песней в моей подборке была «Wonderwall» группы «Oasis». Она приносила больше всего выручки, особенно когда я играл ее по вечерам перед барами.

Честно говоря, мой репертуар изо дня в день практически не менялся. Выбранные песни нравились и лондонцам, и туристам. Обычно я начинал с «About a Girl» «Нирваны», чтобы разогреть пальцы. Так случилось и в тот день, когда в чехле от гитары сидел Боб и, прищурившись, смотрел на толпы людей, выходящих из метро.

Я успел поиграть несколько минут, прежде чем перед нами остановилась группа детей. Судя по футболкам бразильской сборной по футболу и португальской речи, они приехали из Бразилии. Одна девочка присела перед чехлом и начала гладить Боба.

– Ах, *gato bonita*, – восхищенно сказала она.

– Она говорит, что у вас красивый кот, – охотно перевел один из мальчиков.

Рыжий без труда очаровал ребят, приехавших в Лондон на экскурсию. Прохожие, заинтересовавшиеся, что же привлекло их внимание, тоже стали останавливаться возле кота. Вскоре все уже рылись по карманам, и в чехол посыпался дождь из монет.

– Если подумать, то пользы от тебя куда больше, чем проблем, Боб, – улыбнулся я. – Думаю, мне стоит чаще брать тебя с собой на работу.

Поскольку еще утром я не знал, что кот отправится на Ковент-Гарден вместе со мной, я не взял для него никакой еды. К счастью, в рюкзаке завалялось полпачки его любимого угощения, так что я мог время от времени подкармливать рыжего. Раз уж он решил со мной работать, то придется ему терпеть до ужина!

Ближе к вечеру народу на улицах становилось все больше: люди возвращались с работы или направлялись в Вест-Энд, чтобы хорошо провести время. И многие останавливались, чтобы посмотреть на Боба. Этот кот умел привлекать к себе внимание! Когда начало темнеть, я разговорился с женщиной средних лет.

– Давно у вас этот кот? – спросила она, наклоняясь, чтобы погладить Боба.

– Пару недель, – ответил я. – Мы с ним нашли друг друга, если можно так сказать.

– Нашли друг друга? Звучит любопытно!

Сначала я отнесся к ней слегка настороженно: вдруг она из службы защиты животных и собирается заявить, что я не имею права так обращаться с котом? Но оказалось, что передо

мною просто настоящая любительница кошек. Она с улыбкой выслушала историю о том, как мы встретились с Бобом и как я две недели его выхаживал.

– Несколько лет назад у меня тоже был рыжий кот. Очень похожий на вашего, – вздохнула она. На секунду мне показалось, что наша случайная знакомая сейчас расплачется. – Вам очень повезло. Рыжие коты – лучшие спутники, спокойные и понимающие. Вы нашли настоящего друга.

– Думаю, вы правы, – улыбнулся я.

Перед тем как уйти, дама положила в чехол пять фунтов. Боб был настоящей приманкой для женщин. Во всяком случае, больше половины тех, кто останавливался перед нами, принадлежали к прекрасной половине человечества. Меньше чем за час в чехле набралось столько, сколько я зарабатываю в очень удачный день: двадцать пять фунтов с лишним.

«Великолепно!» – подумал я.

Но внутренний голос настаивал на том, что спешить домой рано и нужно доработать до конца дня. По правде говоря, я все еще не был уверен в Бобе. Да, я чувствовал, что сама судьба свела меня с этим рыжим котом, но в глубине души не исключал возможности, что рано или поздно он все-таки сбежит. Я старался рассуждать логически: он появился в моей жизни по воле случая – и точно так же исчезнет из нее в какой-то момент. Не может же Боб остаться со мной навсегда. Поэтому я решил получить максимум выгоды от очарованных котом прохожих. Куй железо, пока горячо!

– Если ему нравится проводить со мной время, это здорово, – сказал я сам себе. – И то, что на этом можно немного заработать, тоже очень хорошо.

Правда, словом «немного» я сильно преуменьшил заслуги кота. Я привык зарабатывать фунтов двадцать в день – этих денег хватало на жизнь и коммунальные платежи. Но теперь со мной был Боб, и к восьми вечера стало ясно, что прохожие проявили невиданную щедрость... Упаковав гитару, я минут пять пересчитывал мелочь из чехла. Туда набросали несколько сотен монет, среди которых затесалась и пара-тройка купюр.

Закончив с подсчетами, я тихо покачал головой. Мы с Бобом заработали шестьдесят три фунта и семьдесят семь центов. Наверное, людям, которые обычно ходят по Ковент-Гарден, эта сумма покажется незначительной. Но не мне. Не мне.

Я пересыпал деньги в рюкзак и закинул его на плечи. Теперь он звенел, подобно гигантской копилке. И весил целую тонну! Но меня это только радовало, ведь я никогда столько не зарабатывал за один день. Подхватив кота на руки, я ласково погладил его.

– Отличная работа, друг, – сказал я. – Вот это я понимаю, ударно потрудились.

Я подумал, что теперь нет нужды идти к барам. К тому же Боб наверняка проголодался. Пришло время возвращаться домой. Усадив Боба к себе на плечи, я побрел в сторону автобусной остановки на Тоттенхэм-Корт-роуд. Я не хотел быть грубым, но решил не заговаривать с прохожими, пожелавшими пообщаться с рыжим. Их было слишком много, а я мечтал добраться домой до полуночи.

– Сегодня на ужин будет кое-что особенное, – пообещал я коту, когда мы сели в автобус.

Он снова прислонил нос к окну и смотрел на проносящиеся мимо машины и яркие огни.

Мы вышли у милого индийского рестораника; я часто останавливался рядом с ним и тоскливо изучал длинное меню, но у меня никогда не было достаточно свободных денег, чтобы позволить себе понравившееся блюдо из списка. Поэтому обычно я тяжело вздыхал и покупал что-нибудь дешевое поближе к дому.

Но в тот вечер я заказал цыпленка *тикка масалу* с лимонным рисом, лепешку *пейвари наан* и жареный во фритюре сыр *сааг панир*. Официантки с любопытством поглядывали на Боба, устроившегося на диване рядом со мной. Я пообещал, что вернусь через двадцать минут, и вместе с котом отправился в супермаркет на противоположной стороне улицы. На деньги, заработанные благодаря рыжему, я купил ему дорогой кошачьей еды, пару пачек любимого

лакомства и немного кошачьего молока. И себя не забыл порадовать несколькими банками светлого пива.

– Я считаю, что такой день нужно отметить! – серьезно сказал я коту.

Забрав ужин из ресторана, я почти бегом направился домой: пакеты из коричневой упаковочной бумаги распространяли вокруг такой запах, что я боялся захлебнуться слюной! Едва переступив порог квартиры, мы с Бобом набросились на еду, будто это был наш последний ужин. Я не пробовал ничего подобного последние несколько месяцев, если не лет. Думаю, с Бобом была та же история. Следующую пару часов мы практически не шевелились: я лениво смотрел телевизор, а Боб уснул, свернувшись калачиком рядом с батареей. Вскоре я последовал его примеру.

Глава 6

Человек и его кот

На следующее утро меня разбудил внезапный металлический грохот. Спросонья я не сразу понял, что случилось, но потом сообразил: звук шел из кухни. Значит, Боб снова пытался открыть шкафы, в которых я хранил его еду, и что-то перевернул.

Я покосился на часы: не так уж и рано меня разбудили. После предыдущего вечера я подумывал отоспаться, но забыл спросить разрешения у Боба. Кот явно не собирался ждать, пока я сам вылезу из кровати. И безобразничая на кухне, он словно говорил мне: «Вставай, я завтракать хочу!»

Тяжело вздохнув, я оторвал голову от подушки и побрел оценивать ущерб. На полу валялась маленькая жестяная кастрюля, в которой я кипятил молоко. Едва завидев меня, Боб метнулся к своей миске.

– Ладно, парень, намек понят, – сонно пробормотал я, открывая шкаф в поисках пакета с его любимым кормом.

Кот молниеносно расправился с завтраком, попил воды, потом привел себя в порядок: облизал мордочку и лапки. Затем рыжий потрусил в сторону гостиной и там, весьма довольный собой, завалился спать у батареи.

«Если бы все в нашей жизни было так просто», – подумал я, с долей зависти глядя на кота.

Укладываясь спать, я хотел устроить себе выходной, но теперь эта идея уже не казалась мне удачной. Да, вчера нам повезло, но заработанных денег надолго не хватит, а скоро должны прийти счета за электричество и газ. Учитывая, какими холодными были последние несколько месяцев, вряд ли меня порадуют цифры на квитанциях. К тому же я начинал осознавать, что теперь отвечаю не только за себя. Я должен кормить еще одно создание, причем достаточно прожорливое и весьма наглое. Поэтому, наскоро перекусив, я стал собираться на работу.

Я не знал, пойдет ли Боб со мной. Вдруг вчерашний день был исключением, и ему просто захотелось удовлетворить любопытство и посмотреть, где я пропадаю с утра до ночи? Тем не менее я все же закинул в рюкзак немного кошачьей еды – на случай, если рыжий решит ко мне присоединиться.

Вскоре после полудня я отправился на работу. Все как всегда: за спиной рюкзак и гитара в чехле. Обычно, если Боб предпочитал провести день дома (что случалось довольно редко), он сообщал мне о своем желании, прячась за диван. На секунду у меня возникло впечатление, что сегодня он именно так и поступит: едва я взялся за дверную цепочку, как рыжий устремился в указанном направлении. Но когда я уже собирался закрыть дверь, кот выскользнул наружу и стал спускаться по лестнице.

Стоило нам выйти из подъезда, как Боб бросился к кустам. Закончив со своими делами, он, вместо того чтобы присоединиться ко мне, потрусил к мусорным контейнерам. В последнее время они привлекали его все больше и больше. Понятия не имею, что он там искал (и ел)! В то утро мне показалось, что кот вышел вместе со мной только ради баков. Меня не особо радовал тот факт, что Боб крутится вокруг мусора, поэтому я решил на всякий случай проверить, нет ли там чего опасного. Никогда не знаешь, насколько добросовестно мусорщики выполняют свою работу. К счастью, в тот день они успели опустошить баки до нашего появления, так что поживиться рыжему было нечем. Удостоверившись, что вскоре кот потеряет к контейнерам всякий интерес, я отправился на работу без него. Я был спокоен за рыжего: соседи по подъезду успели с ним познакомиться, и кто-нибудь обязательно открывал ему дверь. У Боба даже появились поклонники, а женщина, проживавшая под нами, всегда его чем-нибудь угощала. Поэтому я знал, что вечером кот, скорее всего, будет ждать меня на лестничной площадке.

«Все честно», – думал я, направляясь к автобусной остановке. Конечно, накануне Боб мне очень помог, но я не собирался эксплуатировать нашу дружбу и таскать его на работу каждый день. Он был моим другом, а не наемным рабочим!

Небо затянули серые облака, в воздухе пахло дождем. Я чувствовал, что ехать в центр Лондона смысла нет. Играть под дождем – не самая лучшая идея. Люди не обращают на тебя внимания и бегут мимо, не оглядываясь по сторонам. Я решил, что, если в центре будет дождь, я просто вернусь домой и проведу день с Бобом. Тем более что на заработанные вчера деньги я хотел купить ему нормальную шлейку и ошейник.

Пройдя метров двести по улице, я почувствовал, что кто-то идет за мной. Обернулся и увидел знакомый рыжий хвост.

– Передумал, значит! – улыбнулся я, когда кот подошел ко мне.

Боб слегка наклонил голову и одарил меня снисходительным взглядом, в котором явственно читалось: «Ну а зачем еще мне за тобой бежать?»

Поводок из шнура лежал в кармане куртки. Повязав его на кота, я поспешил на остановку.

Тоттенхэм мало похож на Ковент-Гарден, но и здесь на нас вскоре начали оглядываться прохожие. Некоторые смотрели крайне неодобрительно. Судя по всему, они посчитали, что я сошел с ума, раз выгуливаю рыжего кота на шнурке.

– Если у тебя это войдет в привычку, без нормальной шлейки не обойтись, – тихо сказал я Бобу, вдруг смутившись из-за того, как выглядел импровизированный поводок.

К счастью, на каждого недовольного приходилось человек десять, которым наш вид заметно улучшал настроение. Индианка, идущая с сумками из магазина, одарила нас широкой солнечной улыбкой.

– Вы двое замечательно смотрите! – восхитилась она.

Впервые за несколько месяцев, что я прожил в этом районе, со мной заговорили на улице. Это было странно, но приятно. Как будто кто-то сорвал плащ-невидимку с моих плеч. Когда мы с котом подошли к оживленному шоссе, он посмотрел на меня снизу вверх: «Давай, ты же знаешь, что делать!», и я взял его на руки. Вскоре мы уже сидели в автобусе, и Боб опять прилип мордой к стеклу. Снова вдвоем, снова в пути...

Я оказался прав насчет погоды. Мы еще не доехали до Ковент-Гарден, когда на город пролился дождь, капли которого украсили окна автобуса причудливыми узорами. Улицы запестрели разноцветными зонтами; люди бежали по лужам, спеша укрыться от непогоды. К счастью, к тому времени, как мы добрались до площади, слегка прояснилось. Несмотря на дождь, народу в центре было не меньше, чем накануне.

– Думаю, пару часов поиграть можно, – сказал я коту, усаживая его на плечи. – Но если снова пойдет дождь, мы сразу домой, обещаю.

На Нил-стрит мы снова стали объектом пристального внимания прохожих. Я не мешал им суетиться вокруг Боба – в рамках разумного, естественно. За десять минут нас остановили человек шесть, и половина из них попросила разрешения сфотографироваться с котом. Вскоре я понял, что необходимо все время двигаться, иначе и оглянуться не успеешь, как вокруг тебя соберется толпа. Но в целом эта ситуация несколько меня не напрягала. Зато когда мы поворачивали на Джеймс-стрит, случилось кое-что интересное...

Я почувствовал, как Боб завожился у меня на плече. Через секунду он вцепился в рукав моей куртки и принялся спускаться вниз. Я остановился, чтобы он мог спокойно спрыгнуть на тротуар, и рыжий устремился вперед. Я отпустил поводок на всю длину и позволил коту показывать дорогу. Боб явно узнал вчерашние места, и решил, что теперь он главный. Я не имел ничего против.

Кот довел меня до того места, где мы играли накануне вечером. Там он уселся на мостовую и стал ждать, пока я достану гитару и разложу для него чехол.

– Вот, пожалуйста, – сказал я.

Боб мгновенно забрался внутрь и устроился так, чтобы с удобством наблюдать, как мимо течет городская жизнь. Учтывая, где мы собирались играть, он выбрал для этого правильное место...

Было в моей жизни время, когда я всерьез хотел стать настоящим музыкантом, быть может, даже следующим Куртом Кобейном. Сейчас мои слова звучат глупо и наивно, но именно эта мечта была частью великого плана, который заставил меня вернуться из Австралии в Англию. Именно о ней я говорил матери и всем остальным, когда отправлялся в путь. Нельзя сказать, что я не приложил усилий для ее осуществления. Иногда мне даже казалось, что я действительно смогу чего-то добиться.

Сначала, конечно, было непросто, но все изменилось в 2002 году, когда я перестал бродяжничать и нашел нормальное жилье в Далстоне. Одно потянуло за собой другое, и вскоре мы с несколькими парнями организовали группу из четырех гитаристов. Мы назывались «Hyper Fury»¹, что ярко характеризует, в каком состоянии мы тогда находились... Во всяком случае, в каком состоянии находился я. Я был озлобленным парнем, меня бесила жизнь в целом, а также то, как она обошлась конкретно со мной. Благодаря музыке я мог выпустить наружу рвущие сердце гнев и тоску.

Понятно, что с таким настроением мы не могли рассчитывать на внимание широкой аудитории. Музыка у нас была агрессивная, мрачная, песни – ей под стать, что, впрочем, неудивительно, если учесть, какое влияние на наше творчество оказывали группы «Nine Inch Nails» и «Нирвана».

Мы даже умудрились выпустить два альбома, хотя правильнее было бы назвать их мини-пластинками. Первая появилась в сентябре 2003 года; мы записывали ее вместе с группой «Corrision», поэтому называлась она «Corrision V Hyper Fury», и на ней было две достаточно тяжелые композиции – «Onslaught»² и «Retaliator»³. Уже по этим названиям можно составить представление о нашей музыкальной философии. Шесть месяцев спустя, в марте 2004, за первым альбомом последовал второй – «Profound Destruction Unit», на котором было три песни: «Sorry», «Profound» и новая версия «Retaliator». Несколько копий мы продали, но особого внимания к себе не привлекли. Иными словами, на фестиваль в Гластонбери, одно из главных музыкальных событий года в Британии, которое славится своими рок-концертами, мы не попали.

При этом у нас были свои фанаты; мы даже несколько раз выступали в северной части Лондона и в местах вроде Камдена, района панков, андеграунда и блошиных рынков. Еще в середине прошлого века туда из-за дешевизны жилья с удовольствием переселялись представители творческих профессий, а теперь там каждый второй прохожий – представитель какой-нибудь субкультуры, так что мы отлично вписались в общую массу. Давали концерты в барах, играли на вечеринках в незаконно заселенных пустующих домах... в общем, шли туда, куда нас звали. Был момент, когда у нашей группы появились перспективы: мы выступали в «The Dublin Castle», знаменитом музыкальном баре северного Лондона, и на летнем Готическом фестивале в том же районе, что по тем временам считалось серьезным достижением.

Какое-то время дела шли настолько хорошо, что я объединился с парнем по имени Пит из группы «Corrision», и мы вместе открыли независимую звукозаписывающую студию Corrupt Drive Records. К сожалению, ничего путного из этого не вышло. Точнее, из меня ничего путного не вышло.

¹ Гиперярость.

² Стремительная атака.

³ Каратель.

В то время мы с Бэлль встречались. Мы с ней с самого начала были отличными друзьями, Бэлль заботилась обо мне, ее действительно волновало то, что я делаю со своей жизнью, но наши отношения не имели будущего. К несчастью, Бэлль тоже принимала наркотики, и ее зависимость никак не способствовала тому, чтобы я избавился от своей. Впрочем, я ей тоже не слишком помогал. Когда один из нас пытался слезть с иглы, другой возвращался к наркотикам, и наоборот. Так что разорвать порочный круг было нелегко. Я старался, но, признаюсь честно, прикладывал недостаточно усилий. Думаю, я никогда не верил, что смогу довести дело до конца и добиться успеха. Группа была для меня запасным аэродромом, я не вкладывался в нее так, как должен был, предавая музыку ради наркотиков.

К 2005 году я убедил себя, что «Nureg Fury» – всего лишь хобби, а не способ заработать деньги. Пит продолжил работать в студии и, насколько я знаю, до сих пор держится на плаву. Я же боролся с зависимостью и снова оказался на обочине жизни. Группа стала очередным вторым шансом, которым я не воспользовался. И я никогда не узнаю, смогли бы мы чего-нибудь добиться или нет.

Но музыка продолжала быть частью моей жизни. Да, наша группа распалась, я осознал, что как профессионал ничего из себя не представляю, но при этом продолжал по несколько часов в день играть на гитаре и импровизировать. Доставая инструмент из чехла, я отдыхал душой. Не представляю, где бы я был сейчас, если бы не гитара. Игра на улице помогала мне держаться. Без нее – и без денег, которые она приносила, – боюсь даже подумать, как бы я зарабатывал на жизнь. Если учесть мое состояние, напрашиваются не самые приятные варианты...

В тот день нам снова везло на туристов. Как и накануне, стоило мне приступить к делу, точнее, стоило Бобу устроиться в чехле, и люди, обычно равнодушно спешащие к метро, начали останавливаться и общаться с котом. И снова рыжий привлекал куда больше женщин, чем мужчин.

Вскоре мимо нас прошла инспектор дорожного движения с каменным выражением лица. Едва она заметила Боба, как ее взгляд потеплел, и она широко улыбнулась.

– Вы только посмотрите... – тихо сказала она, присаживаясь рядом с котом.

На меня она даже не взглянула и в чехол ничего не кинула, но я не обиделся. Мне начинало нравиться то, что Боб приносит радость другим людям. Кот мне достался красивый, с этим не поспоришь. Но дело было не в красоте. Людей привлекала его личность, они чувствовали, что перед ними сидит не простой представитель кошачьей братии, а нечто большее.

Да я и сам это чувствовал. Рыжий был особенным. Он обладал удивительной способностью понимать людей. Во всяком случае, тех, кто искренне о нем заботился. Впрочем, при виде некоторых кот не стеснялся демонстрировать неодобрение. Когда я достал гитару, мимо нас прошел модный парень с Ближнего Востока. Судя по одежде и спутнице – привлекательной блондинке, – проблем с деньгами у него не было. Такая девушка запросто могла бы быть моделью.

– Ой, смотри! Какой красивый кот! – воскликнула она, потянув парня за руку.

Тот раздраженно дернул плечами, словно говоря: «Ну и что?» Вид парня красноречиво твердил о том, что рыжий уличный кот его абсолютно не впечатляет.

От Боба это не укрылось. Кот моментально подобрался, слегка выгнул спину и подвинулся поближе ко мне. Внешне практически ничего не изменилось, но я видел, что рыжему не по себе.

«Может, этот парень напомнил Бобу кого-то из прошлой жизни? – подумал я, глядя на удаляющуюся парочку. – Наверное, на него и раньше смотрели с таким презрительным равнодушием...»

Я бы все отдал, чтобы узнать, как этот красивый и умный кот оказался на коврике в подъезде. К несчастью, мне оставалось только гадать.

Взяв в руки гитару и приступив к первой композиции, я понял, что чувствую себя куда более расслабленно, чем вчера. Один вид сидящего в чехле кота вселял в меня бодрость духа. Я привык самостоятельно привлекать внимание толпы, а это было не так-то просто. Бороться приходилось буквально за каждый пенни. С Бобом все было иначе: он, не прилагая никаких усилий, притягивал к себе аудиторию. Впрочем, вчера большое количество народу вокруг рыжего меня скорее напрягало. Площадь Ковент-Гарден, как и Лондон в целом, славилась обилием странных личностей. Я боялся, что кто-нибудь может внезапно схватить кота и убежать. А сегодня я ощущал себя совсем по-другому. Мы с Бобом были в безопасности, как будто это место приняло нас.

Когда я начал петь, в чехол, как и накануне, посыпались монеты. Не скрою, я был этому рад. А я уже давно ничему не радовался.

Три часа спустя мы собрали вещи и отправились в обратный путь. Рюкзак отяжелел под весом собранных денег: мы снова заработали больше шестидесяти фунтов. Но сегодня я не собирался тратить их на дорогой карри. На эти деньги у меня были более практичные планы. Прогноз погоды обещал пасмурную погоду на весь следующий день, а ночью должен был пройти сильный дождь, так что я решил забыть о работе и потратить время на Боба. Если он собирается регулярно выходить со мной на площадь, нужно его правильно экипировать. Не могу же я вечно водить кота по улицам на шнурке! Это было не только неудобно, но и опасно.

Так что на следующий день мы с Бобом запрыгнули в автобус до Арчвея: я знал, что в этом районе находится сеть благотворительных магазинов, торгующих товарами для животных. Рыжий сразу понял, что мы направляемся в незнакомое место. Он все время оборачивался на меня, как будто спрашивая: «И куда мы сегодня едем?» Нет, он не волновался, ему просто было любопытно.

Благотворительный зоомагазин оказался опрятным, вполне современным заведением, где на полках и прилавках лежали все виды экипировки, игрушек и книг. Плюс ко всему на столиках я заметил кучи бесплатных брошюр, рассказывающих о тонкостях ухода за домашними питомцами, от установки микрочипа и профилактики токсоплазмоза до покраски усов и советов по стерилизации. Я взял несколько, чтобы почитать на досуге.

Покупателей в магазине не было, так что продавцы сразу обратили на нас внимание. Да и как не заинтересоваться котом, совершенно спокойно сидящим на плечах у хозяина?

– Какой красавец! – похвалила Боба одна дама, почесывая его за ухом.

Он сразу признал в ней хорошего человека и принялся охотно подставлять под поглаживания мордочку и бока. Мы разговорились о том, как рыжий появился в моей жизни, а потом я рассказал о наших выступлениях на Ковент-Гарден. Обе продавщицы заулыбались.

– Многим кошкам нравится гулять со своими хозяевами, – сказала одна из них. – Они с удовольствием ходят с ними в парк или провожают до угла улицы... Но Боб все-таки необычный кот.

– Действительно, – поддержала ее подруга. – Думаю, ты нашел настоящее сокровище. Он явно решил к тебе привязаться.

Было приятно слышать подтверждение тому, во что я и сам начинал верить в глубине души. Признаюсь, время от времени я все еще испытывал угрызения совести: вдруг я слишком быстро сдался, а нужно было снова и снова пытаться вернуть Боба на улицу? Я сомневался, что поступаю правильно, разрешая ему жить у себя. Но слова этих женщин убедили меня в том, что я выбрал верный путь.

Проблема в том, что я не знал, как обезопасить Боба. Если он собирается каждый день ходить со мной на работу, я не могу рисковать его жизнью! Улицы Лондона, мягко говоря, не лучшее место для кота. Там ему угрожали не только мотоциклы, автомобили и автобусы. Потенциальных опасностей было куда больше.

– Правильнее всего будет купить вот такую шлейку, – сказала продавщица, показывая сплетенную из синего нейлона «упряжь», а также ошейник и поводок ей в тон.

Она объяснила, почему стоит брать сразу весь комплект.

– Просто нацепить на кота ошейник и прикрепить к нему поводок – не лучшая идея, – поморщилась девушка. – Некачественный ошейник может повредить шею или даже задушить животное. С дорогими ошейниками тоже есть проблема: они делаются из эластичных материалов, чтобы в случае чего кошка могла из них выскользнуть. В результате у тебя в руках останется пустой поводок, – объяснила она. – Учитывая, сколько времени вы собираетесь проводить на улице, я рекомендую взять поводок в комплекте со шлейкой.

– А ему не будет неудобно? – засомневался я. – Выглядит, если честно, не очень...

– Да, кота к шлейке придется приучать, – согласилась девушка. – На это потребуется примерно неделя. Прежде чем выйти на улицу, пусть походит в ней по дому. Начните с двух минут в день, и постепенно он привыкнет.

Заметив, что ее слова заставили меня задуматься, продавщица предложила примерить шлейку прямо в магазине.

– Почему бы и нет? – кивнул я.

Боб не слишком сопротивлялся, хотя и не понимал, что мы с ним делаем.

– А теперь оставьте его в покое, пусть он в ней посидит, походит. Посмотрим, как он себя чувствует.

Шлейка, поводок и ошейник стоили около тринадцати фунтов. Мы взяли самые дорогие в магазине, но я ни на секунду не пожалел о потраченных деньгах. Будь я бизнесменом и генеральным директором фирмы «Джеймс & Боб Инс.», я бы сказал, что нужно инвестировать в своих сотрудников, пусть даже они бегают на четырех лапах и едят кошачий корм.

На то, чтобы приучить Боба к шлейке, потребовалось всего несколько дней. Сначала он ходил в ней по дому; раза два я даже пристегивал к «упряжи» поводок. Кот, внезапно обнаруживший, что у него вырос дополнительный – и очень длинный! – хвост, выглядел порядком озадаченным. Но он к нему быстро привык. Я старательно нахваливал рыжего каждый раз, когда тот спокойно давал надеть на себя шлейку. Я понимал, что кричать на сопротивляющегося кота – последнее дело. Впрочем, я никогда не повышал голос на Боба.

Через несколько дней я решил, что мы готовы к небольшим прогулкам. Для походов на Ковент-Гарден я по-прежнему использовал старый поводок из шнурка, но пару кварталов Боб шел в шлейке. Вскоре он вовсе перестал обращать на нее внимание.

Теперь рыжий сопровождал меня на Ковент-Гарден каждый день. Я старался уходить пораньше, поскольку переживал, что полноценная «рабочая смена» может утомить кота. Хотя я и видел, что он готов следовать за мной даже на край света, и пусть в дороге он регулярно сидел у меня на плечах, так что не мог устать от долгих переходов, я не собирался нещадно эксплуатировать соседа.

Мы работали в паре больше двух недель, когда кот вдруг решил остаться дома. Обычно он вскакивал со своего места у батареи, едва я начинал собирать рюкзак, и бежал ко мне, чтобы я надел на него шлейку. Но как-то раз он скрылся за диваном, а потом снова свернулся в клубок. Кот явно намеревался устроить себе выходной. Да я и сам видел, что он устал.

– Не в настроении сегодня, да, Боб? – спросил я, поглаживая рыжего.

Он посмотрел на меня понимающим взглядом.

– Никаких проблем, – кивнул я и пошел на кухню, чтобы насыпать в миску достаточно еды – коту нужно будет чем-то питаться, пока я не вернусь.

Я читал, что включенный телевизор помогает домашним животным чувствовать себя менее одинокими, если хозяев нет рядом. Не зная, правда это или нет, я на всякий случай последовал этому совету. Кот мгновенно сорвался с места и устроился перед экраном.

* * *

В тот день я в полной мере осознал, насколько Боб изменил мою жизнь. Когда рыжий кот сидел у меня на плечах или бежал рядом, люди смотрели на нас с улыбкой и оборачивались нам в след. Теперь я снова стал невидимкой. Завсегдатаи Ковент-Гардена успели привыкнуть к моему напарнику и забеспокоились, увидев, что он не пришел.

– А где кот? – спросил владелец местного киоска, когда вечером проходил мимо.

– У него сегодня выходной, – объяснил я.

– О, это хорошо. А то я уж испугался, что с ним что-нибудь случилось, – улыбнулся он, поднимая большие пальцы вверх.

Этот же вопрос задали мне еще несколько человек. Выяснив, что с котом все в порядке, они кивали и шли дальше. Никто не останавливался, чтобы поболтать со мной, хотя, когда Боб сидел в чехле, это было обычным делом. Такое отношение задевало, но я понимал людей. Ничего не поделаешь.

Звон монет, которые падали в чехол для гитары, лежащий на тротуаре Джеймс-стрит, был настоящей музыкой для моих ушей. Но без Боба темп музыки значительно снизился. Играя песню за песней, я понимал, что без кота мне никогда не заработать так много денег. Простояв на Ковент-Гарден до позднего вечера, я собрал едва ли половину той суммы, которую с Бобом получал за несколько часов. Я мысленно вернулся в те дни, когда рыжего не было в моей жизни. И порадовался, что теперь он в ней есть.

На обратном пути я кое-что осознал. Дело ведь не в деньгах. Я и без Боба не голодал. Но с ним мое существование обретало смысл. Насколько лучше стала моя жизнь после того, как в ней появился рыжий! Слово мне дали шанс вернуться в строй... А это непросто, когда работаешь уличным музыкантом. Люди не спешат пустить тебя в свою жизнь. Раньше, когда Боба не было рядом, я нередко подходил к посетителям баров, собираясь сыграть им что-нибудь, но получал «нет, спасибо» прежде, чем успевал поздороваться.

Иногда я пытался спросить, сколько времени, и слышал «извини, парень, мелочи нет» до того, как открывал рот. Это случалось постоянно. Люди не стремились общаться со мной. И слушать, что я им говорю. Они смотрели на меня как на человека, который пытается пожить за их счет. Они не понимали, что я работаю, а не попрошайничаю. То, что я не носил костюма с галстуком, не таскал с собой портфеля с документами или ноутбуком и не получал зарплату каждый месяц, не делало меня нахлебником.

Когда Боб был рядом, люди смотрели на меня иначе. Они спрашивали о коте, и я получал возможность попутно рассказать кое-что о себе. Когда кто-нибудь интересовался, откуда взялся рыжий красавец, я объяснял, как мы встретились, как уживаемся вместе, как зарабатываем деньги, чтобы платить за аренду, еду, электричество и газ. Люди слушали с непривычным вниманием и начинали видеть меня в другом свете.

Всем известно, что кошки – существа крайне избирательные в своих симпатиях. Если им не нравится хозяин, они отправляются на поиски другого. Кошки все время так делают. Уходят и выбирают нового человека, который будет о них заботиться. Боб заметно добавлял мне очков в глазах окружающих. Делал чем-то большим, нежели обычным бродягой. Возвращал мне человеческий облик, который я практически утратил. В каком-то смысле возвращал мою личность. Я был никем, а теперь снова становился человеком.

Глава 7

Два мушкетера

Боб не просто заставлял людей иначе относиться ко мне – он и меня заставлял иначе относиться к людям. Прежде я никогда не брал на себя ответственность за кого-либо. Когда мы жили в Австралии, я перебивался случайными заработками, потом играл в группе, что требовало от меня командной работы. Но правда в том, что с тех пор, как я подростком ушел из маминого дома, отвечал я преимущественно только за себя. Просто потому, что больше никто этим заниматься не хотел. В результате все мое существование было сосредоточено исключительно на моих же потребностях. Хотя потребность была одна – выживать изо дня в день.

Появление Боба все изменило. На меня неожиданно свалилась ответственность за другое живое существо. Теперь здоровье и счастье рыжего было в моих руках.

Сначала мне было не по себе, но со временем я приспособился. И мне даже понравилось. Знаю, для многих это прозвучит глупо, но я впервые понял, каково это – присматривать за ребенком. Для меня Боб был ребенком; заботясь о нем, следя за тем, чтобы он был накормлен, согрет и находился в безопасности, я чувствовал себя полезным и нужным. Хотя нередко мне становилось страшно. Я постоянно переживал за кота, когда мы с ним выходили на улицу. На Ковент-Гарден и на Джеймс-стрит, в автобусе и на остановке я держался настороже – и у меня были на то причины.

Невзирая на то, как люди обращались со мной в присутствии Боба, я не торопился им доверять. На улицах Лондона встречаются не только приветливые туристы и любители кошек. Не все будут улыбаться при виде длинноволосого уличного гитариста и рыжего кота, добывающих денег на ужин. Я по-прежнему нередко становился объектом насмешек и оскорблений, хотя в присутствии Боба это случалось не так часто. Обычно ко мне цеплялись подвыпившие парни, которые считали, что раз они в конце недели получают конверт с зарплатой, то могут смотреть на меня сверху вниз.

– Проваливай отсюда, иди ищи нормальную работу, бездельник, – кричали они, используя, конечно, более крепкие выражения.

Я уже привык к их нападениям и не обращал внимания на такие компании. Но когда кто-то пытался обидеть Боба, инстинкты брали верх, и я кидался защищать кота.

Некоторые люди воспринимали нас с Бобом как легкую добычу. Почти каждый день нам попадались идиоты, выкрикивавшие глупые замечания или тупо смеявшиеся над нами. К сожалению, иногда дело этим не ограничивалось.

Однажды в пятницу, после того как мы с Бобом начали вместе работать на Ковент-Гарден, к нам подошла группа шумных темнокожих парней. Судя по их виду, они явно искали проблем на свою голову. Кто-то заметил сидящего в чехле кота и начал гавкать и мяукать, на радость приятелям.

С этим я еще мог смириться. Глупо, по-детски, но терпимо. Но потом один из них пнул чехол. Нет, не случайно задел носком ботинка, не шутливо тронул, чтобы привлечь внимание кота, а специально пнул, так что чехол вместе с Бобом отлетел почти на метр.

Кота это заметно расстроило. Он жалобно мяукнул и прыгнул на тротуар. К счастью, поводок был привязан к чехлу, иначе рыжий сорвался бы с места и затерялся в толпе. В этом случае я мог больше никогда его не увидеть. Но, остановленный поводком, Боб, за неимением других вариантов, спрятался за рюкзаком, который стоял поблизости.

Я тем временем подскочил к обидчику кота.

– Ты какого хрена это сделал? – рявкнул я, грозно нависая над парнем (увы, впечатления это на него не произвело).

– Я просто хотел проверить, настоящий кот или нет, – издевательски хохотнул он, словно придумал отличную шутку.

Но мне почему-то было не смешно.

– Очень умно, придурок, – ответил я.

Для остальных это стал сигналом. Парни начали окружать нас с котом; один попытался оттеснить меня в сторону, но я крепко держался на ногах и не поддался. Секунду или две мы сверлили друг друга взглядом, а потом я ткнул в сторону камеры видеонаблюдения, которая висела на углу неподалеку.

– Давайте, делайте, что хотите. Только помните, что все будет записано на камеру. И посмотрим, как далеко вы успеете уйти.

Я бы с удовольствием еще раз полюбовался выражением их лиц. Парни прекрасно понимали, что, если драка будет записана на видео, им придется несладко. Один из них смерил меня взглядом:

– Ты за это еще ответишь.

Конечно, они не могли уйти просто так и обрушили на нас с котом новый поток оскорблений. Но вскоре парни двинулись дальше по улице, размахивая руками и подкрепляя слова неприличными жестами. Это меня совсем не волновало. Я порадовался, что они ушли, и начал торопливо собирать вещи. Я знал, что это за люди. Вряд ли они быстро остынут и забудут об унижении.

Этот случай убедил меня в нескольких вещах. В частности, в том, как полезно стоять рядом с камерой видеонаблюдения. Когда-то один уличный музыкант посоветовал мне держаться к ним поближе. «Так безопаснее», – сказал он. Правда, я в то время почему-то считал, что сам во всем разберусь. И разве видеосъемка не станет доказательством того, что я незаконно играю на улицах? Поэтому на время я забыл о его совете. Но постепенно убедился в справедливости слов опытного музыканта, и этот случай заставил меня в очередной раз вспомнить о нем с благодарностью.

Это что касается положительных моментов. Были и отрицательные. Заключались они в том, что встреча с парнями напомнила мне: на улице я сам по себе. Когда они подошли, рядом не оказалось ни одного полицейского. «Хранителей» площади Ковент-Гарден я тоже не заметил. От служащих метро помощи ждать не стоило. На улице было много людей, но ни один из прохожих не вмешался, хотя намерения темнокожих парней сомнений не вызывали. Наоборот, все старались как можно скорее пройти мимо. Никто бы не пришел мне на помощь. И в этом отношении с появлением Боба ничего не изменилось. Хотя нет. Теперь у меня был кот.

Когда мы возвращались домой на автобусе, он прижался ко мне.

– Мы с тобой одни против всего мира, – сказал я, почесывая его за ухом. – Как два мушкетера.

Он ткнулся носом мне в ладонь и согласно замурлыкал.

Суровая правда жизни такова, что в Лондоне стоит опасаться не только людей. С тех пор как Боб начал ходить со мной на Ковент-Гарден, я внезапно заметил, сколько там собак! Многие из них, естественно, обратили внимание на кота. Стоит отдать должное их хозяевам: как только те замечали, что питомец проявляет излишний интерес к Бобу, они призывали его к порядку и натягивали поводок. Но были и такие, кто позволял собакам подходить, на мой взгляд, слишком близко.

К счастью, Боба они совсем не беспокоили. Он не обращал на собак ни малейшего внимания. Если они вдруг возникали перед чехлом для гитары, он смотрел на них как на пустое место. Это подтверждало мою догадку насчет того, что рыжий вырос на улице. Где еще он бы научился так держать себя в руках? Примерно через неделю после столкновения с бандой я получил возможность в полной мере оценить невозможность рыжего кота.

Ближе к вечеру мы сидели на Нил-стрит, и вдалеке показался парень со стаффордширским бультерьером. Я давно заметил, что в Лондоне стаффов заводят не самые приятные люди, а хозяин этого выглядел как настоящий подонок. Бритоголовый, в грязном спортивном костюме, он на ходу потягивал крепкое светлое пиво; судя по траектории движения, парень успел порядком набраться, хотя времени было всего четыре часа.

Парочка замедлила шаг рядом с нами исключительно потому, что бультерьер потянулся ко мне и Бобу. Он не угрожал, он просто хотел обнюхать кота. Точнее, печенью, которое перед ним лежало. Рыжий в тот момент был сыт, поэтому стафф начал потихоньку продвигаться по направлению к его миске, шумно сопя в предвкушении бесплатного угощения.

Я и представить не мог, что случится дальше.

Боб не в первый раз сталкивался с повышенным вниманием со стороны собак. Обычно он их игнорировал. Но сегодня для разнообразия решил проявить себя.

До того как к нам подошел парень с собакой, рыжий беззаботно дремал у меня под боком. Но стоило стаффу потянуться к печени, как кот посмотрел на него оценивающим взглядом, неспешно поднялся – и ударил лапой по носу. Движение было настолько точным и быстрым, что ему позавидовал бы сам Мухаммед Али.

Собака, будучи не в силах поверить в случившееся, ошеломленно отскочила назад. И продолжила пятиться. Удивленный не меньше стаффа, я рассмеялся. Парень посмотрел на меня, потом на своего питомца. Судя по всему, из-за количества выпитого он с трудом понимал, что происходит. И вряд ли заметил их с Бобом небольшую стычку, тем более что все произошло очень быстро. Поэтому он треснул стаффа по голове и потащил дальше. Наверное, ему было стыдно, что его большой грозный пес испугался какого-то кота.

Боб тихо смотрел, как пристыженный пес уходит прочь. Через несколько секунд он вернулся на прежнее место и снова задремал. Казалось, рыжий воспринял случившееся как досадное недоразумение. Будто он не бойцовую собаку по носу треснул, а отогнал назойливую муху. Но у меня на многое открылись глаза. Я понял еще кое-что о том, как Боб жил до нашей судьбоносной встречи на коврике в подъезде. Рыжий не боялся защищаться. Более того, он мог прекрасно о себе позаботиться. Возможно, прежде он не раз и не два сталкивался с собаками, причем не самыми дружелюбными.

И снова в голове закрутились старые вопросы: где же он вырос? что за приключения пережил до того, как присоединился ко мне и решил стать вторым мушкетером?

По эпизоду со стаффом можно понять, что с Бобом я забыл о скуке. Мне достался не просто кот, но настоящая личность, кот с характером, особенности которого я открывал для себя каждый день. В какой-то момент у меня почти не осталось сомнений касательно того, что рыжий вырос на улице. И дело даже не в бойцовских качествах: Бобу, несмотря на весь его ум, были недоступны многие вещи, естественные для домашних кошек. Прожив со мной почти месяц, он так и не смог привыкнуть к лотку, более того, рыжий его практически ненавидел и сбегал каждый раз, когда я пытался приучить кота к туалету. Он предпочитал терпеть до тех пор, пока я не соберусь на улицу, и делать свои дела в кустах возле дома.

Меня эта ситуация решительно не устраивала. Прежде всего, мотаться туда-сюда по лестничным пролетам всякий раз, когда коту приспичит в туалет, не самая приятная перспектива. Поэтому я решил поставить Бобу жесткие условия: не оставил ему выбора. На третьей неделе нашей совместной жизни я пообещал себе, что сутки продержу кота в квартире, и ему придется воспользоваться лотком. Но рыжий без труда одержал верх в этом состязании характеров. Он терпел и ждал, ждал и терпел, пока мне не понадобилось выйти из квартиры. Едва я открыл дверь, как он выскользнул на лестницу и пулей вылетел из подъезда. Гейм-сет-матч! Я понял, что вряд ли выйду победителем из этой битвы.

Дикая сторона его натуры тоже никуда не делась. Да, Боб стал заметно спокойнее по сравнению с тем, каким он был, когда впервые переступил порог моего дома. И за это стоит сказать

спасибо врачам, которые его кастрировали. Но даже отсутствие «полного боекомплекта» не мешало рыжему время от времени сходить с ума, носиться по квартире и точить когти обо все, что попадалось на пути. Как-то раз он почти час самозабвенно гонял по гостиной пробку от бутылки. Еще был случай, когда коту в лапы попал шмель. У него было повреждено крыло, поэтому он не летал, а только ползал по журнальному столику. И периодически падал на ковер. Боб каждый раз аккуратно хватал его зубами и возвращал на стол. А потом ждал, когда тот снова свалится. Это было впечатляющее и невероятно смешное в своей торжественности зрелище. Боб не собирался есть шмеля. Он просто хотел с ним поиграть.

Когда речь заходила о еде, уличные инстинкты тоже давали о себе знать. Стоило нам выйти из подъезда, как кот устремлялся к мусорным контейнерам рядом с домом. Баки часто оставляли открытыми, и порой они «радовали глаз» черными пластиковыми мешками, над которыми уже успели поработать городские лисы и бродячие собаки. Боб неизменно отправлялся проверить, не осталось ли там чего-нибудь съестного. Как-то раз ему повезло найти куриную ножку, которую проглядели предыдущие охотники за сокровищами. Да, от старых привычек отделаться непросто...

Очень непросто! Несмотря на регулярную кормежку, несмотря на то что в кармане у меня всегда лежало угощение для кота, рыжий каждый раз ел, будто в последний раз. Стоило мне подойти к его миске, как Боб срывался с места и принимался жадно заглатывать пищу. Казалось, он пытается наесться впрок на случай конца света.

– Помедленнее, Боб, ты же даже вкус не чувствуешь! – убеждал его я. Тщетно. Судя по всему, он долгое время хватался за каждую возможность поесть, поскольку от этого зависела его жизнь. Значит, кот не привык к регулярной кормежке. В общем-то, я его понимал – мне тоже приходилось жить в таких условиях. И я не мог винить рыжего за верность прошлому.

У нас с Бобом было много общего. Возможно, именно поэтому мы так быстро привязались друг к другу. И связь наша крепла день ото дня.

* * *

Было в Бобе и кое-что, невероятно меня раздражавшее. В буквальном смысле слова. Шерсть. Летящая по всей квартире шерсть.

Я понимал, что это совершенно естественно. Весна вступала в свои права, и рыжий избавлялся от зимней шубы. Чтобы ускорить процесс, он старательно терся обо все доступные поверхности в квартире. В результате получались шерстяной диван, стулья с шерстяными ножками, шерстяные стены и шерстяная батарея. Щедрая доля шерсти перепала мне и моим вещам. Я злился, но терпел: активная линька свидетельствовала о том, что здоровье Боба значительно улучшилось. Да, рыжего по-прежнему нельзя было назвать упитанным, но ребра у него из-под кожи выпирать перестали. Шкура у кота была тонкой от природы или стала таковой в результате жизни на улице. Но лекарство помогло справиться с проплешинами, а антибиотики способствовали скорейшему заживлению раны на лапе. Она практически исчезла; не знай я про гнойник, я бы никогда не догадался, что у кота были проблемы.

Боб в целом выглядел куда здоровее, чем месяц назад. Я его не купал: кошки в большинстве своем животные очень чистоплотные, и тут рыжий ничем не отличался от собратьев. Он старательно вылизывал шерсть и умывался по несколько раз в день. На самом деле его щепетильность в вопросах собственной гигиены меня приятно поражала. Я любил смотреть, как он тщательно вылизывает лапки и чистит когти.

Процесс умывания очаровывал меня еще и потому, что чистоплотность рыжий (как и другие коты) унаследовал от своих далеких предков. Родоначалники наших питомцев жили в жарком климате; потеть они не умели и тщательно вылизывались, чтобы охладиться. А еще таким образом они обретали что-то вроде плаща-невидимки.

Сильный запах мешает кошкам охотиться. Они предпочитают подкарауливать жертву, притаившись в засаде, значит, им нужно быть незаметными. Кошачья слюна содержит природный дезодорант, поэтому они так старательно вылизываются. Зоологи доказали, что кошки, которые уделяют много времени гигиеническим процедурам, живут дольше и потомство у них здоровее. Отсутствие запаха также помогает маленьким хищникам скрываться от охотников покрупнее: змей, ящериц и плотоядных млекопитающих.

Но основной причиной, по которой Боб и его предки без конца умывались, была забота о своем здоровье. Кошки умеют заниматься самолечением. Вылизываясь, они снижают количество кожных паразитов, таких как вши и клещи, которые являются переносчиками серьезных заболеваний. Поскольку в кошачьей слюне содержатся антисептики, кошки, заливая рану, одновременно обеззараживают ее. Наблюдая за Бобом, я подумал, что, быть может, в этом и кроется причина его регулярных умываний: рыжий понимал, что со здоровьем у него не все в порядке, и пытался помочь себе, как мог.

Став моим соседом, Боб приобрел и новые привычки, причем довольно забавные. Например, он полюбил смотреть телевизор. Я заметил, что его интересует происходящее на экране, когда как-то раз зашел поиграть на компьютере в местную библиотеку. Я часто заглядывал туда по пути на работу или когда устраивал себе выходной. В тот раз мы с Бобом решили просто хорошо провести время; кот забрался ко мне на колени и старательно следил за ходом игры. Я заметил, что стоит мне двинуть мышкой, как рыжий пытается поймать лапой стрелку курсора. Дома я подумал, что можно поставить эксперимент: включил телевизор и ушел в спальню. Вернувшись в гостиную, я обнаружил, что Боб со всеми удобствами устроился на диване и не отрывает взгляда от экрана.

О том, что кошки любят смотреть телевизор, мне рассказывал один друг. Его питомец вообще был фанатом сериала «Стар Трэк: Новое поколение». Едва услышав знакомую мелодию, он срывался с места и запрыгивал на диван. Я пару раз наблюдал за этим со стороны – зрелище потрясающее, поверьте.

Довольно быстро Боб стал немного телезависимым. Если что-то привлекало его внимание, он мог часами не отрываться от экрана. Мне доставляло особое удовольствие смотреть, как он наблюдает за ходом скачек по спортивному каналу. Моему коту явно нравились лошади. Сам-то я никогда ими не интересовался, но у меня совести не хватало переключить канал и испортить рыжему удовольствие.

Глава 8

Теперь все официально

Как-то в четверг, недели через две после начала совместных концертов на Ковент-Гарден, я проснулся раньше, чем обычно. Мы с котом позавтракали и вышли из дома, но вместо того, чтобы направиться в центр Лондона, сели на автобус до Айлингтон-Грин. Я принял решение. Раз Боб каждый день выходит со мной на улицу, пора поставить ему микрочип.

Раньше это было делом довольно трудоемким, но в последнее время процесс значительно упростился. Теперь микрочипирование представляет собой несложную хирургическую процедуру, во время которой ветеринар вводит крошечный чип в шею кошке или собаке. Электронному устройству присваивается серийный номер, а в базу данных заносится информация о владельце животного. И если кот вдруг потеряется, то по чипу можно будет найти его хозяев.

С учетом нашего с Бобом образа жизни подобная предосторожность была нелишней. Если, не дай бог, мы потеряем друг друга в толпе, если рыжий испугается чего-нибудь и сбежит, есть шанс, что его вернут. Если же что-то случится со мной, то люди, нашедшие кота, будут знать, что он не всегда жил на улице и когда-то у него был заботливый хозяин.

Едва приступив к сбору информации об установке микрочипа, я сразу понял, что мы не потянем... Большинство ветеринаров запрашивали от шестидесяти до восьмидесяти фунтов за операцию. У меня таких денег не было, а если бы и были, я из принципа не стал бы столько платить.

К счастью, я поделился сомнениями с той дамой, что жила напротив и подкармливала бездомных кошек.

– Тебе стоит поехать в четверг на Айлингтон-Грин и отыскать там фургон ветеринарной службы «Синий крест», – сказала она. – Они берут деньги только за чип. Но постарайся встать пораньше – там всегда огромная очередь.

Мы с Бобом прислушались к совету милой леди, поднялись ни свет ни заря и отправились на поиски передвижной клиники, которая работала с десяти утра. И тем не менее, когда мы прибыли на место, перед фургоном, стоявшим у большого книжного магазина, уже собралась длинная очередь. К счастью, нам повезло с погодой: было ясное, солнечное утро, – так что ждать под открытым небом было несложно.

Чтобы как-то развлечься, я принялся изучать людей в очереди. Впрочем, ничего необычного я не заметил. На Айлингтон-Грин собрались стандартные клиенты ветеринарных клиник: владельцы кошек держали в руках дорогие переноски, владельцы собак дергали поводки и призывали своих питомцев к порядку, пока те пытались познакомиться с соседями по очереди. Хотя должен сказать, что здешние кошко- и собаководы выглядели на порядок приятнее и умнее, чем те, с кем я столкнулся в благотворительной клинике, куда впервые принес Боба на осмотр.

Рыжий оказался единственным котом без переноски и, как обычно, привлек к себе множество любопытных взглядов. Всего за несколько минут он легко и непринужденно очаровал двух пожилых дам, и те, покоренные умом и красотой моего не в меру обаятельного кота, принялись радостно над ним кудахтать.

Простояв полтора часа в очереди, мы наконец-то подошли к фургону, где нас поприветствовала молодая медсестра с короткой стрижкой.

– Сколько будет стоить установить ему микрочип? – спросил я.

– Пятнадцать фунтов.

По моему виду легко было догадаться, что я не из тех, кто купается в деньгах. Поэтому девушка торопливо добавила, что необязательно отдавать сразу всю сумму:

– Вы можете заплатить в течение нескольких недель. Например, по два фунта в неделю. Вас устроит?

– Более чем! – Я был приятно удивлен. – Такой вариант мне подходит.

Заручившись моим согласием, медсестра быстро осмотрела Боба и убедилась, что он в хорошем состоянии. В последнее время кот действительно выглядел замечательно (особенно после того, как наконец избавился от зимней шубки). Гладкий, подтянутый, худощавый, он производил отличное впечатление. Видела бы она его несколько месяцев назад!

Медсестра отвела нас к ветеринару – молодому мужчине лет тридцати.

– Доброе утро, – сказал он, после чего повернулся к медсестре.

Тихо переговариваясь, они начали готовиться к процедуре чипирования. Очевидно, они не в первый раз работали вместе. Медсестра достала нужные документы, а ветеринар вытащил шприц для введения чипа. Величина иглы меня несколько обескуражила. Она была большой и толстой! Но, если учесть, что микрочип был размером с рисовое зернышко, другая бы, наверное, не подошла. Игла должна быть достаточно большой, чтобы проткнуть шкуру животного и доставить устройство на место.

Боб с опаской следил за манипуляциями ветеринара, и я не мог его в этом винить. Вместо этого мы с медсестрой попытались отвлечь кота, чтобы он не видел, как к нему приближается доктор со шприцем. Но провести рыжего было не так-то просто. Он знал, что мы что-то замысливаем. Кот волновался и старательно вырывался из рук.

– Все будет в порядке, друг, – сказал я, поглаживая его по животу.

Судя по сердитому шипению, кот мне не очень-то поверил.

Когда ветеринар воткнул ему в шею иглу, рыжий жалобно мяукнул. Мне как будто нож в сердце воткнули; потом кота начало трясти от боли, и я подумал, что сам сейчас расплачусь. Но Боб быстро успокоился. Я достал из рюкзака угощение для рыжего, аккуратно взял его на руки, и мы покинули кабинет.

– Ты молодец, – сказал я.

Медсестра вынесла несколько анкет для заполнения. Сначала количество вопросов меня напугало, но я быстро понял, что они несложные.

– Нам нужна информация, чтобы внести ее в базу данных, – пояснила девушка. – Ваше имя, фамилия, адрес, возраст, номер телефона и так далее, – улыбнулась она.

Пока она под диктовку записывала мои данные, я внезапно осознал одну вещь: неужели я теперь законный хозяин Боба?

– Простите... выражаясь официальным языком, можно ли сказать, что теперь я зарегистрированный владелец этого кота? – спросил я у медсестры.

Она на секунду оторвалась от бумаг.

– Да, – кивнула девушка. – Надеюсь, вас это не смущает.

– Нет, что вы, это замечательно! – слегка ошеломленно ответил я. – Правда, здорово.

К тому времени Боб почти пришел в себя. Я погладил кота по голове. Место укола явно побаливало, поэтому я старался не трогать его шею. В противном случае рыжий мог бы меня довольно чувствительно поцарапать.

– Слышал, Боб? – прошептал я. – Похоже, мы теперь официально семья.

Уверен, что когда мы шли по улице домой, то привлекали больше внимания, чем обычно. И на этот раз причина была во мне: на моем лице сияла широкая, как Темза, улыбка.

Появление Боба сильно изменило мою жизнь. Кот заставил меня задуматься о том, на что я, собственно, трачу время. С одной стороны, благодаря рыжему я был вынужден упорядочить свои дела – он подарил мне чувство ответственности. С другой – кот заставил меня взглянуть на себя трезвым взглядом. И увиденное мне не понравилось.

Я был наркоманом, пытающимся избавиться от зависимости. И гордиться тут нечем. Раз в две недели я должен был посещать специальную клинику, а еще я каждый день ходил в аптеку

за метадоном. Тоже сомнительный повод для гордости. Поэтому я пообещал себе, что буду брать Боба в эти поездки только в самом крайнем случае. Я не хотел, чтобы кот узнавал о темной стороне моего прошлого, пусть это и прозвучит нелепо. К тому же рыжий и так мне помог: я действительно стал относиться к наркотикам как к прошлому. В будущем я видел себя живущим нормальной, свободной от зависимости жизнью. Просто нужно хорошенько постараться, чтобы сделать это будущее реальностью.

А пока многое напоминало о прошлом и о том, какая длинная дорога у меня впереди. Помню, через пару дней после микрочипирования Боба я рылся в вещах, пытаюсь отыскать пришедшую по почте проездную карту. В конце концов я дошел до шкафа в спальне и принялся вываливать все на пол. В дальнем ящике, под кипой старых газет и забытой одежды, лежал пластиковый контейнер. Я сразу узнал его, хоть и давно не держал в руках. В нем я хранил «инвентарь», который скопил, когда сидел на героине: шприцы, иглы, жгуты – в общем, все необходимое для удовлетворения потребности в наркотике. Я словно привидение увидел. В памяти всплыло множество неприятных воспоминаний. А я-то надеялся, что навсегда от них освободился...

Я сразу решил, что этой коробке не место в моем доме. Я не хотел, чтобы она лежала тут, напоминая о прошлом и, возможно, искушая меня. И я уж точно не хотел, чтобы кот имел хоть малейшую возможность добраться до этих «сувениров».

Боб, как обычно, спал у батареи, но проснулся, когда я стал надевать куртку, и всем своим видом выразил желание пойти на улицу со мной. Мы дошли до мусорных баков, и там он проследил за тем, как я выбрасываю коробку со шприцами в контейнер для опасных отходов.

– Вот так, – сказал я, поворачиваясь к коту и натываясь на вопросительный взгляд. – Просто делаю кое-что, что должен был сделать уже давно.

Глава 9

Мастер исчезновений

Жизнь на улице полна неожиданностей. Нужно быть готовым к сюрпризам, причем чаще всего к неприятным. Этому я научился довольно быстро. Когда сотрудники социальных служб говорят о таких, как я, они всегда используют слово «беспорядочный». В частности, они называют беспорядочным наш образ жизни, потому как он не соответствует их представлениям о норме. Но что ненормально для них, нормально для нас. И мы-то знаем, что в нашей жизни есть определенный, незаметный на первый взгляд порядок. Поэтому я ничуть не удивился, когда в конце нашего с Бобом первого лета на Ковент-Гарден наместились перемены. Я знал, что от них никуда не деться. Жизнь редко радует меня однообразием.

Тихими шагами наступала осень; Боб по-прежнему был любимцем толпы. Особой популярностью он пользовался у туристов: едва завидев рыжего, они обязательно подходили и заговаривали с ним. Кажется, за прошедшие месяцы я услышал все языки, существующие под солнцем – от валлийского до африкаанса, на котором говорят в ЮАР, – и выучил, как будет «кот» на каждом из них. Теперь я знал, что по-чешски это «кошка», по-французски «chat», а по-турецки «kedi». Но больше всего мне нравился китайский вариант – «тао». Вот уж не думал, что великий вождь китайского народа – кот!

Но независимо от того, на каком странном или прекрасном языке разговаривали туристы, суть их высказываний сводилась к одному: Боб нравился всем.

У нас появилась группа «постоянных поклонников» – людей, которые работали в районе Ковент-Гарден и проходили мимо, когда возвращались с работы. Многие из них каждый вечер останавливались, чтобы поздороваться с Бобом – и со мной. Некоторые даже начали приносить ему подарки.

Были и те, кто доставлял нам проблемы.

Как я и предполагал, в конце концов на нас обратили внимание «хранители» Ковент-Гарден. Все это время я продолжал играть у станции метро на Джеймс-стрит. Один «хранитель» несколько раз подходил и напоминал, что по закону эта зона принадлежит ожившим статуям. Его абсолютно не смущал тот факт, что поблизости не было ни одной.

– Ты знаешь правила, – не уставал повторять он.

Да, я знал. А еще я знал, что иногда правила можно нарушать. Чуть-чуть. Такова жизнь на улице. Если бы мы принадлежали к числу людей, которые старательно соблюдают правила, мы бы здесь не оказались.

Поэтому всякий раз, когда «хранитель» устремлялся в мою сторону, я снимался с места и часа два бродил по окрестностям, чтобы потом спокойно вернуться на Джеймс-стрит. На мой взгляд, игра стоила свеч. Я ни разу не слышал, чтобы «хранители» вызывали полицию разбираться с музыкантом, который играет не на том месте.

Куда больше меня беспокоили сотрудники метрополитена: мы с Бобом внезапно стали их раздражать. Особенно недовольными выглядели несколько контролеров – от них-то я и ждал серьезных проблем. Все началось с недружелюбных взглядов и резких замечаний, когда я прислонялся к стене станции. Но как-то раз ко мне подошел один крайне неприятный инспектор – потный тучный парень в синей форме – и начал напрямую угрожать нам с Бобом.

К тому времени я успел неоднократно убедиться, что мой кот прекрасно разбирается в людях. Он издали чуял тех, от кого стоило держаться подальше. И парня этого он заметил в тот момент, когда инспектор только повернул в нашу сторону. Заметил – и подобрался поближе ко мне.

– Все в порядке? – дружелюбно спросил я.

- Нет. Не все в порядке. Проваливай отсюда или... – Инспектор замолчал.
- Или что? – Я не собирался так просто уступить.
- Увидишь! – Парень явно пытался меня запугать. – Я тебя предупредил.

Я знал, что его власть ограничена станцией метро, и понимал, что за ее пределами он, по сути, бессилен. И тем не менее, поразмыслив на досуге, я решил, что лучше будет какое-то время держаться от него подальше.

Для начала я перебрался в конец Нил-стрит и устроился там, где улица пересекалась с Лонг-Акр. С одной стороны, я оставался неподалеку от Джеймс-стрит и станции метро. С другой – оказывался вне поля зрения ее сотрудников. Поток людей тут был значительно слабее, чем на Ковент-Гарден, да и излишним дружелюбием они, к несчастью, не отличались. Почти каждый день нам попадался какой-нибудь придурок, который пинал чехол от гитары и пытался напугать Боба. Я видел, что кот не в восторге от нового места: стоило нам прийти, как он сворачивался в непрístupный клубок и настороженно щурил глаза. Так он пытался донести до меня одну простую мысль: «Мне здесь не нравится».

Пару дней мы с котом еще терпели, а потом, выйдя из автобуса на привычной остановке, отправились не на Ковент-Гарден, а через район Сохо прямо на площадь Пиккадилли.

Поскольку мы все еще находились в центре Лондона, а если конкретно, то в районе Вест-минстер, то законы там действовали те же, что и на старом месте. Площадь Пиккадилли функционировала по принципу Ковент-Гарден: для уличных музыкантов была отведена конкретная зона. На этот раз я решил не идти против правил. К тому же я знал отличное место, предназначенное для таких, как я, к востоку от площади, у дороги, ведущей на Лестер-Сквер. Туда мы с котом и направились.

Нам с Бобом повезло: участок всего в нескольких метрах от выхода из метро перед музеем Рипли «Хотите – верьте, хотите – нет» оказался свободен. День выдался суматошный: сотни туристов спешили добраться до кинозалов и театров Вест-Энда. Несмотря на то что люди торопились как можно быстрее попасть в метро, без заработка мы не остались. И все благодаря Бобу – заметив кота, прохожие замедляли шаг, а порой даже останавливались.

Я видел, что рыжему слегка не по себе: он теснее, чем обычно, прижимался к подставке для гитары и настороженно водил ушами. Возможно, его напрягали толпы людей и тот факт, что мы снова оказались в незнакомом месте. В привычной обстановке кот чувствовал себя куда комфортнее.

Мимо, как обычно, проходили люди, приехавшие из разных уголков планеты, чтобы полюбоваться Лондоном. К счастью для нас, особенно много было туристов из Японии: жители Страны восходящего солнца охотно поддавались очарованию рыжего. Вскоре я узнал, что японски кот будет «пеко». Все шло отлично до шести часов, но к вечеру толпа стала совсем плотной. Примерно в это время из музея Рипли вышел промоутер в огромном надувном костюме, который был в три раза больше сидящего внутри него человека, и начал размахивать огромными ручищами, приглашая людей посетить выставку. Понятия не имею, какое отношение этот персонаж имел к музею... Может, там показывали что-то, связанное с самым толстым человеком на планете? Или одна из экспозиций была посвящена самой нелепой работе в мире?

В любом случае, парень в костюме Бобу решительно не понравился. Стоило тому выйти на улицу, как кот прижался к моей ноге. Рыжий не понимал, что за существо стоит перед ним, и испуганно таранился на него. Я был согласен с котом: парень действительно выглядел не слишком приятно.

К счастью, через некоторое время Боб успокоился и забыл о человеке в странном костюме. Мы не обращали на него внимания, а он продолжал зазывать людей на выставку, причем довольно успешно. Пока он держался в стороне от нас, все было нормально. Я пел песню Джонни Кэша «Ring of Fire», Боб сидел в чехле от гитары, лениво поглядывая по сторонам,

как вдруг промоутер в нелепом костюме возник прямо перед нами. И он явно намеревался погладить кота.

Я растерялся, а вот реакция Боба была мгновенной. Он взвился в воздух и рванул наутек, унося с собой свою новую шлейку. Прежде чем я опомнился, рыжий исчез в толпе, текущей ко входу в метро.

«Черт! – подумал я, чувствуя, как начинает бешено колотиться сердце. – Ну все! Пропал мой кот».

К счастью, за дело взялись инстинкты. Я бросил гитару и помчался к метро. В тот момент судьба Боба волновала меня куда больше, чем оставленный на тротуаре инструмент. В конце концов, гитару всегда можно купить.

Я оказался в плотном потоке людей: усталые офисные служащие спускались в метро, погруженные в мечты об ужине в кругу семьи, навстречу им спешили беззаботные гуляки, которым не терпелось приобщиться к радостям вечернего Вест-Энда, а между ними мелькали туристы, кто с рюкзаком, кто с развернутой картой, но все с одинаково потрясенным выражением лица, как будто они не ожидали оказаться в пульсирующем сердце английской столицы. Мне приходилось протискиваться сквозь толпу и активно лавировать, чтобы добраться хотя бы до входа на станцию. В процессе я столкнулся с несколькими прохожими и чуть не сбил с ног даму средних лет.

Невозможно было разглядеть хоть что-либо в непрерывно движущемся море людей; когда я добрался до конца лестницы, ведущей в вестибюль станции, ситуация немного улучшилась. Да, вокруг по-прежнему было много народу, но я мог хотя бы остановиться и перевести дух. Присев на корточки, я принялся выглядывать кота. Несколько пассажиров наградили меня недоуменными взглядами, но мне до них не было никакого дела.

– Боб, Боб, где же ты, друг? – отчаявшись, крикнул я, в тот же момент осознав, что при таком шуме кот вряд ли меня услышит.

Я понял, что придется действовать наобум и выбирать какое-то одно направление. Идти к турникетам, которые вели к эскалаторам, а затем спускаться к поездам? Или же к другим выходам из метро? Куда бы направился Боб? Мне почему-то казалось, что вряд ли он выберет первый вариант. Мы с ним никогда не ездили на метро, значит, движущиеся эскалаторы его, скорее всего, отпугнут.

Поразмыслив, я повернулся к выходу на другую сторону площади Пикадилли. Через пару секунд я заметил слабый рыжий проблеск на одной из лестниц. И тянущийся за ним поводок.

– Боб, Боб! – Я снова принялся звать кота, протискиваясь мимо людей туда, где видел его секунду назад.

До рыжего оставалось метров десять, но с таким же успехом он мог быть на другом конце города – настолько плотной была толпа. И с лестницы в вестибюль прибывали все новые люди.

– Остановите его, наступите на поводок! – крикнул я, заметив, как Боб мелькнул у кого-то между ног. Но никто не обратил внимания на мою просьбу.

Через мгновение поводок исчез, а вместе с ним и Боб. Наверное, он добрался до выхода на Риджент-стрит и выбежал на улицу.

В голове промелькнула тысяча мыслей. И среди них ни одной хорошей. Что, если он выскочит на дорогу у площади Пикадилли? Вдруг его кто-нибудь заметит и подберет? Проталкиваясь к выходу из метро, я, по правде говоря, едва сдерживал слезы. К тому времени я уже убедил себя, что навсегда потерял кота.

Я знал, что моей вины в этом нет, но чувствовал себя ужасно. Почему я не додумался привязать поводок к рюкзаку или к своему ремню? Тогда бы Боб ни за что не убежал! И почему я потерял бдительность и подпустил к Бобу этого парня в дурацком костюме? Мне было тошно от случившегося...

Выйдя на улицу, я снова оказался перед выбором. Куда побежал Боб? Повернул налево к площади Пикадилли или дальше, к огромному магазину *Tower Records*? Доверившись интуиции, я решил, что, скорее всего, он предпочел пройти по широким тротуарам Риджент-стрит.

Все еще борясь с приступами паники, я пошел по улице, спрашивая прохожих, не видели ли они рыжего кота в шлейке. Судя по косым взглядам, вид у меня был абсолютно безумный. Люди шарахались в сторону, как от психа с ружьем. К счастью, не все.

Пройдя метров тридцать, я встретил девушку с сумкой из магазина *Apple*, который находился в конце Риджент-стрит. Поскольку именно в том направлении убежал Боб (во всяком случае, мне хотелось так думать), я спросил ее про моего беглеца.

– Да, видела, – кивнула она. – Рыжий кот. С поводком. Какой-то парень попытался его поймать, но кот оказался проворнее.

Я почувствовал ни с чем не сравнимое облегчение. И едва удержался от того, чтобы расцеловать девушку. Но радость быстро сменилась паранойей. Зачем этому парню понадобилось ловить моего кота? Что он собирался с ним делать? Вдруг Боб от этого только сильнее испугался? И теперь прячется где-нибудь, где я его никогда не найду!

С такими тяжелыми мыслями я шел по Риджент-стрит, заглядывая по пути в каждый магазин. Почти все продавцы испуганно отшатывались при виде возникшей в дверях длинноволосой фигуры. Некоторые едва достаивали меня вниманием и медленно качали головой в ответ на мои вопросы. Я знал, о чем они думают. Для них я был куском мусора, залетевшим в магазин по воле ветра.

Десяток магазинов спустя настроение у меня совсем упало. Я не знал, сколько времени прошло с тех пор, как Боб сбежал. Хотелось надеяться, что не так много. Мне казалось, что все происходит, как в замедленной съемке, что я действую недостаточно быстро. И я уже был готов сдаться.

Пройдя еще метров двести, я оказался перед боковой улицей, ведущей на Пикадилли. Отсюда Боб мог пойти куда угодно: на Мэйфэр, к Сент-Джеймскому дворцу или на Хеймаркет. Шансов найти его там у меня практически не было.

Я почти смирился с тем, что поиски ни к чему не приведут, и собрался свернуть на боковую улицу, но сперва решил-таки попытать счастья в магазине женской одежды. Продавцы были чем-то явно озадачены и все время оглядывались в сторону подсобки. Как только они увидели меня и услышали слово «кот», их лица прояснились.

– Рыжий? – уточнила одна из девушек.

– Да, рыжий, в шлейке и с поводком.

– Он вон там сидит... – Она кивнула в дальний конец магазина, приглашая меня внутрь и закрывая дверь. – Мы не хотели, чтобы он сбежал, – пояснила девушка. – Увидели поводок и поняли, что у него есть хозяева.

Меня подвели к открытым шкафам, заполненным модной одеждой. Я мельком бросил взгляд на цены. Да, чтобы купить самую дешевую вещь в этом магазине, мне придется отдать свой месячный заработок! Но мысли о деньгах испарились, когда в углу одного из шкафов я увидел свернувшегося клубком Боба.

Поскольку паника отступила, я задался вопросом: а что, если кот хотел от меня сбежать? Может, ему надоело со мной жить? Или он разочаровался в своем хозяине? Подходя к рыжему, я приготовился к тому, что он опять сорвется с места и пустится наутек. Но он этого не сделал.

– Эй, Боб, это я, – чуть слышно прошептал я, после чего он запрыгнул мне на руки.

А когда он замурлыкал и начал тереться об меня головой, все мысли о запланированном бегстве исчезли, как их и не было.

– Ты так меня напугал, друг, – сказал я, поглаживая кота. – Я думал, что больше тебя не увижу.

Обернувшись, я заметил стоящих рядом продавцов. У одной из девушек глаза были на мокром месте.

– Я так рада, что вы его нашли, – сказала она. – У вас очаровательный кот. А мы уже начали думать, что с ним делать, если хозяин не придет...

Она подошла поближе и погладила Боба. Мы поболтали еще пару минут, пока девушки готовили магазин к закрытию.

– Пока, Боб! – сказали они, когда мы с котом вышли на улицу, чтобы смешаться с толпой, следующей на площадь Пикадилли.

Рыжий снова устроился у меня на плечах – судя по всему, там он чувствовал себя в безопасности.

Вернувшись к музею, я с удивлением обнаружил, что с моей гитарой ничего не случилось. Может, за вещами приглядел охранник или кто-нибудь из службы защиты общественного порядка... В тот день рядом с нами дежурила патрульная машина. Обычно полицейские и люди из службы защиты общественного порядка обожали Боба. Среди патрульных он тоже пользовался популярностью. В общем, я понятия не имел, какого доброго самаритянина мне стоило благодарить за сохранность инструмента, да и не слишком это меня волновало в тот момент, признаюсь честно. Я просто радовался, что нашел своего кота.

Поскольку ни о какой работе после случившегося я и думать не мог, я принялся торопливо собирать вещи. Да, денег в тот день мы почти не собрали, но я не переживал. По дороге на автобус мы зашли в ближайший торговый центр, где я купил специальное крепление на ремень, к которому прицепил поводок Боба. Все, теперь он никуда от меня не денется. Когда мы сели в автобус, кот, вместо того чтобы как обычно устроиться на соседнем сиденье, забрался ко мне на колени. Да, порой я с трудом понимал своего рыжего друга, но временами точно знал, о чем он думает. И это был как раз такой случай. Мы вместе, и ни один из нас не хотел, чтобы что-то менялось.

Глава 10

Санта-Лапкус

Несколько дней после случившегося на площади Пикадилли мы с Бобом цеплялись друг за друга, как выжившие после кораблекрушения в спасательной шлюпке посреди бурного моря. Побег рыжего каждого из нас заставил порядком понервничать.

Для меня он стал еще и поводом в очередной раз задуматься о нашей дружбе. Помнится, в том магазине я на секунду предположил, что кот был бы не против слегка от меня отдалиться. Хотя в глубине души я знал, что захоти Боб вернуться на улицу – или туда, откуда пришел, – я не смог бы, да и не стал бы, ему мешать.

Но что мне делать, если в рыжем проснется тяга к вольной жизни? Я решил, что, случись нечто подобное и у меня получится поймать его до того, как он исчезнет, я пристрою его в приличный кошачий приют. Я не хотел быть тюремщиком. Кот за несколько месяцев стал мне верным другом, и я считал, что не имею права ограничивать его свободу. Он этого не заслуживал.

К счастью, до этого и не дошло.

Пару раз после злополучной встречи со страшным промоутером Боб отказывался выходить со мной на работу. Когда я утром доставал шлейку, кот прятался за диваном или скрывался под столом, всем своим видом демонстрируя, что сегодня он не в настроении покидать квартиру. И любимую батарею. Я не настаивал. Но такое случалось нечасто. Обычно он был рад сопровождать меня. Правда, я заметил легкие перемены в его поведении. Теперь рыжий внимательнее следил за мной, старался держаться как можно ближе, но, с другой стороны, вел себя гораздо спокойнее.

А еще Боб стал меньше бояться толпы. Возможно, это было связано с тем, что теперь поводок был все время пристегнут к моему поясу и я не отпускал его ни на миг, пока мы находились на улице. Думаю, он чувствовал, что мы стали ближе. Наша связь подверглась испытанию – и выдержала его. Теперь мне казалось, что Боб сильнее, чем прежде, хочет быть рядом со мной.

Конечно, жизнь не превратилась в корзинку с фруктами: если работаешь на улицах Лондона, время от времени тебе что-то да угрожает. После столкновения с человеком в нелепом надувном костюме прошло несколько недель, мы вернулись на Ковент-Гарден и обнаружили там трупку уличных артистов на гигантских ходулях. В соответствии с традициями старой французской школы, лица у них были ярко раскрашены. И выглядели они пугающе...

Когда артисты на ходулях подошли к нам, Боб перепугался и прижался ко мне; я попытался сосредоточиться на мелодии, но кот мешал мне играть, постоянно ударяя хвостом по грифу гитары.

– Боб, прекрати, – пробормотал я, извиняясь перед прохожими, остановившимися, чтобы послушать песню.

К счастью, они решили, что поведение кота – часть представления, и даже посчитали это забавным. Вот только мне от этого играть легче не стало. Да, мой рыжий друг был кем угодно, только не паинькой.

Вскоре после того, как фигуры на ходулях скрылись из виду, к Бобу вернулась его обычная невозмутимость. Он взял себя в руки и вернулся в чехол, дав мне понять, что теперь я могу спокойно работать. Судя по всему, кот воспринимал меня как спасательный круг. И я был рад, что доказал ему свою надежность.

Приближалось Рождество 2007 года; мы с Бобом были вместе почти двенадцать месяцев, и в нашей жизни появилось нечто вроде рутины. Каждое утро я встречал его на кухне возле

миски, где он терпеливо ждал, пока я приготовлю завтрак. Слопав порцию корма, Боб приступал к умыванию, тщательно облизывал лапки и мордочку. Он по-прежнему отказывался воспринимать лоток в качестве туалета, поэтому прогулка до ближайших кустов стала нашим утренним ритуалом. Обычно я спускался вниз вместе с ним, но иногда отпускал его одного. Сделав дела, он без проблем возвращался домой. После этого я собирал рюкзак, упаковывал гитару в чехол, и мы отправлялись на работу.

До главного праздника оставалось всего ничего: Ковент-Гарден оживленно бурлила с утра и до позднего вечера. А Боб получал все больше подарков и угощений. Надо сказать, что у многих с самых первых дней вошло в привычку радовать кота маленькими сувенирами.

Первой стала дама среднего возраста, работавшая в офисе неподалеку от Джеймс-стрит; она взяла за правило останавливаться и болтать с нами практически каждый день. Много лет назад у нее тоже был рыжий кот, и Боб, по словам дамы, напоминал ей о любимом питомце.

Однажды вечером она подошла к нам с широкой улыбкой на лице и красивым пакетом из дорогого зоомагазина в руках.

– Надеюсь, вы не против того, что я купила Бобу подарок, – сказала она.

– Нет, конечно, – улыбнулся я.

– Ничего особенного. – С этими словами она достала маленькую плюшевую мышку. – Там внутри кошачья мята. Совсем чуть-чуть, так что не волнуйтесь.

Я не знал, что ей ответить. В конце концов, кошачья мята для кошек – что-то вроде наркотика. Я читал о том, что иногда от нее они сходят с ума. Не хватало еще, чтобы мой кот стал наркоманом! Достаточно того, что я пытался избавиться от зависимости.

Но расстраивать даму тоже не хотелось... Она постояла немного с нами, любуясь тем, как Боб играет с мышкой, а потом поспешила домой.

Зима набирала обороты, и люди начали дарить Бобу более практичные подарки. Однажды к нам подошла потрясающе красивая женщина из России.

– Надеюсь, вы не против, но в последнее время похолодало, и я решила связать кое-что для Боба, чтобы он не мерз, – улыбнулась она и достала из сумки теплый голубой шарф.

– Ничего себе! – удивленно воскликнул я. – Это великолепно!

Я немедленно повязал шарф на шею коту. Голубой цвет идеально подошел к его рыжему окрасу. Женщина была вне себя от радости. И неделю или две спустя подарила Бобу жилетку в тон шарфу. Хотя я плохо разбираюсь в моде и стиле (достаточно посмотреть на меня, чтобы это понять), я знал, что в жилетке и шарфе мой кот выглядит изумительно. Люди начали выстраиваться в очередь, чтобы сфотографировать его. Если бы я брал за это деньги, то без труда решил бы свои финансовые проблемы.

После той дамы еще человек десять (а может, и больше!) подарили Бобу разные вязаные вещи. Одна женщина своими руками вышила имя кота на шарфе. Рыжий не только вдохновлял людей на творчество, но и охотно демонстрировал окружающим плоды их стараний. Мне начинало казаться, что еще чуть-чуть – и Боб возомнит себя моделью!

Все эти подарки напоминали о том, что я и так давно понял: не я один привязался к рыжему коту. Где бы мы ни появлялись, в скором времени он везде находил друзей. Поскольку я всегда с трудом сходился с людьми, таланту своего кота я мог только позавидовать.

Моя бывшая девушка Бэлль в Боба буквально влюбилась. Несмотря на неудачный опыт отношений, мы с ней оставались лучшими друзьями, и она регулярно заглядывала к нам в гости. Бэлль утверждала, что приходит проведать меня, но я-то знал, что причина ее частых визитов – один обаятельный рыжий кот! Эти двое могли часами играть на диване, позабыв обо всем на свете. Боб отвечал взаимностью на чувства Бэлль и в целом был о ней весьма высокого мнения.

За три недели до Рождества она пришла к нам с большим пакетом из магазина и широкой улыбкой на лице.

– Что у тебя там? – поинтересовался я, чувствуя, что ей не терпится рассказать.

– Это не для тебя, это для Боба! – решила поддразнить меня Бэлль.

Кот дремал у батареи, но наострил уши, едва заслышав свое имя.

– Боб, иди сюда, у меня для тебя сюрприз! – позвала его Бэлль, плюхаясь на диван вместе с пакетом.

Рыжий не заставил себя ждать и уже пару секунд спустя попытался сунуть в сумку свой любопытный нос.

Смеясь, Бэлль вытащила из пакета пару футболок для кота: обычную, с милым котенком на груди, и куда более интересную – красную с зеленой отделкой. Но главное – на второй футболке был крупный отпечаток лапы, над которым большими белыми буквами было написано «Санта-Лапкус».

– Вот это да! – выдохнул я. – Боб, ты только посмотри! Лучший наряд для Ковент-Гарден в канун Рождества. Нашим слушателям непременно понравится.

Я оказался прав.

Не знаю, в чем была причина – в близости Рождества или в том, что в новом костюме Боб выглядел еще очаровательнее, чем обычно, – но эффект был просто потрясающий.

– Ой, смотрите, Санта-Лапкус! – слышал я почти каждую минуту.

Некоторые прохожие останавливались, чтобы бросить пару монет в чехол, другие предпочитали дарить что-то Бобу. Как-то раз к нам подошла дама на внушительных каблуках. Склонившись над котом, она ласково почесала ему за ухом, а потом повернулась ко мне.

– Какой красавец! – вздохнула она. – Что бы он хотел получить от Санты на рождество?

– Не знаю, мадам, – ответил я.

– Хорошо, тогда спрошу по-другому: а что ему нужно? – улыбнулась она.

– Думаю, он будет рад еще одной шлейке. Или чему-нибудь, что поможет ему согреться, когда станет совсем холодно. Или игрушкам. Мальчишки любят получать на Рождество игрушки!

– И то правда! – сказала дама, еще раз погладила Боба и ушла.

Я и думать про нее забыл, но час спустя женщина на каблуках вернулась. В руках она держала красивый рождественский носок с вышитыми котятками. Я заглянул внутрь и обнаружил, что он буквально набит подарками: вещами, игрушками и кошачьей едой.

– Обещай, что не откроешь его до Рождества! – шутливо погрозила она Бобу. – Положи его под елку и дождись праздника.

Я не отважился сказать даме, что у нас нет денег на елку и на то, чтобы украсить дом к Рождеству. Правда, недавно я купил в благотворительном магазине искусственное дерево, которое надо было подключать к старой приставке... но вряд ли Санта-Клаус одобрил бы мой выбор.

Впрочем, через пару дней я принял решение. Дама была права. В этом году я должен нормально подготовиться к Рождеству. В конце концов, мне в кои-то веки есть что праздновать! В моей жизни появился Боб.

Наверное, я утратил вкус к Рождеству, потому что давно уже его толком не отмечал. Более того, постепенно я стал одним из тех, кто активно боится этого праздника. Последние лет десять Рождество я встречал в приютах для бездомных. Да, нас угощали обедом, все были настроены очень приветливо и благодушно, люди смеялись и желали друг другу добра... Но это лишь в очередной раз напоминало мне о том, чего у меня нет: нормальной жизни и нормальной семьи. А еще о том, что я сам себя этого лишил.

Раз или два я проводил Рождество в одиночестве, стараясь забыть, что мои родные сейчас на другом конце света. Ну, почти все. Однажды я праздновал Рождество с отцом. После того как они с матерью почти год считали меня пропавшим без вести (это случилось, когда я в первый раз стал жить на улице), я старался не терять с ним связь. Время от времени я звонил

отцу, и он пригласил меня на праздник к себе домой. Не скажу, что это было лучшее Рождество в моей жизни. Отец не скрывал, что ему нет до меня дела. Но я не мог его в этом винить. В конце концов, я не тот сын, которым можно гордиться.

Я был благодарен ему за вкусный обед, за выпивку и возможность пообщаться с нормальными людьми... Но после праздника мы оба пришли к выводу, что пригласить меня было не самой лучшей идеей.

Я решил, что это Рождество будет другим. В канун праздника я позвал в гости Бэлль, и мы замечательно посидели втроем. Для рождественского обеда я заранее купил грудку индейки и все, что положено ставить на стол в такой день. Готовил я, по правде говоря, не очень, да и не было у меня на кухне всего, что для этого нужно. Поэтому я заранее наведалься в отдел кулинарии в ближайшем супермаркете. И заодно прикупил угощение для Боба, включая его любимое куриное рагу.

На Рождество мы поднялись довольно рано и вышли на прогулку, чтобы кот мог сбегать в кусты. Другие жильцы нашего подъезда в это время уже направлялись в гости к родным и близким. Мы улыбались друг другу и желали счастливого Рождества. Еще недавно я о таком и мечтать не мог.

Вернувшись домой, я выдал Бобу чулок с подарками. Он уже давно положил на него глаз и явно догадывался о содержимом. Я доставал подарки один за другим. Угощения, мячики и маленькие плюшевые штуки с кошачьей мятой... Боб был рад каждому подарку! Вскоре он, совсем как ребенок рождественским утром, играл с новыми игрушками. Я не мог оторвать глаз от этой картины.

Затем настал черед праздничного обеда, после которого мы с котом нарядились в рождественские колпаки и устроились на диване перед телевизором. Я открыл банку пива, и остаток дня мы смотрели праздничные передачи. Это было лучшее Рождество за последние годы.

Глава 11

Ошибочно обвиненный

Весной 2008 года зарабатывать деньги на улицах Лондона стало довольно сложно, а подчас и вовсе невозможно. На то было несколько причин. Многие ошибочно полагают, что состояние экономики никак не влияет на бродяг и уличных музыкантов, но должен вам сказать, что кризис, в то время набравший обороты, сильно ударил по таким, как я. Добросердечные горожане, прежде спокойно бросавшие нам с Бобом мелочь, теперь предпочитали оставлять деньги при себе. Двое наших постоянных слушателей признались, что боятся потерять работу и не могут позволить себе даже такие несущественные траты. Я на них не обижался, но в результате мне приходилось простаивать на Ковент-Гарден с утра и до позднего вечера, а собранных денег едва хватало нам с Бобом на еду и коммунальные платежи.

Резкое снижение доходов было, к сожалению, меньшим из зол. Куда сильнее меня беспокоили власти, ополчившиеся на уличных исполнителей, которые имели наглость играть не в установленном месте. Не знаю, почему это вдруг стало их так сильно волновать, но головной боли они мне добавили...

«Хранители» Ковент-Гарден в большинстве своем были людьми здравомыслящими. Да, попадались неадекватные личности, но обычно мне удавалось договориться с властями. Теперь даже те, кто всегда смотрел сквозь пальцы на незначительные правонарушения, могли конфисковать твои вещи, если им вдруг начинало казаться, что ты их не воспринимаешь всерьез. Не думаю, что «хранителей» внезапно наделили какими-то особенными полномочиями, скорее, просто приказали ответственнее относиться к тому, чем они занимаются.

Появились среди «хранителей» и незнакомые лица. Один из наиболее агрессивных новичков несколько раз грозился, что заберет мою гитару. Я смог убедить его, что теперь буду играть только в установленных местах или вообще больше не появлюсь на Ковент-Гарден. А потом на полчаса притаился за углом, прежде чем вернуться на Джеймс-стрит.

Эта игра в прятки меня ничуть не забавляла, к тому же в окрестностях площади было не так много укромных мест. И новые «хранители» знали о большинстве из них. Теперь меня почти каждый день прогоняли с выгодных точек или делали мне выговор. Признаюсь честно, это выматывало. В глубине души я начинал понимать, что мое время как уличного музыканта подходит к концу. Соломинка переломила спину верблюду в один погожий майский денек.

Забыл сказать, что служащие станции метро на Ковент-Гарден тоже начали доставлять мне немало проблем. В последнее время я раздражал их все больше и больше. Не знаю почему, но уличный музыкант у входа метро встал им поперек горла. Теперь уже не один, а несколько контролеров регулярно выходили и осыпали меня оскорблениями в надежде, что я не выдержу и сбегу.

С этим я мог справиться. В конце концов, контролеры нападали не в первый раз. К сожалению, теперь они объединились и развернули целую кампанию по выживанию меня с Джеймс-стрит. Они постоянно обращали за помощью к Британской транспортной полиции, и та незамедлительно являлась, чтобы испортить мне жизнь. Как будто у меня и без них было мало проблем! Впрочем, с контролерами я боролся так же, как и с «хранителями»: клялся и божился, что больше не попадусь им на глаза, отходил подальше – и возвращался, убедившись, что горизонт чист. Я не видел вреда в том, что делаю. Никто же не страдал от моей музыки, верно?

А потом все изменилось.

Так получилось, что у меня остановился один приятель, парень по имени Дилан. Мы познакомились, когда я играл в группе. Его вышвырнули со съемной квартиры, поскольку бесовестный владелец внезапно решил задрать цену, а Дилан отказался платить. Ему нужно было

где-то пожить несколько недель; поскольку я сам не раз оказывался без крыши над головой, я не смог отказать другу. Так он стал спать у меня на диване.

Боб поначалу отнесся к появлению нового соседа без особого восторга. Наверное, подумал, что теперь я буду уделять ему меньше внимания. Но вскоре рыжий обнаружил, что Дилан обожает кошек не меньше, чем я, значит, теперь его будут любить еще больше. Уж с этим-то он мог смириться. Бобу нравилось, когда все вокруг им восхищались.

И как-то раз Дилан решил поехать в центр Лондона вместе с нами. Погода обещала быть ясной и солнечной, и он намеревался погулять в окрестностях Ковент-Гарден. Пока я разбираал вещи и готовился приступить к работе на Джеймс-стрит, Дилан играл с Бобом. Вспоминая тот день, я снова и снова удивляюсь, как нам повезло, что мой друг был рядом.

Я едва успел взять в руки гитару, как возле нас затормозил фургон транспортной полиции. Трое полицейских выскочили из машины и направились напрямик ко мне.

– Чего это они? – спросил Дилан.

– Понятия не имею. Наверное, как обычно, попросят убраться, – пожал я плечами, уверенный, что все пройдет по стандартной схеме: полицейские скажут, что здесь играть нельзя, я попрошу прощения и пообещаю уйти, после чего они уедут.

Но я ошибался.

– Так, ты едешь с нами, – сказал один из полицейских, указывая на меня.

– Зачем это? – опешил я.

– Мы арестовываем тебя по подозрению в нарушении общественного порядка.

– Что? Какое нарушение, вы о чем вообще...

Они схватили меня прежде, чем я успел закончить предложение. Один зачитал мои права, другой защелкнул наручники.

– В участке объясним. Давай забирайся в машину, а то хуже будет, – пригрозили мне.

– Но как же мой кот? – в отчаянии спросил я, кивая на Боба.

– Ничего, у нас есть несколько собачьих будок, посидит в одной из них, – зловеще улыбнулся полицейский. – Если, конечно, кто-нибудь не позаботится о нем, пока ты будешь в участке.

У меня голова пошла кругом от происходящего. Я не знал, что делать. А потом вспомнил про Дилана. Он держался в стороне и всем своим видом показывал, что проблемы с полицией ему сейчас нужны меньше всего.

– Дилан, ты присмотришь за Бобом? – крикнул я. – Отведи его домой. Ключи у меня в рюкзаке.

Он кивнул и пошел за котом. Я видел, как он взял рыжего на руки и принялся успокаивать. Я заметил, что Боб жутко напуган – он не понимал, что происходит с его хозяином. Через закрытое решеткой окно фургона я смотрел на Дилана и Боба, пока мы не свернули за угол.

Меня везли в полицейский участок. Я понятия не имел, что со мной будет.

Через некоторое время мы прибыли на место. Я выложил все вещи из карманов, ответил на кучу вопросов, после чего меня отвели в камеру и приказали ждать, пока не придет офицер. Я сидел, тоскливо разглядывая решетку и исписанные граффити стены; от пола несло застарелой мочой, и этот запах возвращал к жизни не самые приятные воспоминания. Я не в первый раз оказывался в руках полиции: раньше меня арестовывали за мелкое воровство. Если вы живете на улице или сидите на игле (ну или и то и другое сразу, как в моем случае), вы, как правило, пытаетесь найти легкий способ заработать. Скажу вам честно, нет ничего легче, чем красть в магазинах. Я специализировался на мясе. Стейки. Ножки ягненка. Окорока. Никакой курицы – она слишком дешево стоит. Я крал только самое дорогое мясо. И продавал за полцены. Это максимум, на что вы можете рассчитывать в барах (те нередко скупают краденые товары, и все об этом знают).

Я начал воровать в 2001 или 2002 году; до этого я в основном просил милостыню. А до этого проходил курс лечения метадонем. Я почти избавился от зависимости, но снова сел на иглу, потому что у меня наступила черная полоса: я жил в каком-то ужасном месте, где все принимали наркотики, что, конечно, способствовало возвращению к дурным привычкам.

До сих пор помню, как меня арестовали в первый раз. Это случилось в супермаркете *Marks & Spencer* в районе Айлингтон. Чтобы не привлекать к себе ненужного внимания, я старался одеваться как можно опрятнее и даже завязывал волосы в хвост; мне казалось, что я похож на почтальона, который заглянул в магазин по пути с работы, чтобы купить себе что-нибудь на ужин или бутылку молока. Когда речь заходит о мелком воровстве, внешность решает все. Тут главное с умом подойти к делу. Если бы я зашел в супермаркет с рюкзаком или большим пакетом, у меня не было бы никаких шансов. Я же приходил с узнаваемой красной сумкой с желтой полосой, на которой было написано: «Королевская почта». Сейчас-то все иначе, но в то время люди доверяли почтальонам. Или тем, кто выдавал себя за них.

Но в конце концов меня все равно поймали. И в красной сумке нашли мяса на сто двадцать фунтов.

Меня отвезли в участок и сразу обязали выплатить штраф восемь фунтов за мелкое воровство. Мне повезло, что я попался в первый раз. Конечно, после этого я не остановился. Я был наркоманом, помните? Я сидел на героине, иногда перебивался крэком. Мне необходимо было воровать. Когда не можешь жить без наркотиков, приходится рисковать. У тебя нет выбора.

Да, паршиво сидеть за решеткой. Начинаешь жалеть себя, но ничего в своей жизни менять не собираешься. Чтобы вернуться на свободу, начинаешь врать, но тебе никто не верит. Кивают, иногда даже плечами сочувственно пожимают, но не верят. Такова цена за то, что ты оказался в самом низу.

Вот почему я так ценил возможность играть на улице. Это был почти законный способ зарабатывать на жизнь. Благодаря гитаре я держался на плаву. И все равно снова угодил за решетку. Это был настоящий удар под дых.

Я просидел в камере примерно полчаса, когда дверь внезапно открылась, и полицейский в белой рубашке приказал мне выйти.

- Давай, давай, – торопил он.
- Куда вы меня ведете? – спросил я.
- Сейчас узнаешь.

Меня привели в комнату с голыми стенами, посреди которой стояли стол и несколько пластиковых стульев. На них уже сидели несколько полицейских. Честно говоря, вид у них был откровенно скучающий. И тем не менее один из них принялся задавать мне вопросы:

- Где вы были вчера вечером, примерно в половине седьмого?
- Играл на гитаре на Ковент-Гарден.
- Где именно?
- На углу Джеймс-стрит, напротив выхода из метро, – честно ответил я.
- Вы заходили в метро в тот вечер? – хмуро спросил полицейский.
- Нет, я никогда туда не захожу, – сказал я. – Я езжу на автобусе.
- Тогда почему по меньшей мере два человека утверждают, что видели вас на территории станции, где вы оскорбили кассира и плюнули в нее?
- Понятия не имею! – ошеломленно воскликнул я.
- Эти люди видели, как вы поднялись на эскалаторе и попытались пройти через турникет без билета.
- Как я и сказал, это не мог быть я, – я продолжал настаивать на своем.
- И когда вас попытались остановить, вы принялись оскорблять служащую метро, – не унимался полицейский.

У меня хватило сил лишь на то, чтобы обескураженно покачать головой. Казалось, будто мне снится дурной сон.

– После этого вас отвели к кассе и попросили купить билет, – продолжал офицер. – Вы сделали это – против вашей воли, естественно, – и после этого плюнули в окошко кассы.

Все, с меня довольно!

– Послушайте, это чушь, – сказал я. – Я сказал, что вчера вечером не заходил в метро. Я никогда там не бываю. Я не пользуюсь метро. Мы с котом ездим на автобусе.

Полицейские посмотрели на меня так, будто большей бессмыслицы они в жизни не слышали. После этого они спросили, не хочу ли я написать заявление. Я написал, что весь вечер играл на гитаре у метро. Я знал, что записи камеры наблюдения могут это подтвердить. Но где-то в глубине сознания уже начинали шевелиться параноидальные мысли. А что, если все это подстроено? Что, если полицейские уже успели подделать записи или вообще их уничтожили? Что, если дело дойдет до суда, и тогда против меня будут свидетельствовать честные труженики лондонского метро, и мое слово ничего не будет стоить?

Как ни странно, в этой ситуации больше всего меня волновало, что будет с Бобом. Кто присмотрит за ним, если я окажусь в тюрьме? Приживется ли он у новых хозяев или вернется на улицу? И что случится с ним там? От этих мыслей становилось только хуже, но я ничего не мог с собой поделать...

Понятия не имею, сколько меня продержали в участке. Наверное, несколько часов – я потерял счет времени, а окон в камере не было, так что я даже не знал, день на дворе или ночь. В конце концов ко мне зашла женщина-полицейский в сопровождении угрюмого коллеги.

– Я должна сделать ДНК-тест, – сказала она.

Ее спутник тем временем стоял в углу, сложив руки на груди и не сводя с меня тяжелого взгляда.

– Хорошо, – ответил я, стараясь не обращать на него внимания. Терять мне все равно нечего. – Что я должен делать? – спросил я у женщины.

– Просто сидите, а я возьму мазок с внутренней стороны вашей щеки.

Она достала маленький набор для анализов, в котором лежала куча ватных палочек и пробирок. Внезапно я почувствовал себя, как в кабинете у стоматолога.

– Откройте рот пошире, – попросила она, сунула туда ватную палочку, провела по внутренней поверхности щеки и опустила палочку в пробирку.

– Готово, – сообщила она, упаковывая инструменты.

Прошло еще немного времени, и меня наконец выпустили из камеры. Я забрал свои вещи, а потом был вынужден подписать документ, в котором говорилось, что меня выпускают под расписку и я обязуюсь вернуться через несколько дней.

– Если мне предъявят официальное обвинение, когда я об этом узнаю? – спросил я дежурного офицера, понимая, что вряд ли он знает ответ.

И был изрядно удивлен, когда услышал, что, скорее всего, мне сообщат, когда я вернусь в участок.

– Правда? – недоверчиво нахмурился я.

– Обещать не буду, но очень вероятно, – кивнул он.

Я решил, что в этом есть свои плюсы и минусы. Плюсы: мне не придется ждать несколько месяцев и мучиться от неопределенности; минусы: если меня все-таки обвинят, то в скором времени я окажусь за решеткой.

И меня как-то совсем не радовала эта перспектива.

Оказавшись на свободе, я погрузился в густую темноту переулков за Уоррен-стрит. То тут то там я наткался на небольшие группы бездомных людей, которые занимались своими ночными делами, прячась от посторонних глаз в узких проходах между домами.

Когда я вышел из участка, было почти одиннадцать вечера; еще час мне потребовался, чтобы добраться до станции метро «Севен Систерс». На улицах было полно пьяных и запоздалых гуляк, которых выпроводили из бара. Переступив порог своей квартиры, я наконец вздохнул с облегчением.

Дилан смотрел телевизор; Боб лежал на привычном месте у батареи. Как только я зашел в дом, он вскочил и побежал ко мне навстречу. Остановившись в паре шагов от меня, кот наклонил голову и смерил своего припозднившегося хозяина вопросительным взглядом.

– Привет, друг, с тобой все в порядке? – устало прошептал я, опускаясь на колени и поглаживая рыжего.

Он мгновенно забрался ко мне на руки и принялся тереться головой о мою щеку.

Дилан направился на кухню и вскоре вернулся с банкой холодного светлого пива.

– То, что нужно. Спасибо! – благодарно кивнул я, делая большой глоток.

Следующие несколько часов мы с Диланом сидели и обсуждали случившееся. Я, конечно, знал, что контролеры с Ковент-Гарден меня недолюбливают, но никогда не думал, что они найдут так далеко, что обвинят меня в преступлении, которое я не совершал.

– Не волнуйся, приятель, все равно твоя ДНК не совпадет с ДНК того парня, который плюнул в кассира, – убеждал меня Дилан.

Мне бы его уверенность!

Взволнованный событиями того дня, я с трудом уснул. Я снова и снова говорил себе, что все будет хорошо, что у них нет никаких доказательств, но мысль о том, что моя жизнь вот-вот изменится – и не в лучшую сторону! – не давала мне покоя. Я чувствовал себя злым, беспомощным – и очень напуганным.

Проснувшись на следующий день, я решил, что на Ковент-Гарден нам делать нечего. Мы с Бобом играли на Нил-стрит и еще в паре мест рядом с Тоттенхэм-Корт-роуд. Но сердце у меня было не на месте. Я слишком переживал о том, что случится, когда я вернусь в участок. В ту ночь я снова ворочался почти до рассвета.

Я должен был появиться в участке к полудню, но решил приехать заранее, чтобы не дать полицейским повода еще в чем-нибудь меня обвинить. Боб остался дома – я не знал, сколько времени пробуду в полиции. Рыжему передалось мое волнение, когда я утром бесцельно бродил по квартире, заставляя себя сжевать тост.

– Не переживай, приятель, – успокаивал его я. – Я быстро вернусь, ты даже не заметишь, что я уходил.

Было бы здорово, если бы я сам верил в то, что говорю...

Я не сразу нашел участок, спрятанный где-то на задворках Тоттенхэм-Корт-роуд. Меня привезли туда в полицейском фургоне, выпустили, когда уже было темно, поэтому нет ничего удивительного в том, что мне пришлось слегка поплутать по переулкам.

Поскольку я пришел за двадцать минут до назначенного времени, вызвали меня не сразу. Я никак не мог собраться с мыслями. Наконец меня позвали в кабинет, где уже сидели два офицера – мужчина и молодая женщина.

Перед ними лежали папки с документами, от одного вида которых мне стало не по себе. Я решил, что полицейские успели покопаться в моем прошлом. И бог знает, каких скелетов они там нарыли...

Первым заговорил мужчина. Он сказал, что меня не будут обвинять в нарушении общественного порядка. Я сразу понял почему.

– ДНК не совпала с той, что осталась на окошке кассы, так? – спросил я, внезапно почувствовав, как ко мне возвращаются силы.

Офицер в ответ посмотрел на меня и сухо улыбнулся. Я знал, что он ничего не может сказать. Но это от него и не требовалось. Я уже понял, что кто-то из служащих метро пытался меня подставить, но ничего не вышло.

Раз хорошие новости я уже услышал, надо было готовиться к плохим. И они не заставили себя ждать. Женщина сказала, что меня обвиняют в незаконной игре на улице, после чего мне швырнули официальное извещение и предложили явиться через неделю в суд.

Я вышел из участка в приподнятом настроении. Незаконная игра на улице – довольно-таки незначительное правонарушение по сравнению с нарушением общественного порядка, конечно. Если повезет, обойдусь небольшим штрафом и суровым выговором. А нарушение общественного порядка – совсем другое дело! В этом случае все было бы намного серьезнее – вполне возможно, я попал бы за решетку. Так что я, можно сказать, легко отделался.

Я просто кипел от негодования из-за несправедливости случившегося. Если верить описанию человека, плюнувшего в кассира, я на него был абсолютно не похож. Я сжал в руках извещение и подумал, что мог бы обвинить полицейских в необоснованном аресте. Но, честно говоря, куда сильнее негодования было облегчение, переполнявшее меня по пути домой. А еще – ощущение, что только что перевернулась очередная страница моей книги жизни. Правда, о том, что ждет меня на следующей, я понятия не имел.

И все же мне нужно было явиться на судебное слушание. Я обратился в местный консультационный центр, чтобы хоть немного сориентироваться в юридических нюансах. Наверное, стоило сделать это раньше, но прежде мне подобная мысль и в голову не приходила – слишком много было других проблем.

Выяснилось, что, поскольку я прохожу курс реабилитации от наркозависимости и живу в муниципальной квартире, то имею право на бесплатную юридическую помощь. Но я решил обойтись без адвоката и попросил просто проконсультировать меня касательно того, что нужно говорить в суде.

Мне сказали, что достаточно будет встать и признать свою вину. Просто и без попыток себя оправдать. Выступить таким образом и надеяться, что судья не испытывает патологической ненависти к уличным музыкантам.

В назначенный день я надел чистую рубашку (поверх футболки с надписью: «Удивительно несчастлив») и побрился, прежде чем отправиться в суд. В зале ожидания толпились самые разные люди: от опасных на вид бритоголовых парней с восточноевропейским акцентом до пары мужчин среднего возраста в серых костюмах, которых обвинили в нарушении правил дорожного движения.

– Джеймс Боуэн. Суд вызывает Джеймса Боуэна, – произнес наконец официальный голос. Я глубоко вдохнул и пошел в зал.

Судьи посмотрели на меня так, будто я был куском мусора, который сквозняк занес с улицы. Но по закону они не могли причинить мне особого вреда, особенно если учесть, что я впервые привлекался за незаконную игру на улице.

Я получил три месяца условно, зато обошлось без штрафа. Но мне ясно дали понять, что если я снова попадусь, то придется раскошелиться на крупную сумму. Или даже хуже.

Бэлль и Боб ждали окончания слушания у здания суда. Едва завидев меня, рыжий соскочил у нее с колен и побежал навстречу. Он не хотел показаться излишне сентиментальным, но явно был рад меня видеть.

– Как все прошло? – спросила Бэлль.

– Три месяца условно, но если снова попадусь, спуску мне не дадут, – вздохнул я.

– И что собираешься делать?

Я посмотрел на нее, потом на Боба. Ответ был написан у меня на лице. С этим пора заканчивать. Я был уличным музыкантом почти десять лет. Времена изменились, и моя жизнь тоже изменилась с тех пор, как появился Боб. Я все яснее понимал, что не могу продолжать играть на улице – в этом больше нет никакого смысла. Были времена, когда заработанных денег не хватало ни на что. Были времена, когда из-за игры на улице я подвергал себя – и, что куда

страшнее, Боба – опасности. А теперь мне недвусмысленно намекнули, что, если меня снова поймут за этим занятием, я попаду в тюрьму. Оно того не стоило.

– Не знаю, что я буду делать, Бэлль, – сказал я. – Но знаю точно, что играть на улице я не вернусь.

Глава 12

Номер 683

Следующие несколько дней я пытался привести свои мысли и чувства в порядок. Признаться честно, это было непросто. С одной стороны, я все еще злился: я потерял возможность зарабатывать на жизнь, и все потому, что несколько человек ополчились на меня по неизвестной мне причине. В то же время я понимал, что нет худа без добра. В глубине души я знал, что не смогу всю жизнь ходить по улицам и играть песни Джонни Кэша и группы «Oasis». Вряд ли я смогу полностью избавиться от зависимости, полагаясь только на гитару. Я чувствовал, что стою на перекрестке, и у меня появилась реальная возможность оставить прошлое позади. Такое случалось со мной не в первый раз, но теперь я был готов воспользоваться шансом, который предоставила мне судьба.

В теории это, конечно, звучало неплохо. Но я также знал и суровую правду: выбор у меня был невелик. На что я буду теперь жить? На работу меня никто не возьмет. И дело не в том, что мне не хватает мозгов: я знал, что это не так. В Австралии я подрабатывал в сфере информационных технологий и достаточно хорошо разбирался в компьютерах. Причем научился всему сам, проводя долгие часы в местной библиотеке и копаясь в ноутбуках, взятых на время у друзей. Но в Англии не было никого, кто мог бы дать мне рекомендацию, опыт работы у меня тоже практически отсутствовал, а когда потенциальный работодатель спросит, чем я занимался последние десять лет, мне придется его серьезно разочаровать: ни Google, ни Microsoft в моем резюме он не найдет. Так что о работе с компьютерами стоит забыть.

Записываться на компьютерные курсы смысла тоже не было: вряд ли они захотят принять бывшего наркомана, проходящего реабилитацию, живущего в муниципальном жилье и не имеющего даже аттестата о среднем образовании. Они меня на порог не пустят! Таким образом, когда речь зашла о поиске нормальной, что бы ни подразумевалось под этим словом, работы, я обнаружил, что мне не с чего начинать.

Я быстро понял: на самом деле вариант у меня только один. Я не могу позволить себе роскошь сидеть и ждать, пока что-нибудь подвернется само. Мне нужны деньги на жизнь, и я должен заботиться о коте. Поэтому дня через два после слушания мы с Бобом отправились на Ковент-Гарден, и впервые за много лет я не взял с собой гитару. Добравшись до площади, я пошел туда, где мог найти девушку по имени Сэм, которая была координатором от журнала «Big Issue»⁴ в этом районе.

Я пытался продавать журнал и раньше, в 1998-м и 1999-м, когда впервые оказался на улице. Прошел инструктаж, получил журналы и стал работать возле вокзала Чаринг-Кросс и на Трафальгарской площади. К сожалению, я продержался меньше года и сдался. До сих пор помню, как нелегко мне пришлось. Когда люди видели меня с журналами «Big Issue», они подходили и презрительно фыркали: «Найди нормальную работу!» И я очень расстраивался. Как они не понимали, что продавать «Big Issue» и есть моя работа. По сути дела, быть продавцом этого журнала значит заниматься собственным бизнесом. У меня были накладные расходы, я каждый день закупал у координатора свежие номера на продажу. Для продавца «Big

⁴ «Big Issue» – журнал, созданный основателем парфюмерной империи «The Body Shop» Гордоном Роддиком и журналистом Джоном Бердом в Лондоне в 1991 году. Этот журнал не лежит на прилавках, его невозможно купить в киосках или взять со стола в кафе. Его можно приобрести единственным путем – у уличного продавца. За двадцать с лишним лет эта организация помогла тысячам и тысячам обездоленных людей зарабатывать себе на жизнь без попрошайничества и абсолютно легально. Для того чтобы стать продавцом, человек должен доказать, что у него нет собственного жилья. Он проходит инструктаж, ему зачитывают своеобразный кодекс поведения. После этого новоиспеченный продавец получает определенное количество журналов на руки. После продажи партии приходит за следующей. Выручка делится пополам: одна часть сдается, другая отправляется продавцу. – *Примеч. пер.*

Issue» больше, чем для кого-либо, справедливо высказывание: чтобы делать деньги, нужно иметь деньги.

Многие думают, что вся эта затея с журналом – чистая благотворительность и экземпляры нам раздадут бесплатно. И ошибаются. Если бы мы получали журнал бесплатно, продажей занималось бы куда больше народу. Философия журнала такова: мы помогаем людям помочь самим себе. Но прежде я был не уверен в том, что мне нужна какая-либо помощь. Я был к ней не готов.

До сих пор помню наполненные тоской дни, когда я стоял на промозглом ветру и убеждал лондонцев расстаться с наличными в обмен на журнал. Это было нелегко, особенно если учесть, что в то время моей жизнью все еще управляла наркозависимость. Обычно за все труды я получал шквал оскорблений или тычок под ребра.

Главная проблема состояла в том, что для нормальных людей я был невидимкой. Они скользили по мне равнодушным взглядом и старались держаться от меня подальше. Вот почему я сменил род деятельности и стал играть на улице: благодаря музыке я, по крайней мере, привлекал внимание прохожих и давал им знать, что я – живое, дышащее существо. И даже тогда большинство из них меня игнорировало.

Если бы не Боб, мне и в голову не пришло бы снова заняться торговлей журналами. Все-таки его влияние на прохожих – и на меня – было поразительным. Если благодаря его присутствию продажа «Big Issue» пойдет так же хорошо, как и игра на гитаре, то, вполне возможно, я сумею сделать большой шаг вперед. Конечно, оставалась одна маленькая проблема: сначала я должен был убедить координатора взять меня на работу.

Я нашел Сэм на боковой улице близ Ковент-Гарден; рядом со стойкой стояло несколько продавцов, пришедших за товаром. Несколько человек я даже узнал. Один из них, парень по имени Стив, был водителем, развозившим журналы по точкам. Я много раз видел его на Ковент-Гарден по понедельникам, в день выхода свежего номера.

Он тоже не раз замечал меня на площади, и мне почему-то казалось, что я ему не слишком нравлюсь. Но я не переживал по этому поводу. В конце концов, я пришел не к Стиву, мне нужно было поговорить с Сэм.

– Привет! А вы двое сегодня не выступаете? – спросила она, дружелюбно поглаживая Боба.

– Нет, я планирую с этим завязать, – ответил я. – Небольшие проблемы с полицией. Если меня снова поймут за этим занятием, попаду в беду. А теперь, когда со мной Боб, я не могу себе это позволить. Не так ли?

– Ну да, – ответила Сэм. Судя по ее лицу, она прекрасно понимала, зачем я пришел.

– Итак, – начал я, покачиваясь вперед-назад на каблуках. – Я тут подумал...

Сэм улыбнулась и избавила меня от дальнейших объяснений.

– Все зависит от того, подходишь ли ты нам, – сказала она.

– Уверен, что подхожу. – Я знал, что, как человек, живущий в муниципальном жилье, имею право продавать журнал.

– Но тебе придется пройти через всю бумажную волокиту и съездить в Воксхолл, чтобы зарегистрироваться, – напомнила Сэм.

– Само собой, – кивнул я.

– Ты знаешь, где находится офис? – спросила она, оглядываясь в поисках визитки.

– Вряд ли.

Я был уверен, что с тех пор, как я пытался работать с «Big Issue», нужные офисы успели куда-то переехать.

– Садись на автобус до Воксхолла. Тебе нужна остановка возле вокзала. Офис через дорогу оттуда, неподалеку от реки, на улице с односторонним движением, – объяснила Сэм. – Как только зарегистрируешься, возвращайся сюда – и можешь начинать работать.

Я взял карточку, и мы с Бобом отправились домой.

– Лучше нам привести себя в порядок, – сказал я коту. – Мы собираемся на собеседование.

Перед тем как ехать в офис журнала, я должен был разобраться с кое-какими бумагами; первым делом я встретился со своим социальным работником. Я в любом случае должен был регулярно с ней видеться. Я объяснил, что произошло в полиции, и рассказал о своем желании сменить работу. Она с радостью дала мне письмо, в котором говорилось, что я живу в муниципальной квартире и продажа журнала, несомненно, поможет мне вернуться к нормальной жизни.

Перед собеседованием я завязал волосы в хвост, нашел приличную рубашку – в общем, сделал все, чтобы выглядеть прилично. Потом собрал необходимые документы и сел на автобус до Воксхолла.

А еще я взял с собой Боба. Поскольку я рассчитывал, что он поможет мне достичь успеха в торговле точно так же, как помог привлечь внимание слушателей, я решил, что кота тоже нужно зарегистрировать. Если это возможно. Ведь он часть команды!

Журнал «Big Issue» расположился в обычном офисном здании на южном берегу Темзы, рядом с Воксхоллским мостом и громадой МИ-6, где находилась Секретная разведывательная служба. В приемной я в первую очередь обратил внимание на знак «С собаками вход запрещен». Судя по всему, раньше сюда пускали собак, но потом перестали, поскольку те неизменно начинали бросаться друг на друга. Но про кошек ничего не говорилось.

Мне выдали несколько анкет, а когда я их заполнил, предложили сесть и подождать. Через некоторое время меня вызвали на собеседование в один из кабинетов. Сидевший там человек оказался нормальным парнем, мы с ним немного поболтали; он сам несколько лет назад жил на улице и встал на ноги благодаря «Big Issue».

После того как я поделился своими проблемами, он сочувственно улыбнулся:

– Джеймс, я понимаю, каково это, поверь.

Через несколько минут он поднял большие пальцы вверх и отправил меня в другой кабинет за бедром продавца. Там я должен был сфотографироваться и получить ламинированную карточку с номером. Я спросил парня, выдававшего беджи, нельзя ли сделать такой же для Боба.

– Прости, парень, – покачал он головой. – Мы больше не выдаем бейджи животным. Раньше делали для собак. А для кошек никто не просил.

– А что если ты сфотографируешь нас вместе? – предложил я.

Парень задумался... и в конце концов согласился.

– Давай попробуем.

– Боб, улыбнись! – сказал я, усаживаясь с котом перед камерой.

Пока фотография обрабатывалась, парень заканчивал регистрировать меня в системе. Когда вы становитесь продавцом «Big Issue», вам присваивают случайный номер. Никакого порядка тут нет; если бы они выдавали номера по порядку, то счет шел бы уже на десятки тысяч: слишком много людей за прошедшие двадцать лет начинали работать с журналом, а потом просто исчезали. Поэтому, если кто-то из продавцов слишком долго не приходит за журналами, его номер возвращается в систему. Других вариантов нет.

Через пятнадцать минут парень вернулся и протянул мне готовый бедж.

– Пожалуйста, мистер Боуэн, – сказал он.

Увидев фотографию, я не смог сдержать улыбку: уж очень хорошо вышел Боб. Мы с ним стали настоящей командой. Продавцы под номером 683.

Обратный путь в Тоттенхэм был неблизким: нам пришлось ехать на двух автобусах, – и, чтобы скоротать полтора часа в дороге, я читал небольшой буклет, который мне выдали в «Big Issue». Нечто подобное я уже читал десять лет назад, но с тех пор успел все позабыть.

Честно говоря, тогда я не слишком серьезно отнесся к этой работе. Я почти ею не занимался. Теперь все будет иначе.

Буклет начинался с рассказа о философии журнала:

«„Big Issue“ был создан для помощи бездомным и людям, попавшим в трудную жизненную ситуацию. Он дает им возможность получить легальный доход за счет торговли журналами на улице. Мы верим в то, что следует давать людям “удочку, а не рыбу”, а также в то, что они способны сами себе помочь и обрести контроль над своей жизнью».

«Именно это мне и нужно, – подумал я. – Удочка. На этот раз я ее приму».

В следующем абзаце говорилось о том, что я должен «пройти ознакомительный курс и пообещать соблюдать кодекс поведения, принятый в “Big Issue”». Я был в курсе, что стоит за словами «ознакомительный курс»: какое-то время я буду трудиться на «пробном участке», где за мной будут наблюдать местные координаторы, которым предстоит оценить мою работу.

Если все пройдет хорошо, меня прикрепят к конкретному месту, говорилось в буклете. Я также получу десять экземпляров журнала бесплатно, чтобы было с чего начинать. Но далее подчеркивалось, что потом все будет зависеть только от меня. «Продав бесплатные журналы, продавцы могут купить свежие экземпляры по цене 1 фунт и продать их за 2 фунта, зарабатывая, таким образом, 1 фунт на каждом экземпляре».

Затем говорилось об одном из основополагающих принципов работы в «Big Issue»: «Мы не компенсируем нашим продавцам стоимость журналов, которые они не смогли продать. Таким образом, они должны сами контролировать свои финансы и уровень продаж. Эти навыки, а также уверенность в собственных силах и самоуважение, которые они приобретают, работая в „Big Issue“, имеют огромное значение для возвращения бездомных в нормальное общество».

Такова была немудреная политика журнала. Но вскоре я должен был узнать, что на деле все далеко не так просто...

На следующее утро я снова встретился с Сэм на Ковент-Гарден. Я был готов приступить к вступительному экзамену.

– В Воксхолле все нормально прошло? – поинтересовалась координатор, когда мы с Бобом подошли к ней.

– Думаю, да. Раз они дали мне вот это, – ухмыльнулся я, гордо демонстрируя ламинированный бедж.

– Здорово, – сказала Сэм, с улыбкой разглядывая наше с Бобом фото. – Тогда, наверное, пора тебе заняться делом.

И она начала отсчитывать десять бесплатных экземпляров.

– Вот, пожалуйста. – Она протянула мне журналы. – Ты же знаешь, что в следующий раз их придется покупать?

– Так точно, знаю, – ответил я.

Следующие несколько минут она изучала какие-то бумаги.

– Выбираю, на какой пробный участок тебя отправить, – извиняющимся тоном объяснила она.

Через пару секунд лицо ее прояснилось.

– Нашла что-нибудь? – спросил я, чувствуя приятное возбуждение по поводу предстоящей работы.

– Думаю, да, – кивнула Сэм.

То, что она сказала потом, меня сильно удивило.

– Итак, твой пробный участок будет прямо здесь, – улыбнулась она, показывая в сторону станции метро Ковент-Гарден, всего в нескольких метрах от Джеймс-стрит.

Я не выдержал и рассмеялся.

– Все в порядке? Какие-то проблемы? – озадаченно посмотрела на меня Сэм. – Если что, я могу подыскать другое место.

– Нет, нет, никаких проблем, – ответил я. – Мне очень нравится это место. У меня с ним связано много приятных воспоминаний. Пожалуй, начну работать прямо сейчас.

Сказано – сделано! Время близилось к полудню; обычно я выходил с гитарой часа на два позже, но даже в такое время на Джеймс-стрит было немало народу, в основном туристов. Стояло ясное солнечное утро; по своему опыту я знал, что такая погода настраивает людей на благодушный лад и они становятся щедрее.

Когда я играл на Джеймс-стрит, мне всегда казалось, будто я бросаю вызов властям. Но продавать «Big Issue» – другое дело. У меня было официальное разрешение стоять на этом месте. Поэтому я расположился как можно ближе к станции метро, разве что не зашел прямо в вестибюль.

Я не смог справиться с искушением и все-таки заглянул внутрь, чтобы проверить, нет ли там контролеров, которые так досаждали мне в прошлом. И сразу заметил одного из них: потного толстого парня в синей рубашке. В тот момент он был слишком занят, чтобы обратить на меня внимание, но я знал, что рано или поздно это случится.

А до тех пор я собирался расстаться с десятью экземплярами «Big Issue». Естественно, с выгодой для себя и Боба. Я понимал, почему меня отправили сюда. Большинство продавцов журнала единодушно признавали, что этот участок – страшный сон любого новичка. Да и человеку с опытом тут пришлось бы нелегко. Вход в метро – не то место, где люди останавливаются и обращают внимание на парня, который пытается им что-то продать. Они спешат, опаздывают на встречу, торопятся домой. Нормальному продавцу повезет, если он сможет остановить хотя бы одного из тысячи бегущих мимо него человек. Неблагодарное занятие. Пока я играл на этой улице, я не раз наблюдал за тем, как распространители «Big Issue» безуспешно пытаются привлечь внимание прохожих. Так что я знал, с чем мне придется столкнуться.

Но я также знал, что являюсь необычным продавцом. У меня было секретное оружие, которое уже успело опутать своими чарами Ковент-Гарден. И я очень надеялся, что Боб и на этот раз пустит в ход свою магию.

Я посадил кота на тротуар; рыжий принялся задумчиво наблюдать за прохожими. Многие не замечали его, увлеченные разговором по телефону или занятые поиском билета на метро в глубине кармана. Но были и другие.

Через несколько минут после того, как мы разместились на своем участке, две молодые туристки из Америки остановилась перед нами и начала тыкать в Боба пальцами.

– Ух ты! – сказала одна из них, вытаскивая камеру.

– Не против, если мы сфотографируем твоего кота? – спросила другая.

– Нет, пожалуйста, – ответил я, довольный тем, что, в отличие от многих, они не забыли спросить разрешения. – А пока вы этим занимаетесь, не хотите приобрести журнал «Big Issue»? Так вы можете нам с котом заработать на обед!

– Да, конечно, – ответила вторая; судя по ее виду, девушке было стыдно, что она сама до этого не додумалась.

– Если у вас нет денег, то не надо, – поспешил заметить я. – Это не обязательно.

Но прежде чем я успел что-то добавить, она протянула мне пять фунтов.

– Эээ... не уверен, что у меня есть сдача. Я только начал, – заволновался я.

Многие думают, что продавцы «Big Issue» специально говорят это, но я действительно не знал, сколько у меня с собой денег. Вытащив из карманов всю мелочь, я насчитал почти целый фунт и протянул монеты девушке.

– Все нормально, – махнула рукой она. – Оставь сдачу себе и купи коту что-нибудь вкусное.

Как только американские туристки ушли, их сменили гости из Германии. Они тоже начали восхищаться Бобом. Журнал немцы, правда, не купили, но это было неважно. Я уже знал, что без проблем продам десять экземпляров. Может быть, мне даже придется идти к Сэм за свежими журналами до конца дня!

За первый час я продал шесть штук. Многие люди давали мне точную сумму, но один пожилой джентльмен в строгом твидовом костюме вручил купюру в пять фунтов. Идея пойти работать в «Big Issue» уже начинала себя оправдывать! Я понимал, что мне не всегда будет так везти, но тем не менее чувствовал, что сделал большой шаг в нужном направлении.

День и так был удачным, но вишенка на торте появилась после того, как я проработал два с половиной часа. К тому времени у меня осталось всего два журнала, а среди служащих метро началось какое-то движение. Группа сотрудников внезапно появилась в вестибюле, откуда мы с Бобом были видны как на ладони. Они возбужденно переговаривались, а двое даже кричали что-то в рацию.

Я сразу вспомнил о том, что случилось со мной недавно. Неужели опять кто-то нахамил контролеру или кассиру и в полицию снова попадет какой-нибудь бедолага, который не имеет к произошедшему ни малейшего отношения?

В чем бы ни была причина волнения, оно вскоре сошло на нет, и служащие начали расходиться. В этот момент потный толстый парень наконец-то заметил нас с Бобом. И сразу направился к нам.

Красный как свекла, возмущенный и уверенный в своей правоте, он надвигался на нас всей своей громадой. Говорят, месть – блюдо, которое следует подавать холодным. Я решил, что буду держать себя в руках.

– Какого хрена ты здесь делаешь? – рявкнул он. – Я думал, тебя посадили! Ты знаешь, что тебе нельзя здесь находиться?

Я не торопился с ответом. Вместо этого я медленно и с достоинством продемонстрировал ему бейдж продавца «Big Issue».

– Я просто делаю свою работу, друг, – сказал я, наслаждаясь смесью гнева и замешательства, перекосившей его лицо. – Думаю, и тебе стоит вернуться к своей.

Глава 13

Идеальное место

В своей жизни я принимал немного верных решений. Каждый раз, когда судьба подкидывала мне шанс все исправить, я распорядился им совершенно бездарно. Но через несколько дней после начала работы в «Big Issue» я в кои-то веки почувствовал уверенность в том, что поступаю правильно.

Это сразу отразилось на нашей с Бобом жизни. Для начала в ней стало больше порядка. Теперь я должен был работать с понедельника по пятницу, а иногда и по субботам тоже. Первые две недели мы с Бобом продавали журналы на Ковент-Гарден шесть дней подряд и отдыхали только по воскресеньям, чтобы набраться сил перед выходом свежего номера. Мы выходили на работу до полудня и торговали примерно до семи часов, когда в метро начиналось столпотворение. Обычно этого времени нам хватало на то, чтобы продать пачку журналов.

Появление Боба в моей жизни научило меня ответственности, а работа в «Big Issue» способствовала дальнейшему развитию этого качества. Если я не буду ответственным и организованным, то не получу денег. А если я не получу денег, нам с Бобом будет нечего есть. Поэтому с самого первого дня я начал относиться к продаже журнала как к собственному бизнесу.

Для кого-то, в чьей жизни последние десять лет не было ничего, хоть отдаленно напоминающего порядок, это был огромный скачок вперед. Я никогда не зарабатывал много денег, порой я с трудом добывал мелочь на еду. Поэтому меня очень удивило то, как я приспособился к новым условиям.

Были, конечно, в торговле журналами и свои подводные камни. Поскольку никто не возвращал деньги за непроданные экземпляры, я быстро понял, что нужно очень грамотно подходить к закупкам, иначе можно остаться на мели. Если в субботу вечером у тебя на руках будет пятьдесят непроданных журналов, твой бизнес не скоро от этого оправится. Ведь придет понедельник, а с ним новый выпуск, на который нужны деньги. А старые журналы к тому времени превратятся в бесполезную макулатуру. Но брать слишком мало тоже опасно. Распродашь товар слишком быстро –пустишь потенциальных покупателей. Так что торговля журналами не слишком отличается от управления супермаркетом. В теории, конечно.

Еще один фактор, который необходимо было учитывать, – качество выпуска. От понедельника к понедельнику оно менялось. Иногда выходили отличные номера, полные интересных статей. Порой выпуск оказывался невероятно скучным, и продать его было практически невозможно, особенно если на обложке не красовались звезда кино или рок-музыкант. Несправедливо, конечно, но повлиять на это я никак не мог.

В общем, мне потребовалось время, чтобы разобраться во всех тонкостях. А пока я разбирался, нам с Бобом пришлось хорошенько затянуть пояса. Деньги, которые я зарабатывал с понедельника по субботу, обычно заканчивались к утру понедельника. Иногда в начале недели я подходил к стойке координатора всего с несколькими фунтами в кармане. Если была смена Сэм, я просил ее дать мне десять штук в долг; она знала, что я заплачу, как только заработаю. Обычно Сэм не отказывала продавцам, которые заслужили ее доверие. Я уже дважды брал у нее экземпляры в долг и возвращал деньги через несколько часов. Я понимал, что Сэм платит за журналы из своего кармана, и в случае чего пострадает только она, а не «Big Issue». А мне очень не хотелось ее подвести.

Продав взятые в долг номера, я возвращался, отдавал деньги и брал новые. Так начиналась моя рабочая неделя.

Если посчитать, то в результате я получал меньше денег, чем когда играл на гитаре. Но, приспособившись к новому порядку вещей, я решил, что оно того стоит. Тот факт, что я рабо-

тал на законных основаниях, имел для меня огромное значение. Если меня остановит полицейский, я покажу ему свой бедж – и он оставит меня в покое. После инцидента с транспортной полицией эта мысль грела душу.

Пара месяцев торговли у станции метро пролетели незаметно. Во многих отношениях продажа журналов напоминала игру на гитаре. Нашими с Бобом клиентами были все те же люди: женщины среднего возраста, благообразные дамы в годах, студентки, геи... Хотя периодически мы привлекали внимание тех, кто не принадлежал ни к одной из вышеперечисленных групп.

В начале осени 2008 года к нам подошел светловолосый крашеный парень с довольно примечательной внешностью, в ковбойских сапогах, джинсах и кожаной куртке, при взгляде на которую даже я понял, что она стоит целое состояние. Я подумал, что передо мной какая-нибудь американская рок-звезда. Кто еще мог так выглядеть?

Идя по улице, парень сразу заметил Боба. Он развернулся на каблуках и улыбнулся.

– Какой потрясающий кот! – сказал он, растягивая слова на американский манер.

Этот человек показался мне очень знакомым, но я, хоть убей, не мог вспомнить почему. Я умирал от желания спросить, кто он такой, но думал, что это будет неприлично. Несколько минут парень сидел рядом с Бобом и гладил кота.

– Вы двое давно вместе? – поинтересовался он.

– Ох, дай подумать, – не сразу сообразил я. – Так, мы встретились прошлой весной... получается, что почти полтора года.

– Круто. Выглядите как настоящие братья по духу, – улыбнулся парень. – Будто вам судьбой предназначено быть вместе.

– Спасибо, – смущенно улыбнулся я. Да кто же это такой?!

Но прежде чем я успел спросить, парень уже встал и посмотрел на часы.

– Ну, мне пора! Еще увидимся, – сказал он и, порывшись в кармане, протянул мне десятку. – Оставь себе, – махнул он рукой, когда я засуетился в поисках сдачи. – Хорошего дня вам, парни!

– Спасибо, – ответил я.

И день действительно выдался отличный.

Теперь, когда я на законных основаниях работал у станции метро, все изменилось. Да, пару раз знакомые контролеры награждали меня злобными взглядами, но теперь я мог позволить себе о них не думать. С остальными служащими у нас сложились нормальные отношения. Они знали, что я занимаюсь делом, и, пока я не причинял неудобств окружающим, они мирились с моим существованием.

Вскоре мы с Бобом привлекли внимание других продавцов «Big Issue», работавших в районе Ковент-Гарден. Я был не настолько наивен, чтобы подумать, будто все хорошо отнесется к нашему появлению. Жизнь на улице накладывает свой отпечаток: люди заботятся прежде всего о своем благополучии, на то, чтобы думать о других, у них, как правило, нет времени. Но вначале большинство отреагировало на новичка с котом на плечах на удивление тепло.

Продавец с собакой редкостью не был, я даже знал парочку достаточно колоритных личностей из их числа. Но, насколько мне известно, никто на Ковент-Гарден – да и во всем Лондоне – прежде не торговал журналами вместе с котом. Некоторые продавцы подходили и гладили Боба, а также спрашивали меня, как мы с ним встретились и откуда он взялся. А я, как обычно, ничего не мог рассказать о прошлом своего рыжего друга. Он был таинственным котом с загадочной судьбой, что только помогало ему завоевывать расположение этих людей.

Моя жизнь мало кого интересовала. При встрече знакомые продавцы первым делом интересовались: «Как дела у Боба?», а как дела у меня никто не спрашивал. Но этого следовало

ожидать. А еще я морально готовился к тому, что дружелюбие моих коллег имеет свои пределы. И рано или поздно оно закончится. Таковы были законы улицы.

Благодаря Бобу я продавал от тридцати до пятидесяти журналов в удачный день. Если учесть, что каждый номер стоил два фунта, получалась неплохая сумма, особенно вместе с чаевыми, которые некоторые покупатели давали мне... точнее, Бобу.

Как-то вечером – дело было ранней осенью – рыжий сидел на моем рюкзаке, впитывая последние солнечные лучи, и мимо станции метро прошла состоятельная пара. Судя по внешнему виду, они направлялись в театр – быть может, в оперу. Мужчина был в смокинге и галстуке-бабочке, а женщина – в черном шелковом платье.

– Выглядите потрясающе, – сказал я, когда они остановились и принялись любоваться Бобом.

Женщина улыбнулась, мужчина не обратил внимания на мои слова.

– У вас великолепный кот, – заметила дама. – Давно вы вместе?

– Довольно-таки, – кивнул я. – Нашли друг друга на улице.

– Держи. – Мужчина вдруг достал бумажник и протянул мне двадцатку.

Прежде чем я успел сунуть руку в карман в поисках сдачи, он остановил меня.

– Все в порядке, оставь себе, – сказал он, улыбаясь своей спутнице.

Взгляд, которым она его наградила, был красноречивее любых слов. Мне подумалось, что это их первое свидание. И его широкий жест явно произвел на нее впечатление. Когда они пошли дальше по улице, я заметил, как дама прижимается к спутнику и берет его под руку. Меня же мало беспокоило, с какой целью этот парень дал нам с Бобом двадцать фунтов – я впервые получил такие деньги за работу и просто радовался.

Через пару недель у станции метро я понял, что предложенное Сэм место далеко не такое ужасное, как я думал. Напротив, оно идеально подходило нам с Бобом. Поэтому, когда координатор сказала, что мой испытательный срок подходит к концу и мне придется перебраться на другой участок, я, мягко говоря, огорчился.

Огорчился, но не удивился. Продавцы «Big Issue» всегда знали, как идут дела у их товарищей. Координатор записывал, сколько журналов кто закупает, и любой пришедший за товаром имел возможность ознакомиться с этой информацией. Кто-то брал пачками по десять и двадцать штук, кто-то брал несколько пачек за один раз. И тот факт, что я закупая много журналов, тоже ни для кого секретом не был. Сначала на это не обращали внимания, но через неделю я заметил, что отношение других продавцов слегка изменилось.

В общем, мой перевод на новое место после испытательного срока был событием ожидаемым. К счастью, нас с Бобом отправили не так далеко: на угол Нил-стрит и Шортс-гарденс. Мы должны были торговать перед обувным магазином «Size».

Меня не покидало ощущение, что к нашему переводу приложил руку кто-то сверху. Видимо, одному из старших почему-то не понравилось, что мы с Бобом так здорово работаем на участке, который считался крайне неудачным. Но спорить я не стал. «Думай перед тем, как ввязываться в спор», – посоветовал я себе.

Оказалось, что это был не такой уж и плохой совет.

Глава 14

Боб болеет

Осень в тот год выдалась холодная и дождливая. Промозглые ветра и бесконечные ливни за считанные дни сорвали с деревьев всю листву. Как-то утром мы с Бобом вышли из дома прямо под тоскливо морозящий дождь; солнца нигде не было видно, и тяжелое серое небо лишало всякой надежды на хорошую погоду.

Падающая из туч вода Бобу всегда была не в радость; поэтому сперва я списал его сонный вид на общее недовольство жизнью. Кот еле переставлял лапы. «Должно быть, думает, что зря пошел со мной сегодня, – сказал я себе. – Или правду говорят, что коты предчувствуют плохую погоду». Подняв взгляд к небу, я увидел гряду стальных облаков, нависших над северным Лондоном подобно огромному инопланетному кораблю. Скорее всего, когда они доберутся до нас, пойдет сильный дождь... На секунду я засомневался, не повернуть ли назад, доверившись чутью рыжего друга. Но потом вспомнил, что впереди выходные, а нам не хватит денег дотянуть до понедельника. «Нищим выбирать не приходится, – подумал я, отмахиваясь от нехорошего предчувствия. – Даже если с них сняли все обвинения».

Мне никогда особо не нравилось работать на улицах Лондона, но сегодня это было труднее, чем обычно. Боб по-прежнему передвигался со скоростью улитки, так что за пару минут мы прошли всего сотню метров.

– Давай, парень, запрыгивай, – не выдержал я и присел, чтобы кот мог забраться ко мне на плечи.

Боб устроился на своем обычном месте, и мы поспешили к автобусной остановке. Дождь усиливался, тяжелые капли колотили по тротуару. Боб нормально перенес пробежку до автобуса, пока я петлял, укрываясь под любыми доступными навесами, но когда мы заняли свои места, я понял, что его состояние связано не только с погодой.

Рыжий любил ездить на автобусе; он был любопытным котом, а мир казался ему невероятно интересным местом. Каждый раз, едва мы приземлялись на сиденье, он принимался следить за тем, что творится на дороге. Но сегодня рыжий даже не посмотрел в сторону окна (хотя ему вряд ли удалось бы что-нибудь разглядеть за запотевшим стеклом, по которому бежали капли дождя). Вместо этого он устроился у меня на коленях. Кот выглядел уставшим и вялым. И глаза у него были сонные, будто он вот-вот уснет. Бодрый, энергичный Боб был сам на себя не похож.

Когда мы вышли из автобуса, ему стало хуже. К счастью, дождь к тому времени немного стих, и я довольно быстро добрался переулками до Ковент-Гарден. Это было непросто, поскольку приходилось обходить большие лужи и уклоняться от огромных зонтов, которые то и дело грозили выколоть мне или Бобу глаз.

Когда мы шли по Нил-стрит, я вдруг понял, что кот ведет себя очень странно. Обычно он спокойно сидел у меня на плечах, но тут вдруг принялся дергаться и раскачиваться.

– С тобой все в порядке, друг? – спросил я, замедляя шаг.

Рыжий стал дергаться сильнее и издавать странные звуки, будто он чем-то подавился и теперь пытается прочистить горло. Я понял, что он сейчас либо спрыгнет, либо свалится на землю, поэтому сам опустил его на тротуар, чтобы проверить, что с ним не так. Но прежде чем я успел присесть рядом с рыжим, кота начало тошнить. Его рвало желчью, и он никак не мог успокоиться. Я видел, что его трясет, что Боб отчаянно пытается извергнуть что-то, что причиняет ему боль. На секунду я решил, что Боба просто укачало, но... его снова вырвало, и снова желчью. Нет, тут явно не морская болезнь. Вскоре он опустошил желудок, избавившись и от завтрака, и от вчерашнего ужина. К тому времени я уже понял, что кот заболел. Наверное,

он почувствовал себя плохо еще утром, перед тем как мы пошли на работу... и в автобусе ему стало совсем нехорошо. Я вспомнил, как он свернулся у меня на коленях и не смотрел в окно. Почему я не придал этому значения?

На такие ситуации все реагируют по-разному. Думаю, у меня сработали те же инстинкты, что выручают родителей и владельцев домашних животных. В голове сразу забродили противоречивые мысли. Может, он просто нашел какую-нибудь гадость, пока бегал в кусты, и заработал несварение? Или проглотил что-то несъедобное дома? Или все куда серьезнее? Вдруг он сейчас свалится замертво! Я слышал, как коты умирали на руках у хозяев, напившись моющих средств или подавившись куском пластика. На мгновение я представил мертвого Боба, и внутри все похолодело. Я постарался взять себя в руки до того, как мое воображение проявит себя в полную силу.

«Джеймс, давай действовать разумно», – подумал я.

Тошнота и то, что коту уже нечего было извергать из себя, означало, что ему грозит обезвоживание. Если я ничего не сделаю в ближайшее время, пострадают внутренние органы. Я решил, что неплохо будет его напоить и накормить. Подхватив Боба на руки, я поспешил в сторону ближайшего супермаркета. У меня с собой было совсем немного денег, но их хватило на желе с курицей, которое так нравилось рыжему, и бутылку хорошей минеральной воды. Я боялся давать ему воду из-под крана: мне казалось, что от этого коту станет только хуже.

Дойдя до Ковент-Гарден, я опустил Боба на тротуар неподалеку от нашего рабочего места, достал из рюкзака миску и выложил туда желе.

– Держи, дружище, – сказал я, поглаживая коты.

Обычно он заглатывал угощение раньше, чем я успевал выдавить его из пакетика, но сегодня... Боб медленно встал и долго смотрел на миску, раздумывая, стоит ли рисковать. Через несколько секунд он решил попробовать, но съел одно желе, а курицу оставил. Я понял, что у кота серьезные проблемы. Мой Боб никогда бы не так не поступил!

Я начал торговать журналами, хотя сердце у меня было не на месте. Я понимал, что деньги нам необходимы, особенно если придется вести Боба к ветеринару и покупать лекарства. Но сосредоточиться на работе я не мог. Вместо того чтобы привлекать внимание прохожих, я все чаще оглядывался на кота. Он лежал на земле, безучастный ко всему происходящему. Неудивительно, что торговля шла из рук вон плохо. Через два часа я решил, что на сегодня хватит. Боба больше не тошнило, но вид у него был неважный. Я должен был отнести его домой, туда, где сухо и тепло.

Думаю, до сих пор мне с Бобом везло. С того момента как я взял его под крыло, у рыжего не было проблем со здоровьем. Да, вначале он страдал от блох, но чего вы хотите от бездомного кота? А после того, как я обработал его специальным шампунем и дал средство от глистов, мы и от этой проблемы избавились.

Время от времени я водил кота в передвижную клинику «Синий крест» на Айлингтон-Грин, где ему ставили микрочип. Ветеринары и медсестры запомнили Боба и каждый раз отмечали, что его здоровью можно позавидовать. Так что теперь я понятия не имел, что делать. Я боялся, что мой кот серьезно заболел. Пока мы ехали домой и Боб лежал у меня на коленях, я едва сдерживал слезы. Боб – лучшее, что случилось в моей жизни. Мысль о том, что я могу потерять его, приводила меня в ужас. Но у меня никак не получалось ее отогнать.

Когда мы пришли домой, Боб сразу направился к батарее; он свернулся возле нее и уснул. Следующие несколько часов он почти не шевелился. В ту ночь я практически не спал: Боб был настолько слаб, что даже не пришел ко мне в кровать, и я постоянно бегал к батарее, чтобы проверить, не стало ли ему хуже. Один раз мне показалось, что он не дышит; чтобы убедиться в обратном, я положил руку ему на грудь. Различив тихое мурчание, я облегченно выдохнул. Мой кошмар не стал реальностью. Пока.

Денег на жизнь осталось так мало, что я не мог позволить себе провести дома еще один день. И я не знал, как поступить. Должен ли я оставить Боба дома? Или лучше будет завернуть его во что-нибудь теплое и взять с собой на работу, чтобы я мог за ним присматривать.

К счастью, на следующий день распогодилось, и солнце наконец-то решило порадовать лондонцев теплом. Когда я вышел из кухни с миской хлопьев в руках, кот поднял голову и посмотрел на меня. Он выглядел чуть бодрее, чем накануне. И к предложенному затем завтраку рыжий отнесся даже с некоторым энтузиазмом.

Я решил, что стоит все-таки взять его с собой. Неделя только начиналась, и отнести кота на осмотр я мог лишь через несколько дней. Но пускать дело на самотек тоже не собирался, поэтому перед работой отправился в местную библиотеку и начал искать в Интернете информацию о симптомах Боба.

Я забыл, что медицинские сайты – не лучшее место для неподготовленного человека. Обычно они предлагают худший вариант развития событий.

Забив в строку поисковика ключевые слова, я вышел на несколько сайтов, которые показались мне достаточно информативными. Правда, перечисленным мною симптомам – вялость, тошнота, рвота, потеря аппетита – соответствовал целый набор самых разных болезней. Некоторые были не слишком серьезными: к примеру, комок шерсти или газы. Но я решил на всякий случай посмотреть и другие варианты. Хватило бы первых трех – болезни Аддисона⁵, острой почечной недостаточности и отравления мышьяком, – но я уже не мог остановиться. Кошачья лейкемия, колит, диабет, отравление свинцом, сальмонелла, тонзиллит... На одном сайте говорилось, что в худшем случае это может оказаться началом рака кишечника.

Через пятнадцать минут сидения на ветеринарных форумах я понял, что нервы у меня скоро не выдержат, и решил сменить тактику. Теперь я искал, чем лечить рвоту. Тут все было не так плохо. Почти все сайты предлагали одно и то же: восполнить недостаток жидкости, дать коту отдохнуть и следить за его состоянием. Это я и собирался делать в течение следующих суток. Я глаз с него не спущу. Если рыжего снова начнет тошнить, схвачу его в охапку и понесу к ветеринару. Если нет, подождем до четверга и сходим к знакомым врачам с Айлингтон-Грин.

На следующий день я решил посидеть дома до полудня, чтобы Боб мог отдохнуть. Он спал без задних ног, свернувшись клубком у батареи, а я приглядывал за ним краем глаза. Вроде он чувствовал себя лучше, чем вчера... Во всяком случае, я решился оставить его на три-четыре часа и поехать на работу. Хотя, честно говоря, выбора у меня не было.

Идя от автобусной остановки до Коvent-Гарден, я снова почувствовал себя невидимкой. А стоило мне расположиться на рабочем месте, как постоянные клиенты и знакомые с площади принялись спрашивать, где Боб. Услышав, что кот заболел, они взволнованно качали головой и интересовались, насколько все плохо, скоро ли он поправится, водил ли я его к ветеринару и не случится ли с ним что-нибудь, пока я на работе.

И в этот момент мне в голову пришла замечательная идея. У меня же есть знакомая ветеринарная сестра по имени Розмари! Ее парень, Стив, работал в расположенном неподалеку магазине комиксов; мы с Бобом время от времени заглядывали туда и в конце концов дружились с продавцом. Однажды Розмари заскочила проведать Стива, увидела нас с котом, и мы быстро нашли общий язык. Я надеялся, что она не откажется помочь рыжему.

Зайдя в магазин комиксов, я с радостью обнаружил, что Стив сегодня работает. Он охотно дал мне номер Розмари.

– Она не будет против, если ты ей позвонишь, – заверил меня он. – Особенно если по поводу Боба. Ей нравится твой кот.

Розмари сразу забросала меня вопросами:

⁵ Болезнь Аддисона – хроническая недостаточность коры надпочечников, редкое эндокринное заболевание, в результате которого надпочечники теряют способность производить достаточное количество гормонов, прежде всего кортизола.

– Что он ест? Он мог съесть что-нибудь на улице?

– Ну, иногда он роется в помойке, – смущенно признался я.

От этой привычки мы никак не могли избавиться! Боб был абсолютно непреклонен. Он яростно набрасывался на мусорные пакеты, которые я опрометчиво оставлял на кухне, и мне приходилось выставлять их на лестничную площадку. Рыжий был уличным котом. Можно забрать кота с улицы, но нельзя забрать улицу из кота...

Судя по голосу Розмари, мое признание натолкнуло ее на какую-то мысль.

– Хммм... – протянула она. – Да, вполне возможно, причина в этом.

Она прописала Бобу пробиотик, несколько антибиотиков и какую-то микстуру, чтобы успокоить желудок.

– Где вы живете? – спросила она напоследок. – Я завезу вам лекарства на велосипеде.

Я был несколько ошарашен.

– Розмари, я не уверен, что смогу за это заплатить, – сказал я.

– Не переживай, это ничего не будет тебе стоить. Я добавлю ваши лекарства к другому заказу в том районе. Вечером нормально?

– Да, конечно... Спасибо!

Меня переполняли чувства. Последние несколько лет подобные акты спонтанного благородства в моей жизни были большой редкостью. Вот к актам спонтанного насилия я привык, а к внезапной доброте – нет. Это было одним из самых серьезных изменений, которые произошли со мной после появления Боба. Благодаря коту я вновь открыл для себя светлую сторону человеческой природы. Я опять начал доверять – и верить! – людям.

Я не сомневался, что Розмари сдержит слово. Она приехала ранним вечером, и я сразу начал давать Бобу лекарство. Пробиотик коту решительно не понравился: он скривился и отпрянул, едва распробовав, что я ему дал.

– Не повезло, приятель, – сказал я. – Если бы ты не совал морду в мусорные баки, тебе не пришлось бы есть эту гадость.

Лекарство подействовало практически сразу. В ту ночь я уже не боялся, что рыжий перестанет дышать, а утром он вел себя гораздо бодрее: мне пришлось удерживать его силой, чтобы скормить новую порцию лекарства.

К четвергу Боб явно был на пути к выздоровлению, но к ветеринарам с Айлингтон-Грин мы с ним все-таки заглянули. Чтобы подстраховаться. Дежурная медсестра сразу узнала кота; когда она услышала, что он заболел, на лице ее появилось выражение искреннего сочувствия.

– Обязательно нужно его осмотреть, – сказала она.

Затем взвесила Боба, заглянула ему в пасть и ощупала со всех сторон.

– Опасность миновала, – улыбнулась она. – Кажется, с ним все в порядке.

Мы поболтали еще пару минут, и я стал собираться.

– Только держись подальше от мусорных баков, Боб! – напутствовала рыжего напоследок медсестра. Кот тяжело вздохнул.

Думаю, он все понял.

Болезнь Боба сильно меня напугала. До сих пор кот казался мне неуязвимым. Я и представить не мог, что он вдруг заболеет. Осознание того, что мой друг смертен, потрясло меня до глубины души. И только укрепило намерение, которое зрело во мне уже какое-то время. Пришла пора окончательно освободиться от наркотиков.

Мой образ жизни меня больше не устраивал. Я устал каждые две недели мотаться в центр лечения от наркозависимости и каждый день ходить в аптеку. Но больше всего я устал от ощущения, что в любой момент могу сорваться.

Поэтому на следующей встрече с доктором, работающим в центре, я сказал, что хочу слезть с метадона и сделать последний шаг к избавлению от наркозависимости. Мы и

раньше об этом разговаривали, но вряд ли он воспринимал мои слова всерьез. Сегодня все было иначе.

– Это будет нелегко, Джеймс, – сказал доктор.

– Да, я знаю.

– Тебе придется перейти на субutex. Постепенно мы будем снижать дозу, и в конце концов ты сможешь вообще ничего не принимать.

– Понятно, – кивнул я.

– Переход может оказаться довольно болезненным, не исключено, что у тебя начнется ломка. – Он подался вперед и посмотрел на меня так, будто хотел понять, выдержу ли я.

– Это уже мои проблемы, – сказал я. – Но я хочу попробовать. Я хочу сделать это – ради себя и ради Боба.

– Хорошо, тогда я займусь твоим делом, и через пару недель начнем переводить тебя на субutex.

Впервые за много лет я увидел лучик света в конце очень длинного и очень темного туннеля.

Глава 15

Список штрафников

В то промозглое утро я почувствовал, что что-то не так, едва подошел к стойке координатора Ковент-Гарден. Другие продавцы слонялись поблизости, перетаптываясь с ноги на ногу и прихлебывая горячий чай из пластиковых стаканчиков. Заметив нас с Бобом, некоторые из них переглянулись и бросили в мою сторону такие взгляды, что я сразу понял: нам здесь не рады.

Вскоре показалась Сэм с тележкой, набитой свежими журналами. Она явно была не в духе. Ткнув в меня пальцем, она сказала:

– Джеймс, мне нужно с тобой поговорить.

Что-то в ее голосе наталкивало на мысль, что беседа будет не из приятных.

– Да, конечно, в чем дело? – спросил я, подходя к ней с Бобом на плечах.

Сэм почти всегда здоровалась с ржим и чесала его за ухом, но не сегодня.

– На тебя поступила жалоба. На самом деле несколько жалоб.

– По поводу?

– Некоторые продавцы утверждают, что ты ходишь с места на место. Тебя вроде как видели в разных частях площади. А ты знаешь, что правила запрещают продавцам бродить туда-сюда.

– Это неправда, – начал я, но Сэм вскинула руку, показывая, что она еще не договорила.

– Я не собираюсь с тобой спорить. С тобой хочет побеседовать руководство.

Я решил, что разговор окончен, и направился к стопкам свежих журналов.

– Подожди, ты не можешь покупать журналы, пока не съездишь в Воксхолл.

– Что? То есть мне сегодня журналов не продадут? – возмутился я. – Но на что нам с Бобом жить в таком случае?

– Прости, но ты отстранен от работы, пока не решится вопрос с жалобами.

Я был расстроен, но не сильно удивлен. Давно все к этому шло.

Одно из главных правил «Big Issue»: продавец держится на отведенном ему месте. Нельзя забираться на чужой участок. И нельзя ходить с журналами по улицам. Я был абсолютно согласен с этим правилом. Мне бы не понравилось, если бы кто-нибудь начал ошиваться рядом с моим участком и уводить моих покупателей. Это был самый честный и легкий способ управлять лондонской армией продавцов «Big Issue».

Но за последние месяцы несколько коллег успели пожаловаться, что я ухожу со своего участка. Они вроде как видели, что я продаю журналы, прогуливаясь с Бобом вокруг площади. Ничем подобным я не занимался, но примерно представлял, почему у них могло возникнуть такое впечатление.

Дело в том, что, куда бы мы с Бобом ни пошли, нас постоянно останавливали попавшие под обаяние рыжего прохожие. Они хотели его погладить, просто поздороваться или сфотографировать кота.

А теперь некоторые из них хотели заодно купить журнал.

Как я объяснял другим продавцам, подобные просьбы ставили меня в неловкое положение. Чтобы соблюсти правила торговли, я должен был ответить: «Простите, но вам нужно пройти на мой участок или купить журнал у ближайшего продавца». Но я знал, каким будет результат: желание покупать «Big Issue» у человека пропадет, и мы все останемся в проигрыше.

Одни отнеслись к нашей ситуации с пониманием. Другие нет. Я сразу понял, кто донес на меня. Для этого не нужно было быть гением.

Примерно за месяц до того, как Сэм отстранила меня от работы, я шел по Лонг-Акр мимо магазина «Body Shop», рядом с которым торговал парень по имени Джефф. Гордон Роддик, основатель империи «The Body Shop», является одним из владельцев журнала, поэтому перед его магазинами всегда стоят продавцы. Мы с Джеффом иногда сталкивались у стойки координатора, поэтому я поздоровался с ним. А через несколько секунд нас с Бобом остановила пара пожилых туристов из США.

Они были невероятно вежливыми – классический образец благополучных супругов со Среднего Запада.

– Простите, сэр, – обратился ко мне муж, – но могу ли я сфотографировать вас и вашего спутника? Наша дочь обожает кошек и будет в полном восторге от фотографии.

Я был счастлив позировать для этого американца: уже целую вечность никто не называл меня «сэром»! Если вообще когда-либо меня так называли...

За прошедшие месяцы я привык к подобным просьбам и даже придумал несколько поз, которые позволяли нам с Бобом предстать перед камерой в лучшем свете. Обычно я сажал его на правое плечо и наклонял голову так, что мое лицо оказывалось рядом с его мордой. В то утро я поступил точно так же. Американцы были очень довольны.

– Спасибо, спасибо! Наша дочь будет счастлива! – твердила жена.

Они никак не могли успокоиться и предложили купить номер журнала. Я сразу указал им на Джеффа:

– Вот официальный продавец «Big Issue» в этом районе, вам нужно обратиться к нему.

Американцы передумали покупать журнал и пошли дальше. Но прежде чем уйти женщина сунула мне в руку пять фунтов.

– Держите, – улыбнулась она. – Купите себе и вашему очаровательному коту что-нибудь вкусненькое.

Это был один из тех типичных случаев, когда восприятие ситуации прямо противоположно реальности. Любой, кто смотрел бы на нас со стороны, подтвердил бы, что я не выпрашивал деньги и отправил туристов к Джеффу. А Джефф увидел, что я не только взял деньги, не продав журнала (что тоже было запрещено), но и попросил американцев не обращать на него внимания, что в среде продавцов «Big Issue» считалось страшным преступлением.

Я сразу понял, как воспримет произошедшее Джефф, и собирался все ему объяснить, но было поздно: мы с Бобом даже не успели к нему подойти, как он набросился на нас с оскорблениями. Я знал, что Джефф отличается взрывным характером и за словом в карман не лезет, поэтому решил с ним не связываться. Урезонивать его смысла не было, поскольку он уже порядком разозлился; мы с Бобом развернулись и пошли дальше.

Вскоре о случившемся узнали все продавцы «Big Issue» в нашем районе. Те, кому мы с Бобом и раньше были как бельмо на глазу, перешли в тихое наступление.

Все началось с ехидных замечаний.

– Снова бродим туда-сюда, – саркастично заметил один продавец, когда я утром шел мимо его участка. Он, по крайней мере, удержался от оскорблений.

Продавец с Сент-Мартинс-лейн был более прямолинеен.

– И чьих клиентов ты со своим шелудивым котом сегодня решил увести? – рявкнул он.

Я в который раз попытался объяснить, что никому палки в колеса вставлять не собираюсь, но с тем же успехом я мог разговаривать со стеной. Продавцы распускали о нас с Бобом всякие сплетни, складывали два и два и получали пять. Поначалу я не слишком беспокоился, но дело набирало обороты.

Вскоре после инцидента с Джеффом мне начали угрожать пьяные коллеги. Вообще-то продавцам «Big Issue» на работе пить запрещено. Этот пункт тоже есть в списке правил. Но правда в том, что большинство продавцов – алкоголики со стажем, и без банки пива в кармане на работу они не выходят. Некоторые таскают с собой фляжки с напитками покрепче и

прикладываются к ним время от времени, чтобы протянуть до вечера. Тут я не в праве кого-либо осуждать, поскольку сам так делал, когда выпадали особенно холодные дни. Но эти парни отличались от обычных пьяниц. Они не соображали, что творят.

Как-то мы с Бобом шли через площадь, и один из них кинулся к нам, размахивая руками и брызгая слюной.

– Ублюдок хренов, мы до тебя доберемся! – вопил он.

Хотел бы я сказать, что это был единичный случай, но нечто подобное повторялось каждую неделю.

Я окончательно понял, что у нас проблемы, когда подошел к стойке координатора и встретил там Стива, парня, который иногда подменял Сэм. Он всегда был очень приветлив с Бобом. Я ему не слишком нравился, но кот – другое дело! Но в тот день Стив был не рад нам обоим.

Я сидел на скамейке и занимался своими делами, когда подошел координатор.

– Если бы это зависело от меня, я бы тебя не подпустил к журналам, – ядовито сказал он. – На мой взгляд, ты и твой кот – обычные попрошайки и не более того.

Его слова меня сильно задели. Я прошел такой длинный путь, я столько сделал, чтобы стать своим среди продавцов «Big Issue» с Ковент-Гарден! Я снова и снова объяснял, что мы с Бобом ни в чем не виноваты, что мы не выпрашиваем деньги у прохожих, но остальным было наплевать. Они выслушивали меня с равнодушным видом и продолжали верить слухам.

Поэтому, как я уже говорил, я не удивился, когда Сэм отправила меня в Воксхолл. И тем не менее мне было неприятно. Я ушел с Ковент-Гарден, не слишком понимая, что теперь делать. Я попал в «Список штрафников» – и должен был быть вычеркнут из него как можно скорее.

* * *

В тот вечер мы с Бобом рано поужинали и отправились спать. На улице с каждым днем становилось все холоднее, и, учитывая наше бедственное финансовое положение, я не хотел тратить слишком много денег на электричество. Боб свернулся у меня в ногах, а я нырнул под одеяло, отчаянно пытаюсь сообразить, как выкрутиться из сложившейся ситуации.

Меня беспокоило, что Сэм толком не объяснила, на сколько меня отстранили от продажи журналов. Может, я вообще больше не смогу работать в «Big Issue»? Или всю затею с отстранением придумали, чтобы припугнуть нерадивого продавца?

Мало мне было переживаний по поводу журнала – в голову полезли мысли о том, что оборвалась моя карьера уличного музыканта. Неужели судьба окажется настолько несправедлива и я опять лишусь возможности зарабатывать на жизнь из-за вранья других людей?

Хотя на этот раз обида грызла меня с куда большим остервенением. Как продавец «Big Issue» я до сих пор вел себя на редкость примерно, в отличие от моих «коллег» с Ковент-Гарден, которые регулярно нарушали правила и получали выговор от Сэм и других координаторов.

Мне рассказывали про одного парня – это был своего рода знаменитость среди торговцев журналами. Крупный наглый малый из Ист-Энда; от одного его вида становилось не по себе, а уж когда он открывал рот и начинал рычать «Купите журнал!»... Женщины старались держаться от него подальше – в этом невинном предложении им слышалась неприкрытая угроза. Мужчины, впрочем, тоже не слишком охотно приобретали у него свежий номер.

Поскольку клиенты обходили громилу стороной, он придумал трюк: сворачивал журнал трубочкой и подкладывал его в сумки прохожим, когда те спешили мимо. Затем он останавливал их, тыкал пальцем в номер, говорил: «С вас два фунта, пожалуйста» – и не отставал, пока не получал деньги. Люди платили ему, чтобы он от них отвязался, а потом выбрасывали журнал в ближайшее мусорное ведро. Этот парень создавал продавцам не лучшую репутацию.

К тому же добытые таким образом деньги шли отнюдь не на благое дело: поговаривали, что громила – заядлый игрок и всю выручку спускает в игровых автоматах.

Иными словами, за время работы в «Big Issue» он успел нарушить практически все основные правила, но, насколько я знал, его ни разу не призвали к ответственности. Мой придуманный «конкурентами» проступок не шел ни в какое сравнение с тем, что творил громила. Более того, это был первый раз, когда у координаторов появился повод для недовольства мною. Может быть, люди из головного офиса это учтут? Не выгонят же меня за одно нарушение! Или выгонят? Я начинал паниковать...

Чем больше я думал об этом, тем более беспомощным себя чувствовал. Но сидеть и ничего не делать я тоже не мог. Поэтому на следующее утро я решил попробовать купить журналы у координатора из другой части Лондона. Да, я рисковал, но попытаться стоило.

Став продавцом «Big Issue», вы довольно быстро обнаруживаете, что координаторов можно найти по всему городу. Я знал, что они есть на Оксфорд-стрит, на Кингз-кросс и на Ливерпуль-стрит, и собирался попытаться удачи на Оксфорд-стрит, тем более что там у меня было несколько знакомых.

Я приехал на место ближе к полудню и старался вести себя как ни в чем не бывало. Показал координатору бидж и купил пачку из двадцати журналов. Парень за стойкой так замотался, что едва обратил на меня внимание. А я поспешил убраться подальше, чтобы перед ним не мелькать. Выбрав место, рядом с которым не было видно других продавцов, я приступил к работе.

Меня не отпускало чувство вины перед Бобом. Кота перемены порядком нервировали, он был растерян – и имел на это полное право. Рыжий любил монотонность, стабильность и предсказуемость. И к воцарившемуся в нашей жизни хаосу относился крайне неодобрительно. Я тоже, откровенно говоря. Но я хотя бы понимал, почему это происходит. А кот, наверное, каждое утро просыпался с мыслями: интересно, что мой хозяин выдумает сегодня? и чем ему не угодил наша обычная жизнь?

В тот день я смог продать достаточное количество журналов. На следующий мне снова повезло. Я каждый раз выбирал новый район, воображая, что команда «Big Issue» бросила все силы на мои поиски. Я понимал, что ничего глупее и придумать невозможно, но меня буквально съедал параноидальный страх снова потерять работу.

Я представлял, как буду стоять перед суровой и непреклонной комиссией, как с меня сорвут бидж и укажут на дверь. «Почему с нами это происходит? – обратился я к Бобу, когда мы возвращались домой на автобусе. – Мы же ничего плохого не сделали! Неужели нельзя дать нам передышку?» Впрочем, я уже смирился с мыслью, что следующие несколько недель придется мотаться по всему Лондону, уповая на то, что другие координаторы ничего не знают о моем отстранении.

Дождь монотонно стучал по потрепанному старому зонтику, под которым мы с котом укрылись рядом с вокзалом Виктория. Я наконец понял, что совершил ошибку. Хотя на самом деле это Боб открыл мне глаза. С неба лило уже часа четыре, и пока ни один прохожий не остановился, чтобы купить журнал. Я их не винил – будь моя воля, я бы тоже спешил куда-нибудь в теплое местечко.

Торговля не задалась с самого утра: за все это время на нас обращали внимание только охранники в зданиях, куда мы заходили, чтобы хоть чуть-чуть обсохнуть.

– Прости, парень, но тебе придется уйти, – слышал я с завидной регулярностью.

Зонт я нашел в мусорном баке; я надеялся, что хотя бы он сделает этот день чуть лучше. Не помогло.

Почти месяц я добывал журналы у разных координаторов по всему Лондону. Я был осторожен и обычно просил других продавцов купить их для меня. Хотя многие знали, что я отстранен, к счастью, оставались и те, до кого эти новости еще не дошли. Я не хотел, чтобы у других

людей из-за меня были проблемы, но успокаивал себя мыслью, что раз они не в курсе, то никто их ни в чем обвинить не сможет. После всего, через что мне пришлось пройти за последние месяцы, я хотел только одного: спокойно зарабатывать деньги для себя и Боба. Пока мне это удавалось.

Впрочем, насчет «спокойно» я погорячился. Найти хороший участок было непросто, и в основном потому, что официального разрешения на торговлю в каком-то конкретном месте я лишился. Мы с Бобом околачивались на Оксфорд-стрит, у Паддингтонского вокзала, у Кингз-кросс, в Истоне и у станций метро. Как-то меня трижды прогонял с выбранного участка один и тот же полицейский; в конце концов я получил полуофициальное предупреждение, что в следующий раз он меня арестует. А я не хотел снова попасть за решетку.

Все это начинало походить на ловушку-22⁶. Я старался держаться подальше от хлебных мест и стоял где-нибудь в стороне. В результате даже с помощью Боба я с трудом распродавал журналы. В «Big Issue» не просто так подбирали места для торговли: там знали, где люди будут покупать, а где нет. Мне теперь приходилось работать на участках второй категории. Да, прохожие по-прежнему обращали внимание на кота, но даже он не всегда мог подвигнуть их приобрести журнал. Естественно, это больно ударило мне по карману; весь опыт работы в «Big Issue», все мои расчеты и бизнес-планы оказались бесполезными.

И в тот дождливый день я понял, что это конец. У меня оставалось еще пятнадцать журналов. Я знал, что ни за что их не продам, если буду сидеть здесь, а в понедельник выйдет новый номер, и мой товар превратится в мусор. Положение не из приятных. День клонился к вечеру, дождь все не прекращался, и я сказал себе, что нужно попробовать распродать журналы на других участках. Усталый, промокший и почти отчаявшийся, я даже не рассчитывал на помощь Боба. Мой кот до сих пор вел себя идеально, несмотря на отвратительную погоду. Он стойко терпел даже брызги, долетавшие от проезжавших мимо машин и спешащих прохожих, хотя я знал, что он терпеть не может сырость. Но когда я попытался остановиться на углу, который показался мне подходящим местом для торговли, Боб пошел дальше. Это было на него не похоже: он крайне редко натягивал поводок, как собака, но именно этим рыжий сейчас и занимался.

– Хорошо, хорошо, я все понял, ты не хочешь здесь стоять, – согласился я, решив, что коту просто не нравится это конкретное место.

Но в следующий раз он поступил точно так же, потом опять, и до меня дошло.

– Ты хочешь домой, да, Боб? – спросил я.

Кот продолжал натягивать поводок, но слегка притормозил, услышав мои слова, и едва заметно наклонил голову, отчего возникло впечатление, будто рыжий совсем по-человечески поднял бровь. Потом он остановился и посмотрел на меня так, что я сразу понял: кота надо взять на руки.

В ту секунду я принял решение. Боб был настоящей скалой, он служил мне верой и правдой, хотя дела шли плохо и еды в миске становилось все меньше. Он продолжал помогать мне и вел себя как настоящий друг. Пришла пора ответить ему тем же, собрать волю в кулак и наконец съездить в Воксхолл.

Я знал, что это единственный верный путь. Работа в «Big Issue» стала для меня настоящим прорывом. Ничего подобного в моей жизни не случалось с тех пор, как в ней появился Боб. Мне нужно было прояснить ситуацию. Я должен держать ответ – ради себя и ради кота. После всего, что он сделал для меня, я не мог поступить иначе.

Поэтому в следующий понедельник я привел себя в порядок и отправился в офис «Big Issue». Боба я взял с собой, посчитав, что так будет проще все объяснить. Я не знал, что нас

⁶ Сложная ситуация, единственное возможное решение которой невозможно провести в жизнь из-за ряда обстоятельств, привносимых ей самой. – *Примеч. пер.*

там ждет. В худшем случае меня лишат беджа и запретят продавать журнал. Это было бы чудовищно несправедливо. Но я понимал: если в компании решат, что я виновен, какое-нибудь наказание обязательно последует. И надеялся убедить их в том, что ничего противоправного мы с Бобом не совершали.

Приехав в офис, я объяснил цель своего визита, после чего меня попросили подождать. Через двадцать минут молодой парень и женщина постарше проводили нас в ничем не примечательный кабинет и попросили закрыть за собой дверь. Я задержал дыхание и приготовился к худшему.

Они устроили мне настоящую головомойку, поскольку я, по их мнению, нарушил несколько базовых правил.

– Поступили жалобы на то, что вы ходите с места на место и попрошайничаете!

Я знал, кто стоял за этими жалобами, но предпочел промолчать, потому что не собирался переходить на личности. Подразумевалось, что продавцы «Big Issue» должны держаться друг за друга, и если я сейчас начну обвинять своих коллег во лжи, ничего хорошего из этого не выйдет. Вместо этого я попытался объяснить, как трудно пройти по Ковент-Гарден с Бобом и не привлечь ни одного потенциального клиента.

Я рассказал им о том, как однажды несколько парней, стоявших у бара, обратили внимание на кота и предложили мне пять фунтов за три журнала. В этом номере было напечатано интервью с актрисой, которая им очень нравилась.

– И такое случается постоянно, – твердил я. – Когда кто-то останавливает меня возле бара, отказать ему – значит нагрубить!

Мужчина и женщина смотрели на меня с пониманием и даже время от времени кивали.

– Мы видим, что Боб привлекает внимание прохожих. Мы поговорили с некоторыми продавцами, и те подтвердили это, – сказал мужчина, и в его голосе я уловил больше чем намек на симпатию.

Тем не менее, когда я закончил защищать нас с Бобом, он наклонился вперед и сказал:

– И все же нам придется вынести тебе устное предупреждение.

– Эмм... понятно. И что это значит? – искренне удивился я.

Мне объяснили, что пока я могу вернуться к работе, но если кто-нибудь снова сообщит, что я брожу с места на место, ситуация в корне изменится, и временным отстранением мне уже не отделаться. Я почувствовал себя несколько глупо. Оказалось, что ничего страшного в устном предупреждении нет. Получается, я зря паниковал и воображал самое худшее. Я понятия не имел, что меня ждет в Воксхолле, поэтому сразу решил, что потеряю работу. И кошмары, в которых меня лишают беджа перед строгой комиссией и указывают на дверь, были лишь плодом моей воспаленной фантазии. Я отнесся к случившемуся слишком серьезно.

Из офиса «Big Issue» я направился напрямиком на Ковент-Гарден, чтобы поговорить с Сэм. Вспоминая о том, чем я занимался в последнее время, я чувствовал себя не в своей тарелке. Когда девушка увидела нас с Бобом, она понимающе улыбнулась.

– Не думала, что вы снова придете, – призналась она. – Ну что, съездил в Воксхолл, разобрался?

Я рассказал о визите в офис и протянул листок бумаги, который мне выдали после встречи.

– О, тебе опять назначили испытательный срок, – прочитала Сэм. – Несколько недель ты можешь работать только после шестнадцати тридцати и по воскресеньям. Если все будет в порядке, потом вернешься к нормальному расписанию. Только следи за тем, чтобы тебя снова не поймали. Если кто-нибудь подойдет к вам с Бобом и предложит купить журнал, скажи, что у тебя закончился товар или что все номера ты уже пообещал постоянным клиентам. И ни во что не ввязывайся.

Отличный совет. Проблема в том, что к нам могли привязаться другие люди. Что они, собственно, и сделали.

Как-то в воскресенье мы с Бобом отправились на Ковент-Гарден, чтобы поработать несколько часов. Учитывая ограничения, наложенные начальством, мы были вынуждены хвататься за любую возможность.

Мы сидели возле стойки координатора на Джеймс-стрит, когда я почувствовал приближение чего-то большого и неприятного. К нам направлялся Стэн.

Стэн в кругах «Big Issue» был фигурой известной. Хотя он работал в журнале уже много лет, никто не мог предсказать, как он себя поведет. Когда Стэн был в хорошем расположении духа, более приятного человека трудно найти. Кажется, что Стэн все готов для тебя сделать. И сделает! К примеру, он не раз выручал меня, одалживая пару-тройку журналов, когда я был на мели. Но если Стэн встал не с той ноги, а потом еще и выпил, то сложно вообразить худшую компанию. В таком состоянии Стэн – несговорчивая, вспыльчивая и агрессивная заноза в заднице!

Я быстро понял, что сегодня мне досталась не самая удачная версия Стэна. Он был парнем высоким, под два метра ростом. Стэн навис надо мной и завопил:

– Ты что здесь делаешь? Тебе же запретили здесь торговать!

Пахло от Стэна, как от ликеро-водочного завода, но деваться было некуда: я должен был отстоять свой участок.

– Нет, Сэм сказала, что я могу работать здесь по воскресеньям и после шестнадцати тридцати, – недрогнувшим голосом ответил я.

К счастью, поблизости оказался Питер, парень, работавший с Сэм; к великому неудовольствию Стэна, он подтвердил, что мне действительно разрешили торговать на Ковент-Гарден. На какое-то время здоровяк отстал от меня, но потом вернулся, чтобы снова окутать нас винными парами. На этот раз он прицепился к Бобу. На рыжего редко смотрели с такой неприязнью.

– Будь моя воля, я б твоего кота прямо сейчас придушил, – прохрипел он.

Его слова вывели меня из себя. Если бы Стэн сделал хоть шаг в направлении Боба, я бы, не задумываясь, бросился на него. Я был готов защищать своего кота, как мать защищает ребенка. Именно так я относился к Бобу. Но я осознавал, что это будет означать конец работы в «Big Issue».

Я должен был действовать, и немедленно. Я подхватил Боба и пошел прочь от стойки координатора. Пока Стэн в таком настроении, лучше держаться от него подальше. А еще я понял, что пора нам попрощаться с Ковент-Гарден...

Последнее решение далось мне нелегко. В конце концов, тут у нас с Бобом были постоянные клиенты, да и нравилась нам эта площадь. К сожалению, работать на Ковент-Гарден больше не представлялось возможным. Такова была горькая правда. Здесь становилось опасно. Нам с Бобом стоило перебраться в ту часть Лондона, где конкуренция между продавцами была не столь острой. И где нас пока не знали. К счастью, у меня на примете был один такой участок.

До того, как устроиться на площади, я играл на гитаре возле станции метро «Энджел» в Айлингтоне. Место неплохое – не такое доходное, как Ковент-Гарден, но и не совсем провальное. Я решил, что на следующий день поговорю с айлингтонским координатором – отличным парнем по имени Ли. Мы с ним пару раз общались, и он вроде бы хорошо относился ко мне и к рыжему.

– Есть надежда получить тут хороший участок? – спросил я.

– Ну, на Камден-Пэсседж уже достаточно продавцов, как и возле сада Айлингтон-Грин, но ты можешь встать у станции метро, – сказал Ли. – Все равно это место никому не нравится.

Я испытал чувство дежавю. Повторялась ситуация с Ковент-Гарден. Мне опять предложили участок у метро – участок, от которого отказывались остальные продавцы, поскольку

торговать там было невозможно. У входа в подземку люди обычно движутся слишком быстро, им некогда смотреть по сторонам и останавливаться, чтобы купить журнал. Они вечно торопятся и спешат оказаться в другом месте.

Впрочем, опыт работы на Ковент-Гарден показал, что Боб оказывает на прохожих магическое воздействие. Люди цепляются взглядом за рыжего кота – и вдруг перестают нестись сломя голову. Казалось, он приносит капельку покоя, капельку тепла и дружелюбия в их безумную, безликую жизнь. Уверен, многие покупали журнал, чтобы отблагодарить Боба за это чувство. Так что перспектива стоять у станции «Энджел» меня ничуть не пугала, и я с радостью принял предложение Ли.

Мы с Бобом приступили к работе на той же неделе. Думаю, продавцы с Ковент-Гарден не слишком расстроились, когда узнали, что мы ушли. А Боб полностью оправдал мои ожидания: торговля шла не хуже, чем на предыдущем месте. Более того, мы даже встретили нескольких знакомых!

Однажды вечером к нам подошла хорошо одетая женщина в деловом костюме. Внимательно посмотрев на нас, она спросила:

– А вы разве не на Ковент-Гарден работаете?

– Больше нет, мадам, – улыбнулся я. – Больше нет.

Глава 16

Ангелы со станции «Энджел»

Боб целиком и полностью одобрил переезд к новой станции метро: я видел это по тому, как он вел себя каждое утро по дороге на работу. Когда мы выходили из автобуса на Айлингтон-Грин, кот не просил взять его на руки; вместо этого он охотно шел на поводке по Камден-Пэсседж – мимо антикварных магазинов, кафе, баров и ресторанов – до конца Айлингтон-Хай-стрит, прямо к мощеной площадке перед входом в метро.

Стойка координатора располагалась к северу от сада Айлингтон-Грин, и если нужны были свежие журналы, на работу мы шли другим путем – через зеленую зону. Боб никогда не упускал возможность сойти с дорожки, а я покорно стоял и смотрел, как он ходит по лужайке, вынюхивая грызунов, птиц и других несчастных, ничего не подозревающих существ, на которых можно отработать охотничьи навыки. До сих пор, правда, рыжему не слишком везло, но он не сдавался и продолжал совать нос во все щели и укромные уголки сада.

Когда мы приходили на его любимое место перед цветочным ларьком и газетным стендом возле одной из скамеек у станции метро, кот стоял и наблюдал за тем, как я готовлюсь: ставлю сумку на тротуар и выкладываю перед ней номер «Big Issue». После этого Боб устраивался рядом, приводил себя в порядок и всем своим видом давал понять, что мы можем приступить к работе.

Я тоже полюбил новый участок. После всех проблем, которые за последние годы принесла мне площадь Ковент-Гарден, Айлингтон был как глоток свежего воздуха. Мне казалось, будто в моей жизни началась новая эпоха и на этот раз все будет совсем иначе.

Этот район разительно отличался от Ковент-Гарден и улиц Вест-Энда. В центре Лондона вечно толпятся туристы, а по вечерам к ним присоединяются театралы и завсегдатаи баров. Здесь народу было поменьше, но станция метро каждый день обеспечивала мне стабильный приток клиентов.

Люди здесь тоже отличались от прохожих с Ковент-Гарден. Да, среди них было немало туристов, привлеченных ресторанами, театром Саддлерс-Уэлс и Айлингтонским выставочным центром, но в целом мои потенциальные клиенты теперь принадлежали к другому классу: каждый вечер к метро спешили толпы людей в деловых костюмах. К несчастью, большинство из них едва ли замечало сидящего у станции рыжего кота. И все же оставались те, кто поддавался под власть его обаяния. Эти люди были на редкость щедры! Я сразу заметил, что выручка и чаевые на новом участке заметно выросли по сравнению с Ковент-Гарден.

Местные жители тоже меня приятно удивили. Уже на второй или на третий день после того, как мы приступили к работе, они начали приносить еду для кота. Все началось с хорошо одетой дамы, которая остановилась, чтобы поболтать со мной. Она спросила, намерены ли мы торговать тут каждый день. Я насторожился: вдруг она собирается на нас пожаловаться? Вскоре я понял, что был неправ. На следующий день она принесла пакетик кошачьего желе и молоко для Боба.

- Держи, хороший мой, – радостно сказала она, ставя угощение перед котом.
- Я дам ему это на ужин, если вы не против, – поблагодарил я женщину.
- Разумеется! – воскликнула она. – Главное, чтобы ему понравилось.

После этого Боб стал все чаще и чаще получать угощение от местных жителей. Координатор выделил нам участок неподалеку от большого супермаркета «Sainsbury's»; прохожие, направлявшиеся за продуктами, подпадая под обаяние рыжего, покупали что-нибудь вкусненькое для него и отдавали подарок на обратном пути. Как-то раз Боба угостили шесть раз за день. Вечером банки с кошачьим молоком, пакетики с рагу и желе, консервированный тунец и дру-

гая рыба просто не влезли в мой рюкзак – пришлось складывать их в пакет из супермаркета. Когда мы вернулись домой, подношения заняли целую полку в одном из кухонных шкафов! Поклонники за один день обеспечили Боба едой почти на неделю вперед.

Работники станции метро «Энджел» тоже относились ко мне совсем иначе, чем контролеры с Ковент-Гарден. Для последних я был настоящим Антихристом, они меня буквально ненавидели. Тех, с кем я смог подружиться за годы игры на гитаре и время работы в «Big Issue», можно пересчитать по пальцам одной руки. Да и этого много: их было всего двое.

Здесьние сотрудники метрополитена, в отличие от своих коллег, очень тепло приняли Боба. Помнится, как-то выдался невероятно жаркий день, солнце палило нещадно, на улице было градусов тридцать, не меньше. Все ходили с короткими рукавами, хотя, если верить календарю, уже наступила осень. Я в черных джинсах и черной футболке потел невероятно.

Боба я специально усадил в тени здания позади нас, чтобы его не хватил солнечный удар. Я знал, что кошки плохо переносят жару. Примерно через час после начала работы я понял, что скоро мне понадобится напоить рыжего. Но прежде чем я успел что-то предпринять, из вестибюля станции метро вышла женщина с блестящей металлической миской, полной чистой воды. Я сразу узнал, кто это. Ее звали Давика, она работала кассиром и нередко останавливалась, чтобы поболтать с Бобом.

– Держи, приятель, – сказала она, поставив миску перед котом и ласково почесывая его за ухом. – Мы же не хотим, чтобы у тебя началось обезвоживание, верно?

Боб времени даром не терял и принялся жадно пить. А я в который раз поражался тому, с какой легкостью мой рыжий друг покоряет людей. Он их не просто очаровывает, нет, многие к нему по-настоящему привязываются. Бобу потребовалось всего несколько недель, чтобы завоевать Айлингтон. Уму непостижимо!

Но не буду врать: на новом месте тоже не все было идеально. В конце концов, мы ведь оставались в Лондоне, так что на это не стоило и надеяться. Самой большой проблемой было количество народу, работавшего рядом со станцией.

Если на Ковент-Гарден жизнь кипела на прилегающих к площади улицах, то здесь вся активность сосредоточилась вокруг метро: люди постоянно натывались на распространителей бесплатных журналов и на чаггеров⁷ – сборщиков пожертвований на благотворительность. Я вдруг осознал, что за последние десять лет ситуация на улицах сильно изменилась: теперь здесь велась крайне жесткая конкурентная борьба. Чаггеры – горящие энтузиазмом молодые люди – выискивали в толпе жертву (обычно ею оказывался хорошо одетый офисный работник, живущий в пригороде, или турист) и принимались вещать о необходимости давать деньги на благотворительность. Проникшийся их речью человек должен был перевести средства на счет организации, которая помогала либо голодающим детям из стран третьего мира, либо больным раком, либо страдающим от синдрома Альцгеймера или муковисцидоза. Я ничего не имел против благотворительности в целом и чаггеров в частности, но то, как они доставали прохожих, меня порядком раздражало. Понятно, что я и сам был вынужден убеждать людей купить «Big Issue», но я все-таки старался не выходить за рамки. Они же имели обыкновение цепляться к прохожим и вовлекать их в разговор, поддерживать который у тех не было никакого желания.

В результате я нередко наблюдал следующую картину: люди выходили из метро, наталкивались на толпу сборщиков в ярких футболках и спешили убраться куда подальше, не глядя по сторонам. А ведь среди них было немало потенциальных покупателей «Big Issue»!

Обычно, если мне казалось, что кто-то из чаггеров действительно позволяет себе лишнее, я вмешивался, не задумываясь. Многие относились к этому с пониманием: они уважали меня и знали, что всем нужно пространство для работы. Но были и те, кто воспринимал мои замечания в штыки.

⁷ От английского «charity» – благотворительность и «mugger» – грабитель, разбойник. – *Примеч. пер.*

Как-то раз я попытался призвать к порядку студента с кудрявой шевелюрой, как у Марка Болана⁸. Он действительно раздражал окружающих, буквально насакивая на прохожих и преследуя их, пока те тщетно пытались от него отвязаться. Я решил, что это нужно прекратить.

– Парень, ты, наверное, не заметил, но ты сильно усложняешь жизнь тем, кто тоже здесь работает, – сказал я, стараясь быть максимально тактичным. – Не мог бы ты отойти на несколько метров в сторону?

Ему мои слова очень не понравились.

– Я имею полное право стоять здесь, – огрызнулся он. – И не тебе указывать, что мне делать и куда идти.

Если хочешь вывести кого-то из себя, лучшей фразы не найти. Я не сдержался и высказал студенту все – что пока он тут достаёт прохожих ради карманных денег, я пытаюсь оплатить счета за газ и электричество и обеспечить нам с Бобом крышу над головой. После этих слов парень притих и больше не выступал.

Еще мне отравляли жизнь распространители бесплатных журналов. Некоторые издания – к примеру, «StyleList» и «ShortList» – были действительно неплохими, и в этом-то и заключалась главная проблема: зачем людям платить за «Big Issue», если они могут получить журнал просто так?

Каждый раз, когда кто-нибудь из распространителей пристраивался поблизости, я старался как можно скорее исправить ситуацию. Я говорил прямо: «Нам всем нужно работать, поэтому, пожалуйста, отойдите метров на десять в сторону». К сожалению, они не всегда ко мне прислушивались. Возможно, причина была в том, что большинство распространителей не говорили по-английски, и язык жестов мне не слишком помогал. Впрочем, встречались и те, кто отказывался уходить просто из вредности.

Но хуже всех были сборщики пожертвований с пластиковыми ведрами. Они тоже собирали деньги на благие цели: на спасение окружающей среды, защиту животных и так далее, то есть на первый взгляд все выглядело вполне достойно. Но я не раз слышал о том, что большая часть вырученных средств оседает непосредственно в карманах сборщиков. У многих из них не было лицензии или какого-либо документа, разрешавшего заниматься подобной деятельностью. Да, они носили пластиковые беджи, но такие карточки легко изготовить самому. По сравнению с чаггерами эти люди были любителями, причем зачастую нечистыми на руку. И все же их пускали работать на станцию метро, о чем продавцы «Big Issue» и мечтать не могли! Мне оставалось лишь с завистью смотреть, как сборщики пристраивались возле турникетов и начинали обрабатывать людей, едва сошедших с эскалатора. Естественно, выходя со станции, те обычно не имели ни малейшего желания покупать у меня журналы.

В некотором смысле мы поменялись ролями. На Ковент-Гарден я был бродягой, не соблюдающим границы и периодически нарушающим законы. А теперь я стал тем, кто от этого страдает. Я был единственным продавцом с лицензией в районе станции метро. С самого начала я постарался определить область своей деятельности так, чтобы не мешать другим торговцам, в частности газетчику и владельцу цветочной лавки. Чаггерам, распространителям бесплатных журналов и сборщикам с ведерками было наплевать на правила и границы. Думаю, многие сочли бы эту ситуацию забавной, но я, признаюсь, с трудом находил в ней что-то смешное.

⁸ Английский певец, автор песен и гитарист, лидер группы «Т. Рех» – *Примеч. пер.*

Глава 17

Сорок восемь часов

Молодой доктор в Центре лечения от наркозависимости подписал рецепт и протянул его мне с суровым выражением лица.

– Помни, после приема препарата ты должен обратиться ко мне не раньше чем через сорок восемь часов, когда ломка станет совсем невыносимой, – сказал он, глядя мне в глаза. – Будет непросто, но тебе придется куда хуже, если не сделаешь так, как я сказал. Все понятно?

– Да, – кивнул я, вставая и направляясь к выходу из кабинета. – Надеюсь, я продержусь. Увидимся через два дня.

С тех пор, как я решил слезть с метадона, шел уже не один месяц. Я по-прежнему ездил в клинику каждые две недели и продолжал настаивать на том, что готов сделать следующий шаг к освобождению от наркозависимости, но психологи и врачи явно не разделяли моей уверенности. Каждый раз они находили причины, чтобы отложить смену препаратов. Я не понимал, что ими движет. К счастью, в конце концов они поняли, что я не собираюсь отступить и на этот раз действительно хочу распрощаться с наркотиками.

В тот день доктор выписал рецепт на последнюю дозу метадона. Этот препарат помог мне слезть с героина, но в последнее время я принимал его так мало, что пришла пора вовсе от него отказаться.

Когда через два дня я вернусь в Центр, врач выпишет мне субутекс, куда более слабый препарат, который окончательно избавит меня от наркозависимости. Психолог сравнил этот процесс с посадкой самолета; я подумал, что он выбрал удачный образ. В течение следующих месяцев он будет постепенно уменьшать дозу, пока не сведет ее к нулю. И я плавно опущусь на землю, надеясь, что при посадке будет не очень трясти.

Пока я ждал рецепт, я не задумывался о том, что он значит для меня. Голова была забита мыслями о следующих сорока восьми часах. Доктор ясно дал понять, что меня ждет. Слезать с метадона не так-то просто. Меня будет ломать морально и физически, и мне придется терпеть, терпеть до тех пор, пока не станет совсем плохо. Только тогда я смогу пойти в клинику за первой дозой субутекса. В противном случае я на собственной шкуре испытаю ускоренную ломку. А она куда хуже обычной. Меня бросало в дрожь при одной мысли о том, что может случиться.

Хотя я и был уверен, что справлюсь, где-то в глубине шевелился противный червячок страха: вдруг я все-таки сорвусь и начну судорожно искать средство для избавления от боли? Я продолжал убеждать себя, что должен пройти через это, должен преодолеть последний рубеж. В противном случае мне придется жить со своей болью день за днем. И ничего не изменится.

У меня словно глаза открылись. Ведь я жил так почти десять лет! Я фактически потерял все эти годы. Я потратил столько времени, упустил столько дней! Когда ты зависишь от наркотиков, минуты сливаются в часы, часы – в сутки, которые утекают как вода сквозь пальцы. Время становится несущественным, ты вспоминаешь о нем, только когда организм начинает требовать новую дозу.

И тогда становится совсем плохо. Ты можешь думать лишь о том, где достать деньги на наркотики. Я сильно изменился с тех пор, как плотно сидел на героине. Центр лечения от наркозависимости помог мне вернуться к нормальному существованию. Но теперь меня тошнило при одной мысли о том, что все это будет продолжаться. Что мне нужно будет ездить сюда каждые две недели. Что я буду день за днем ходить в аптеку за новой дозой. Хватит с меня. Пора что-то менять.

В каком-то смысле я сам себе усложнял жизнь, сражаясь с наркозависимостью в одиночку. Мне несколько раз предлагали присоединиться к Анонимным наркоманам, но я скептически относился к их программе, состоявшей из двенадцати шагов. От подобных организаций веяло какой-то псевдорелигиозностью, будто мне предлагали довериться высшим силам. Нет, этот вариант был не для меня. Впрочем, теперь мне не казалось, что я остался один на один с наркотиками. Ведь у меня был Боб.

В клинику я его с собой никогда не брал, потому что не гордился этой частью своей жизни, пусть я и многого достиг с тех пор, как появился здесь в первый раз. Не взял я кота и в тот день, когда ездил за последним рецептом на метадон. Рыжий очень радовался моему возвращению, наверное, еще и потому, что по пути из клиники я зашел в супермаркет и закупил еды на два дня вперед. Те, кто когда-либо пытался освободиться от зависимости, знают, на что это похоже. Не важно, идет ли речь о наркотиках, сигаретах или алкоголе, первые сорок восемь часов продержаться труднее всего. Ты уже настолько привык к регулярной дозе, что не можешь думать ни о чем другом. При этом единственный способ продержаться – как раз переключиться на что-то другое. И я очень надеялся, что у меня получится. И что Боб мне поможет.

В обед мы устроились перед телевизором, перекусили – и стали ждать.

Действие метадона обычно заканчивается примерно через двадцать часов, поэтому первая половина дня прошла достаточно легко. Мы с Бобом поиграли и даже сходили прогуляться (ну, я гулял, а кот занимался своими делами в кустах). Потом я достал потрепанную приставку и запустил оригинальную версию игры «Halo 2», которая отвлекла меня еще на пару часов. Пока никаких проблем не возникало. Но я знал, что дальше будет хуже.

Наверное, самая знаменитая сцена ломки была показана в фильме «На игле». Когда герой Эвана МакГрегора решает избавиться от зависимости, его запирают в комнате с запасом еды и воды. Он испытывает невероятные физические и психологические мучения, корчится в судорогах и припадках, страдает от галлюцинаций, его тошнит и так далее. Все, наверное, помнят, как ему кажется, будто он ныряет в унитаз и плавает в нем.

То, что я испытал в течение следующих сорока восьми часов, было еще хуже.

Симптомы ломки начали проявляться примерно через сутки после того, как я в последний раз принял метадон. Через восемь часов я сильно потел, меня периодически потряхивало. К тому времени уже настала ночь, и я должен был спать. И я вроде как даже спал, но при этом мне казалось, что я бодрствую. Мое сознание наводнили сны, больше похожие на галлюцинации.

Сейчас уже трудно вспомнить, но кажется, мне снилось, будто я пытаюсь уколоться героином. Эти галлюцинации развивались по однотипным сценариям: я либо проливал наркотик, либо не мог попасть иглой в вену, либо полиция арестовывала меня раньше, чем я успевал что-то сделать. Очевидно, мое тело таким образом реагировало на то, что я уже давно не принимаю наркотик, без которого раньше не мог протянуть больше двенадцати часов. Но при этом подсознание пыталось убедить меня в том, что, возможно, вернуться к героину – не такая уж и плохая идея. Сознание старательно подавляло подобные мысли, а я словно стоял в стороне и ждал, кто одержит верх.

Странно. Слезать с героина было не так тяжело. Переход на метадон дался мне без особого труда. Теперь все было иначе. Время утратило значение, но к следующему утру меня начали мучить страшные головные боли. Яркий свет, резкий звук – и мне казалось, будто в череп вбивают ржавый гвоздь. Я пытался сидеть в темноте, но тогда снова наступали галлюцинации, которые были хуже, чем боль, и я отказывался от этой идеи. Получался замкнутый круг.

Больше всего на свете мне нужно было на что-то переключиться. И тут рыжий кот стал моим спасением.

Порой у меня возникало чувство, что мы с ним понимаем друг друга на телепатическом уровне. Рыжий точно время от времени читал мои мысли, и сейчас его умение пришлось как нельзя кстати. Он знал, что нужен мне, поэтому постоянно держался рядом, подбираясь поближе, когда я звал его, и отходя в сторону, когда становилось совсем плохо.

Кот будто знал, что я чувствую. Когда я задремывал, он тыкался мне в лицо холодным носом, словно спрашивая: «Друг, с тобой все в порядке? Я тут, если что». Порой он просто сидел рядом, мурчал, обвив хвостом мои ноги. Он словно якорь связывал меня с реальностью, пока я носился по бурному морю галлюцинаций.

Кот оказался находкой во всех отношениях. Начнем с того, что благодаря ему мне было чем себя занять. Я помнил, что его нужно кормить, поэтому регулярно заставлял себя встать, сходить на кухню, открыть пакет с кошачьей едой и переложить ее в миску. Эти рутинные, однотипные действия очень хорошо отвлекали. Сил на то, чтобы вывести кота на прогулку, у меня не было, но когда я выпускал его на улицу, Боб управлялся куда быстрее, чем обычно. Видимо, не хотел бросать меня одного.

Признаюсь, временами я чувствовал себя не так уж и плохо. Наутро второго дня мне неожиданно полегчало, я даже смог поиграть с Бобом и немного почитать. Это было непросто, но я хотел чем-то занять свой мозг. Под руку попала отличная книга о морском пехотинце, который спасал собак в Афганистане. Было приятно для разнообразия узнать о том, как живут другие люди.

Впрочем, уже к полудню симптомы ломки навалились на меня с новой силой. Хуже всего были физические проявления недостатка метадона. Меня предупреждали, что многие в этот момент страдают синдромом беспокойных ног. На самом деле жутко неприятное состояние, когда нервные импульсы будто выходят из-под контроля и ты даже не можешь спокойно сидеть. Именно это со мной и приключилось. Ноги, помимо моей воли, принялись дергаться и пинать воздух. Боба это, видимо, слегка испугало, поскольку он настороженно покосился на меня, но не ушел, а остался сидеть рядом.

Ночью стало совсем тяжело. Я не мог смотреть телевизор – от света и шума накатывала головная боль. Когда я сидел в темноте, в голове крутились сумасшедшие, пугающие мысли. Ноги продолжали жить своей жизнью, меня бросало то в жар, то в холод. Временами мне казалось, будто я сижу в раскаленной печи, и я принимался стаскивать с себя одежду, чтобы в следующее мгновение начинать судорожно закутываться в одеяло, стуча зубами и дрожа от озноба. А через минуту меня прошибал пот, и все повторялось.

Периодически сознание прояснялось. Помню, в какой-то момент я думал о том, что понимаю, почему многие люди не могут отказаться от наркотиков. Ты зависишь от них не только физически, но и психологически. И силы в битве, которая происходит в мозгу наркомана, очень уж неравны: часто зависимость без труда одерживает победу над волей.

Потом у меня перед глазами пронеслись последние десять лет жизни и то, во что ее превратил героин. Я видел переулки и подворотни, где мне приходилось спать, ночлежки, где я каждую секунду боялся за свою жизнь, – картины были настолько яркими, что я даже ощущал запах этих мест. Я вспоминал ужасные вещи, которые совершал – или подумывал совершить – только ради того, чтобы добыть дозу и продержаться еще двенадцать часов. Я с невероятной четкостью осознал, как сильно наркозависимость коверкала мою жизнь.

Помимо этого меня одолевали и не совсем нормальные мысли. К примеру, мне пришлось в голову, что если я потеряю память, то терпеть ломку будет гораздо легче, ведь я не буду знать, что со мной что-то не так. Многие проблемы были вызваны как раз тем, что мое тело точно знало, в чем причина страданий и что нужно сделать, чтобы их прекратить. Не буду врать, были моменты слабости, когда я представлял себе дозу, но мне удавалось отмахиваться от подобных мыслей. Я помнил, что это мой шанс обрести свободу. Может быть, последний шанс.

Я должен держаться, должен терпеть судороги, тошноту, понос, головную боль, жар, холод. Должен терпеть.

Казалось, вторая ночь не закончится никогда. Я постоянно смотрел на часы, и периодически у меня возникало впечатление, будто стрелки бегут назад. А за окном становилось все темнее и темнее, хотя должно было уже рассветать. Я чувствовал себя ужасно.

Но у меня было секретное оружие с усами и хвостом. Впрочем, не всегда Боб делал то, что я от него ждал. Один раз я лежал так неподвижно, как только мог, пытаюсь отрешиться от всего мира. И вдруг рыжий изо всех сил вцепился когтями мне в ногу!

– Боб, ты что творишь? – рявкнул я, от чего кот отпрыгнул в сторону.

Меня тут же окатило чувством вины. Наверное, рыжему показалось, что я лежу слишком тихо и неподвижно, и он решил проверить, жив ли я. Кот волновался, вот и все.

Наконец ночь отступила, и в окно начал просачиваться водянистый серый свет. Утро. Я стащил себя с кровати и посмотрел на часы. Было почти восемь. Клиника открывалась в девять. Я больше не мог ждать. Плеснув холодной воды на лицо, я посмотрел в зеркало. Серая кожа, спутанные, мокрые от пота волосы, изможденный вид... Хотя это меня сейчас беспокоило меньше всего. Одевшись на скорую руку, я поспешил на автобусную остановку.

Добраться до Камдена из Тоттенхэма в это время дня всегда было непросто, но тогда дорога показалась мне бесконечной. Каждый светофор горел недобрым красным светом, на каждом перекрестке мы вставали в пробку. Это было настоящее путешествие из ада.

Когда я садился в автобус, я все еще то дрожал от холода, то обливался потом, а мои ноги так и норовили взбрыкнуть в самый неподходящий момент, но в целом я чувствовал себя куда лучше, чем ночью. Тем не менее окружающие смотрели на меня как на психа. Наверное, выглядел я совсем плохо. Но мне до них не было никакого дела. Все, чего я хотел, – это добраться до клиники...

Я приехал к девяти, но холл Центра лечения от наркозависимости уже был набит под завязку. Несколько человек выглядели так же плохо, как я. Интересно, последние сорок восемь часов их жизни тоже были настолько невыносимы?

– Привет, Джеймс, как чувствуешь себя? – спросил доктор, заходя в кабинет. Одного взгляда на меня было достаточно, чтобы ответить на этот вопрос, но я оценил его заботу.

– Не очень, – признался я.

– Ну, раз ты продержался эти два дня, значит, уже сделал большой шаг вперед, – улыбнулся врач.

Он осмотрел меня и попросил сдать мочу на анализ. Потом я получил таблетку субутекса и рецепт на новый препарат.

– Тебе должно стать намного лучше, – заверил меня он. – Потом начнем постепенно снижать дозу, и в конце концов ты и вовсе перестанешь сюда ездить.

Какое-то время я посидел в клинике, чтобы убедиться, что у субутекса не обнаружится неприятных побочных эффектов. К счастью, таковых не оказалось. Напротив, как и обещал доктор, я почувствовал себя в тысячу раз лучше.

К моменту возвращения в Тоттенхэм я будто заново родился. Эффект субутекса разительно отличался от того, что я испытывал под метадоном. Мир словно заиграл новыми красками, все чувства обострились. Цвета стали ярче, звуки четче. Это было странно и непривычно, но я снова чувствовал себя живым.

По пути домой я заглянул в магазин, чтобы купить Бобу несколько пакетиков «Sheba» с новым вкусом и маленькую резиновую мышку. Переступив порог квартиры, я первым делом подхватил кота на руки.

– Мы сделали это, Боб! – твердил я, почесывая его за ухом. – Мы сделали это!

Меня переполняло ни с чем несравнимое чувство победы. В течение следующих нескольких дней состояние моего здоровья значительно улучшилось. Мне казалось, будто кто-то отдернул пыльные занавески и пустил в мою жизнь солнечный свет.

В каком-то смысле так оно и было.

Глава 18

Возвращение домой

Я не думал, что мы с Бобом можем стать еще ближе, но сорок восемь часов ломки показали, что я ошибался. Когда я вернулся из клиники, кот не отставал от меня, словно рыба-прилипала. Наверное, боялся, что мне опять станет плохо...

Но Боб зря беспокоился. Я чувствовал себя лучше, чем когда-либо за последние годы. Мысль о том, чтобы вернуться под власть наркотиков, вгоняла меня в дрожь. Я прошел через слишком многое и не хотел сдаваться.

Свой прорыв я решил отметить небольшим ремонтом в квартире. Мы с Бобом добавили несколько часов к своему рабочему дню и потратили вырученные деньги на краску, несколько подушек и плакатов. В магазине подержанной мебели неподалеку от дома я приобрел практически новый диван, бордовый, обитый плотным материалом, который при определенной доле везения сможет какое-то время отражать атаки Боба. Старый уже пришел в негодность: частично из-за своего почтенного возраста, частично из-за того, что кот завел привычку использовать его в качестве когтеточки. Новый диван я ему драть запретил.

Шли недели; ночи становились длиннее и холоднее, и мы с Бобом все больше времени проводили, свернувшись на диване. Я начинал лениво подумывать о том, что мы с котом будем делать на Рождество, но, как оказалось, я слегка поторопился.

В моем почтовом ящике редко появлялось что-либо, кроме счетов, поэтому письмо, которое почтальон принес в ноябре 2008 года, я заметил сразу. Судя по конверту, его доставили авиапочтой, а марка подсказала, что оно пришло из Тасмании.

То есть от моей матери.

Последние годы мы практически не общались, и все же, несмотря на время и расстояние, тон письма показался мне очень теплым. Мама рассказала, что переехала в Тасманию и теперь счастливо живет там. Но главное, она приглашала меня к себе!

«Если я оплачу перелет в Австралию и обратно, ты сможешь приехать?» – спрашивала она. Мама хотела, чтобы мы вместе встретили Рождество, а еще предлагала съездить в Мельбурн, где жили мои крестные, с которыми мы когда-то были очень близки.

«Дай знать, когда определишься, – так заканчивалось ее письмо. – С любовью, мама».

Было время, когда оно отправилось бы прямо в мусорное ведро. Я был слишком упрям и горд, чтобы принять руку помощи, протянутую родными. Но я изменился, стал по-другому смотреть на мир, а злость и паранойя начали потихоньку меня отпускать. Поэтому я решил подумать над маминым предложением.

Я не собирался сразу отказываться или соглашаться. Тут было над чем поразмыслить, и я хотел взвесить все «за» и «против».

Главным аргументом за поездку была, конечно, возможность повидаться с мамой. Неважно, как складывались наши отношения в последние годы – она была моей матерью, и мне ее не хватало.

Я несколько раз выходил на связь после того, как пошел ко дну и оказался на улице, но никогда не рассказывал ей, что на самом деле творится в моей жизни. За последние десять лет мы виделись всего один раз, когда она была в Англии проездом. Мы встретились в баре рядом с лесом Эппинг на северо-востоке Лондона и просидели там три или четыре часа. Когда я только перебрался в Англию и не вернулся домой спустя полгода, я выдумал историю о том, что собрал здесь группу и теперь не могу все бросить. И в тот раз я продолжал цепляться за старую ложь.

Не то что бы я получал удовольствие от того, что вру матери, но признаться, что я живу на улице и сижу на героине, у меня духу не хватало. Не знаю, поверила она мне или нет. Впрочем, в тот момент меня это мало волновало.

Потом мы время от времени созванивались, но часто я пропадал на несколько месяцев, что, конечно, только добавляло маме седых волос. На что только она не шла порой ради того, чтобы убедиться, что со мной все в порядке. Когда в июле 2005 года Лондон сотрясла череда взрывов, я даже не подумал позвонить маме. Я-то, слава богу, был цел и невредим, но она об этом понятия не имела. Тогда она еще жила с Ником, моим отчимом, и он работал в полиции Тасмании. Неизвестно, как ему удалось уговорить кого-то из лондонской полиции оказать им с мамой услугу, но здешние копы нашли меня по своим записям и послали нескольких сотрудников в Далстон, где я в то время обитал.

Я до смерти перепугался, когда открыл дверь своей комнаты в ночлежке и обнаружил на пороге людей в форме.

– Не волнуйся, парень, ты ни в чем не виноват, – поспешил заверить меня один из них, увидев выражение моего лица. – Просто двое человек на другом конце света хотят убедиться, что ты жив-здоров.

Я собрался было пошутить, что у меня из-за них чуть инфаркт не случился, и тогда их поездка сюда потеряла бы всякий смысл, но посмотрел на копов и решил промолчать. Они явно и сами были не рады, что им поручили заниматься таким делом.

Я связался с матерью и сообщил, что со мной все в порядке. Мне и в голову не пришло, что кто-то может за меня переживать. В то время я о таких вещах не думал. Я целиком и полностью сосредоточился на выживании. Но с тех пор многое изменилось. Я получил шанс наладить отношения с матерью после десяти лет лжи и недомолвок. И я чувствовал, что должен им воспользоваться.

Еще одним аргументом в пользу поездки в Австралию была возможность провести праздники там, где тепло и светит солнце. Живя в Лондоне и работая в основном по вечерам, я был лишен этого много лет. К тому же я еще не успел восстановиться после перехода с метадона на субutex и понимал, что пара недель в кругу семьи пойдет мне на пользу. Мама рассказала, что живет на маленькой ферме у реки, вдали от шумных городов... Звучит на редкость заманчиво! Австралия и австралийские пейзажи всегда занимали особое место в моем сердце. Возвращение туда, пусть и на время, несомненно, будет способствовать душевному спокойствию.

Итак, аргументов «за» набралось немало. Но аргументов «против» тоже было достаточно. И первым пунктом в списке значился Боб. Кто присмотрит за котом? Станет ли он ждать, пока я прилечу с другого конца света? И действительно ли я хочу покинуть своего друга на несколько недель?

Ответ на первый вопрос я нашел почти сразу: Бэлль охотно вызвалась присмотреть за котом. Я доверял ей, как самому себе, и знал, что у нее дома Боб ни в чем не будет нуждаться. Правда, невозможно было предсказать реакцию рыжего на подобные перемены. Я уже говорил, что мой кот очень любил стабильность...

Второй проблемой были деньги. Мама, конечно, предложила оплатить перелет, но без денег мне просто не позволят лететь в Австралию! Поискав в Интернете, я выяснил, что для получения разрешения на выезд я должен иметь по меньшей мере пятьсот фунтов наличными.

Потратив несколько дней на размышления, я в конце концов решил лететь. А почему бы и нет? Смена обстановки и немного солнечного света мне не повредят!

Правда, для начала я должен был сделать новый паспорт, что могло вызвать определенные трудности, если учесть то, как я жил в последние годы. Тут мне на помощь пришла женщина – социальный работник: благодаря ей я успел восстановить необходимые документы, включая свидетельство о рождении.

Потом нужно было разобраться с билетами. Выгоднее всего было лететь с «Air China» до Пекина, а оттуда в Мельбурн. Я понимал, что это займет кучу времени и мне придется просидеть несколько часов в пекинском аэропорту, но такой вариант был самым дешевым. Мама уже сообщила мне адрес своей электронной почты, и я смог отправить ей нужную информацию, включая номер моего нового паспорта. Через несколько дней я получил письмо с сайта, подтверждающее, что мама забронировала билеты. Я стал еще на шаг ближе к Австралии.

Осталось только заработать пятьсот фунтов. Легко сказать.

Нужный мне самолет вылетал в Австралию в первую неделю декабря. До того момента я работал с утра до ночи каждый день в любую погоду. Боб почти всегда был со мной, хотя в дождь я оставлял его дома. Я помнил, как он относится к сырости, и не хотел, чтобы рыжий простудился накануне моего отъезда. Я не смог бы улететь в Австралию, заболел он снова.

Деньги на поездку я складывал в маленькую коробку из-под чая. Она наполнялась медленно, но верно. Когда до вылета оставалось всего ничего, я уже заработал достаточно денег.

* * *

Я ехал в аэропорт Хитроу с тяжелым сердцем, попрощавшись с Бобом на квартире у Бэлль. Он не выглядел обеспокоенным, когда я направился к двери, но ведь рыжий не знал, что мы не увидимся почти шесть недель. Я убеждал себя, что оставил его в надежных руках, но это слабо помогало. Да уж, я действительно стал озабоченным родителем.

Если вы думаете, что полет в Австралию был приятным, необременительным путешествием, то спешу вас разочаровать. Эти тридцать шесть часов я нескоро забуду – и не потому, что мне все понравилось!

Началось путешествие довольно мирно. Перелет до Пекина занял одиннадцать часов и особо ничем не запомнился. Я посмотрел фильм, поужинал, но уснуть не смог, потому что не слишком хорошо себя чувствовал. Отчасти в этом был виноват субтекст, но основная ответственность лежала на промозглой лондонской погоде. Слишком много часов я провел, торгуя журналами под проливным дождем. В результате я заработал ужасную простуду и прочихал всю дорогу до Пекина. Когда я принимался сморкаться особенно громко, стюардессы и соседи как-то странно на меня поглядывали, но я не придавал этому значения, пока мы не сели.

Самолет медленно катился по взлетно-посадочной полосе, я уже собирался встать, как вдруг ожил громкоговоритель. Вслед за объявлением на китайском прозвучал английский перевод. Нас просили оставаться на своих местах, пока нам не разрешат покинуть самолет.

«Странно», – подумал я.

А потом увидел двух китайцев в официальной форме и медицинских масках. Они направлялись напрямик ко мне. И у одного из них в руках был градусник.

Стюардесса подошла к нам, чтобы переводить все, что они говорят.

– Это люди из китайского правительства, – объяснила она. – Они должны измерить вашу температуру.

– Хорошо, – кивнул я, понимая, что сейчас не время для споров.

Я послушно ждал, пока китайцы померяют мне температуру. Видимо, показания градусника их не слишком обрадовали, потому как стюардесса сказала мне:

– Вы должны пройти небольшое медицинское обследование. Эти люди вас проводят.

На дворе был 2008 год, и в мире царил истерия по поводу свиного гриппа. Китай особенно переживал из-за угрожающей человечеству пандемии. За несколько дней до отлета я смотрел выпуск новостей, в котором говорилось, что иностранцев с малейшими признаками инфекции просят немедленно покинуть страну. Многих помещают в карантин и держат там иногда целую неделю.

Поэтому, признаюсь, я слегка занервничал, когда меня выводили из самолета. Мысленно я уже представлял себе, как на месяц застряну в какой-нибудь китайской больнице. Меня обследовали с ног до головы, взяли все виды анализов, начиная с крови и заканчивая мазком. Думаю, они нашли немало интересного, но, к счастью, ни следа свиного гриппа, атипичной пневмонии или чего-то заразного. Через пару часов китайский чиновник извиняющимся тоном сообщил мне, что я могу идти.

Но теперь я должен был самостоятельно искать, откуда вылетает самолет до Мельбурна! Я стоял посреди беспокойного пекинского аэропорта и пытался сообразить, в какую сторону двигаться. На поиск багажа и нужного рейса у меня оставалось три часа. В последний раз я был в аэропорту много лет назад. Я и забыл, какое это огромное и бездушное – да, именно так я охарактеризовал бы пекинский аэропорт – место. Чтобы добраться из третьего терминала в противоположной части здания, мне пришлось сесть на поезд.

Несколько раз свернув не в ту сторону, я нашел нужный терминал меньше чем за час до вылета. Вдохнув с облегчением, я упал в свое кресло в салоне самолета и проспал до самого Мельбурна. К сожалению, мои приключения еще не закончились.

На таможне служебный лабрадор проявил недюжинный интерес к моему багажу.

– Простите, сэр, но вам придется пройти с нами, – сказал охранник.

«Господи, – устало подумал я. – Я так никогда не встречусь с матерью!»

Меня отвели в специальную комнату, где охрана принялась осматривать мой багаж. Просканировав сумку при помощи электронного детектора наркотиков, они нахмурились. Я понял, что у меня проблемы.

– Боюсь, детектор показал, что у вас в сумке кокаин, – сказал охранник.

Я вытаращил на него глаза, не совсем понимая, что он говорит. Как такое возможно? Я не принимал кокаин и не знал никого, кто увлеклся бы этим наркотиком. Ни один из моих знакомых просто не мог себе его позволить.

Далее выяснилось, что если я везу кокаин исключительно для личного пользования, то по закону они ничего не могут мне предъявить.

– Если вы просто принимаете наркотики и не собираетесь их распространять, скажите нам об этом, и мы вас отпустим.

Я поспешил объяснить, что в данный момент пытаюсь освободиться от наркозависимости, поэтому принимаю только субutex, прописанный мне доктором. В подтверждение своих слов я показал им письмо от врача из клиники. Судя по тому, что после этого меня отпустили, мои усилия не пропали даром. И все равно я застрял на таможне почти на час. А мне еще предстоял перелет до Тасмании! К тому времени, как я добрался туда, я уже едва держался на ногах от усталости.

Несмотря на все злоключения, я был невероятно рад увидеть маму. Она встретила меня в аэропорту Тасмании, расплакалась и долго не выпускала из объятий.

Мамин дом оказался именно таким, каким она его описывала: просторный коттедж с большим садом. Вокруг были фермерские земли, а рядом с границей участка протекала река. Я сразу полюбил это тихое живописное место. Весь следующий месяц я гулял по саду, отдыхал и в каком-то смысле учился жить заново. Дней через десять я уже чувствовал себя другим человеком. Все тревоги остались в Лондоне, то есть в буквальном смысле в десяти тысячах миль от меня. Мамин материнский инстинкт заработал на полную мощность, и кормили меня на убой. Я чувствовал, как с каждым днем ко мне возвращаются силы. А еще – как восстанавливаются наши с мамой отношения.

Поначалу в разговоре мы старались не касаться некоторых тем, но в какой-то момент я почувствовал, что могу открыться своей матери. Однажды вечером мы сидели на веранде и любовались закатом. Я немного выпил, и внезапно разговорился. Это не было похоже на

исповедь и совсем не напоминало речи героев из голливудских фильмов. Я просто говорил... и говорил.

Ощущение было такое, будто плотину прорвало. Многие годы я принимал наркотики, чтобы заглушить свои чувства, чтобы максимально их подавить. Теперь это должно было измениться. Эмоции возвращались ко мне, и я заново учился с ними справляться.

Когда я рассказывал о некоторых особенно неприятных моментах своей жизни, мама смотрела на меня с неподдельным ужасом, как, наверное, смотрела бы любая мать на своего сына.

– Тогда в баре я чувствовала, что у тебя проблемы, но и подумать не могла, что все так плохо, – сокрушалась она. В маминых глазах блестели слезы.

По большей части она слушала меня, уткнувшись в ладони, и лишь время от времени повторяла: «Почему?»

– Почему ты не сказал мне, что потерял паспорт?

– Почему не позвонил и не попросил помочь?

– Почему не пришел к отцу?..

Естественно, она винила во всем себя. Твердила, что подвела меня, но я постарался убедить маму, что она тут ни при чем. Я сам себя подвел. И больше тут некого винить.

– Не ты решила, что твой сын будет спать в картонных коробках и каждый вечер получать по морде. Это я решил, – сказал я.

От моих слов мама только сильнее расплакалась.

После того как был разбит первый лед, общаться стало куда проще. Мы делились воспоминаниями о прошлом, о моем детстве в Австралии и в Англии. Теперь мне было легко говорить маме правду. Я рассказал, что в то время постоянно чувствовал, будто она где-то далеко, хотя она в тот момент могла сидеть в соседней комнате. И еще поделился мыслью, что вечные переезды и череда постоянно меняющихся нянь, скорее всего, повлияли на меня не лучшим образом. Эти слова маму заметно расстроили, хотя она и попыталась возразить, что лишь старалась обеспечить нам крышу над головой и средства к существованию. Я понимал ее, и все же хотел, чтобы тогда она чаще была рядом.

Мы разговаривали не только о грустном – в маленьком доме у реки нередко раздавался наш смех. Вспоминая, как мы ругались, когда я был подростком, мы улыбались, признавая, что все-таки очень похожи.

– Это было столкновение двух сильных личностей, – улыбалась мама. – Я сильная личность, и ты тоже. Это у тебя от меня.

Но большую часть времени мы все-таки говорили о настоящем, а не о прошлом. Мама забросала меня вопросами о реабилитации. Ее очень интересовало, чего я хочу достичь теперь, когда с наркотиками практически покончено. Я объяснил, что пока не задумывался об этом, предпочитая делать по одному шагу за раз. Если мне повезет, через год я окончательно перестану зависеть от препаратов.

Иногда мама просто сидела и слушала, чего мне очень не хватало, когда мы жили вместе. Впрочем, наверное, она тоже нуждалась в понимании и внимании с моей стороны. Думаю, за этот месяц мы узнали друг друга лучше, чем за последние десять лет. И стали ближе, чем когда-либо.

Во время наших разговоров я часто упоминал Боба. Я привез в Австралию фотографию рыжего и показывал ее всем, кому было интересно.

– Умный кот, – улыбнулась мама, увидев ее в первый раз.

– Еще какой! – ответил я, светясь от гордости. – Не знаю, что бы со мной стало, если бы не Боб.

Я ни разу не пожалел о том, что приехал в Австралию. Здесь я наконец собрался с мыслями, оглянулся на свое прошлое и начал думать о том, чего хочу от будущего.

Какая-то часть меня страстно желала вернуться сюда насовсем. В Австралии жила моя семья. И здесь было куда больше людей, готовых помочь и поддержать. Но я ни на секунду не забывал о Бобе, которому без меня придется очень непросто. Как и мне без него. Поэтому я не задумывался о переезде всерьез. И в начале шестой недели моего австралийского отпуска я принялся готовиться к возвращению в Англию.

На этот раз я попрощался с мамой так как положено. Она проводила меня в аэропорт и махала рукой до тех пор, пока я шел к самолету. Я должен был лететь в Мельбурн, чтобы повидать крестных. Они сыграли немаловажную роль в моей жизни. Раньше эти люди владели крупнейшей частной телекоммуникационной компанией в стране, они открыли для Австралии радости общения при помощи пейджеров, поэтому в какой-то момент были очень богаты. В детстве мне нравилось бывать у них в поместье, я даже жил там некоторое время, когда мы с мамой совсем не ладили.

Крестные отреагировали на мою историю точно так же, как она: они были шокированы. Первым делом они предложили помочь мне деньгами и обещали найти работу в Австралии. Но я сразу сказал, что должен вернуться в Лондон.

Обратное путешествие вышло куда менее насыщенным событиями. А я не только чувствовал себя гораздо лучше и здоровее, но и выглядел значительно приличнее, судя по тому, что уже не привлекал внимание таможенников или сотрудников миграционного контроля. Отдохнувший, обновленный, я проспал большую часть дороги.

Мне не терпелось увидеть Боба, хотя я и переживал, что за шесть недель кот мог сильно измениться или вовсе меня забыть. Как оказалось, я зря волновался. Едва я переступил порог квартиры Бэлль, рыжий вскочил с дивана и помчался ко мне со всех ног, задрал хвост. Я привез ему подарки – несколько маленьких плюшевых кенгуру. Когда мы отправились домой, кот по своему обыкновению забрался ко мне на плечи. В тот же миг мы забыли о шести неделях разлуки. Снова мы с Бобом были одни против всего мира. Как будто я никуда не уезжал.

Глава 19

Начальник станции

Австралия помогла мне оправиться морально и физически. Вернувшись в Лондон, я чувствовал себя увереннее, чем когда-либо за последние годы, и смотрел в будущее с надеждой. Но, только воссоединившись с Бобом, я обрел душевное равновесие. Там, в Тасмании, мне казалось, что частичка меня осталась в Лондоне. Теперь же в моей душе воцарилась гармония.

В нашу жизнь вскоре вернулся прежний порядок; как и раньше, мы все делали вместе. Но хотя с тех пор, как я встретил рыжего под дверью в подъезде, прошло почти два года, он не уставал меня удивлять.

В Австралии я постоянно вспоминал Боба и все время повторял всем, какой умный и сообразительный кот мне достался. Держу пари, люди нередко смотрели на меня как на психа. «Кот не может быть умным», – наверное, думали они. Но через пару недель я понял, что умный – это еще слабо сказано!

Прожив два года в квартире, рыжий так и не сумел побороть неприязнь к лотку. Я купил для него несколько штук, но они уже много месяцев пылились в кухонном шкафу. Признаюсь, мне порядком надоело бегать с котом во двор и обратно каждый раз, когда ему хотелось облегчиться в кустах. Но за несколько месяцев до поездки в Австралию я заметил, что Боб просится на улицу уже не так часто.

Сначала я решил, что у кота проблемы со здоровьем, и отвел его к знакомым ветеринарам с Айлингтон-Грин. Они сказали, что с ним все в порядке, и объяснили, что, возможно, у Боба с возрастом просто поменялась скорость обмена веществ.

Но правда была куда прозаичнее – и куда веселее! Однажды утром, вскоре после возвращения из Австралии, я проснулся в шесть тридцать утра – для меня это очень рано. Мои биологические часы все никак не могли прийти в норму. Я вылез из кровати и, едва разлепив глаза, побрел в туалет. Дверь была приоткрыта, оттуда доносилось тихое журчание. «Странно», – сонно подумал я, решив, что кто-то пробрался в квартиру, чтобы воспользоваться нашими удобствами. Но когда я заглянул внутрь, то на мгновение потерял дар речи: на унитазе сидел мой кот собственной персоной.

Мне сразу вспомнился фильм «Знакомство с родителями», в котором мистер Джинкси, кот Роберта де Ниро, проделывал то же самое. Только теперь это происходило не на экране, а в моем собственном туалете. Бобу, видимо, тоже надоело постоянно бегать во двор. Поэтому, понаблюдав за мной, он понял, что нужно делать, и просто повторил мои действия.

Заметив, что за ним наблюдают, рыжий смерил меня одним из своих фирменных испепеляющих взглядов, в котором без труда читалось: «Чего уставился? Сажу на унитазе, что в этом такого?» Конечно же он был прав. И чего я так удивился? Знал же, что мой кот способен на многое!

Люди со станции «Энджел» заметили, что мы с Бобом куда-то пропали. Когда мы вернулись на участок, первую неделю местные постоянно подходили к нам, улыбались и говорили что-то вроде «О, вы снова здесь!» или «Я-то думал, вы выиграли в лотерею и больше работать не будете». Они были искренне рады нас видеть. Одна дама даже принесла открытку с надписью: «Мы по тебе скучали». Было здорово вернуться «домой».

К сожалению, не все вели себя столь дружелюбно. Как-то вечером я серьезно поругался с одной китайкой. Я уже не раз замечал, что она неодобрительно смотрит на нас с Бобом. В тот раз она подошла ко мне и погрозила пальцем.

– Это неправильно, неправильно! – строго сказала она.

– Простите, что именно? – опешил я.

– Нормальные кошки так себя не ведут! – уверенно заявила китаянка. – Ваш слишком спокойный, вы его чем-то накачали. Вы даете коту наркотики.

Этого я никак не мог стерпеть. На самом деле эта китаянка была не первой, кто приставал ко мне с подобными замечаниями. Когда я еще играл на гитаре на Ковент-Гарден, к нам подошел мужчина профессорского вида и надменно заявил, что «все прекрасно видит».

– Я знаю, чем вы занимаетесь. Думаю, я даже знаю, что именно вы ему даете, чтобы он был таким тихим и послушным, – сказал он, явно очень довольный собой.

– И что же, сэр? – сначала я старался быть вежливым.

– Неужели вы думаете, что я вам скажу? Это даст вам преимущество, и вы поменяете лекарство, – сердито ответил он, так как, видимо, не ожидал от меня подобной реакции.

– Э, нет, раз вы меня обвинили, придется отвечать за свои слова, – не унимался я.

Мужчина сразу как-то сник и поспешил убраться, что было довольно мудро с его стороны, поскольку, продолжай он в том же духе, боюсь, я бы не сдержался и врезал ему. А теперь меня обвиняла китаянка. Я решил действовать по тому же принципу.

– Ну и что, по-вашему, я даю своему коту? – спросил я.

– Не знаю... – она поджала губы, – но что-то да даете.

– Хорошо, если я накачиваю его наркотиками, то почему же он торчит тут целыми днями? Почему не сбежит при первой же возможности? Я же не могу пичкать его лекарствами при всех.

– Пффф! – фыркнула она, сердито размахивая руками и отворачиваясь. – Это неправильно, неправильно! – воскликнула она еще раз, прежде чем раствориться в толпе.

Хотя подобные эпизоды надолго портили мне настроение, я уже смирился с тем, что всегда найдутся люди, которые будут подозревать, что я плохо обращаюсь с Бобом, а еще те, кто просто не любит кошек или считает, что продавцу «Big Issue» следовало бы завести собаку. Через пару недель после встречи с китаянкой состоялся еще один неприятный разговор.

С первых дней нашей с рыжим совместной работы на Ковент-Гарден мне регулярно предлагали его продать. Люди подходили и спрашивали: «Сколько хочешь за кота?» Обычно я старался отшучиваться, но если они слишком настаивали, посылал по известному адресу.

На новом месте на рыжего тоже нашлись покупатели. Одна дама подходила к нам несколько раз и окольными путями подводила меня к интересующей ее теме.

– Послушай, Джеймс, – говорила она. – Не дело Бобу целыми днями торчать на улице. Думаю, он заслуживает того, чтобы жить в теплом уютном доме...

Свою проникновенную речь она завершала словами: «Так сколько ты за него хочешь?»

Я всякий раз отказывался даже обсуждать цену, после чего дама принималась забрасывать меня цифрами. Сначала она предлагала сто фунтов, потом подняла цену до пятисот. Однажды вечером дама подошла ко мне и предложила тысячу.

Я поднял на нее глаза и тихо спросил:

– У вас есть дети?

– Эээ... да, у меня есть дети, – запинаясь, ответила она, слегка обескураженная моим вопросом.

– Значит, есть. И сколько вы хотите за младшего?

– О чем вы говорите?

– Сколько вы хотите за младшего ребенка?

– Я не понимаю, какое отношение это имеет...

– Самое непосредственное! – оборвал я ее. – Я отношусь к Бобу как к собственному ребенку. И когда вы спрашиваете, не хочу ли я его продать, для меня это то же самое, как если бы я спросил, сколько стоит ваш младший ребенок.

Возмущенно всплеснув руками, дама развернулась и ушла. Больше я ее не видел.

Работники станции метро относились к Бобу совсем иначе. Однажды я разговорился с контролером по имени Ваника. Она не скрывала симпатии к Бобу и дружелюбно посмеивалась над тем, сколько людей останавливается, чтобы поговорить с котом или сфотографировать его.

– Он делает нашу станцию знаменитой! – улыбнулась она.

– Еще бы! Вам давно уже стоило взять его в штат, как того японского кота, который работает начальником станции. Он даже шляпу специальную носит, – подмигнул я.

– Боюсь, у нас сейчас нет открытых вакансий, – хихикнула Ваника.

– И все-таки вы должны выдать ему удостоверение или что-то вроде того, – пошутил я.

Она ответила мне задумчивым взглядом и скрылась за дверями метро. А я вскоре забыл о нашем разговоре.

Через несколько недель мы с Бобом, как обычно, сидели возле станции, когда Ваника подошла к нам с широкой улыбкой на лице. Я сразу что-то заподозрил.

– В чем дело? – спросил я.

– Ни в чем, просто хочу отдать Бобу вот это.

Она протянула мне пластиковый проездной с фотографией Боба.

– Потрясающе! – воскликнул я.

– Я нашла фотографию в Интернете, – объяснила Ваника.

Признаюсь, я был сильно удивлен. Откуда в Интернете взялись фотографии Боба?

– И что дает этот проездной?

– Теперь Боб может бесплатно ездить на метро, – рассмеялась Ваника.

– А разве коты когда-нибудь платили за проезд? – поддержал шутку я.

– Это значит, – вдруг посерьезнела Ваника, – что мы очень любим Боба и считаем его частью семьи.

В тот момент мне потребовалась вся сила воли, чтобы не расплакаться от избытка чувств.

Глава 20

Самая длинная ночь

Весне 2009 года пора было уже развернуться на всю катушку, но на улице по-прежнему рано темнело, а холодная сырая погода навевала тягостные мысли. В семь часов, когда мы с Бобом заканчивали работать, город погружался в сумерки, просыпались фонари и оживали тротуары.

После тихих зимних месяцев, когда туристы были редкими гостями в этом районе, станция «Энджел» буквально расцвела. Теперь по вечерам метро извергало из себя бесконечные толпы людей. Большинство из них выглядело вполне состоятельными. К сожалению, были и другие.

Те, кому приходилось жить на улицах Лондона, со временем развивают в себе нечто вроде внутреннего радара: он позволяет вычислить людей, которых лучше избегать любой ценой. На моем радаре такой человек стал регулярно мигать с половины шестого до семи вечера – в то время, когда торговля шла лучше всего.

Я уже видел его раньше, всего несколько раз и издалека. Он производил неприятное впечатление. Я, конечно, тоже выглядел не самым лучшим образом, но этот парень просто поражал своей худобой. Судя по всему, он спал на улице. Кожа у него была обветренной и в каких-то пятнах, одежда покрыта коркой грязи. Но не это привлекло мое внимание, а его собака – огромный ротвейлер черно-коричневого окраса. Я сразу понял, что характер у пса не сахар. Эта парочка словно сошла с иллюстрации из книги «Оливер Твист», на которой был изображен Билл Сайкс со своей собакой по кличке Бычий Глаз. Одного взгляда хватало, чтобы понять: свяжешься с ними – и неприятностей не избежать.

Как-то вечером парень с собакой пришел к метро и разговорился с несколькими скользкими на вид типами, которые сидели там почти час, лениво потягивая пиво. Мне они сразу не понравились.

Ротвейлер заметил Боба и принялся натягивать поводок, чтобы добраться до кота. Пока парню удавалось контролировать собаку, но все понимали, что долго он ее не удержит. К тому же его больше интересовал разговор с теми парнями... и их пиво.

Мы с котом уже собирали вещи, чтобы пойти домой. Появление парня с собакой заставило меня поторопиться. Мне не давала покоя дурное предчувствие – и ротвейлер. Я хотел как можно скорее убраться подальше.

Когда я укладывал в рюкзак оставшиеся номера журнала, раздался громкий злобный рык. То, что произошло потом, я видел будто в замедленной съемке. Что-то черно-коричневое бросилось к нам с Бобом. Похоже, хозяин собаки не закрепил толком поводок, и ротвейлер все-таки вырвался. Ни о чем не думая, я инстинктивно кинулся защищать Боба и бросился наперерез собаке. Не успел я опомниться, как она сшибла меня с ног. Падая, я умудрился схватить ее в охапку, поэтому секунду спустя мы уже катались по земле. Проклиная все на свете, я отпихивал голову пса, чтобы он не смог меня укусить, но силы были неравны.

Ротвейлеры – крупные собаки с железной хваткой; один Бог знает, что сделал бы со мной этот пес, затылись наше сражение еще на пару секунд. К счастью, за своими криками я различил голос другого человека, и невидимая сила начала оттаскивать собаку прочь.

– Пусти его, тупая псина! – орал хозяин ротвейлера, отчаянно натягивая поводок.

Затем он принялся бить собаку по голове каким-то тупым предметом. Не знаю, что именно попало ему под руку, но звук был не самый приятный. В другой ситуации я бы стал переживать за здоровье пса, но в тот момент меня волновала только безопасность Боба. Должно быть, кот здорово перепугался, увидев несущегося на него ротвейлера. Я повернулся, чтобы

проверить, как он там, и обнаружил, что кота на его обычном месте нет. Оглядевшись по сторонам – вдруг кто-нибудь из знакомых подобрал рыжего, чтобы защитить или успокоить, – я понял, что Боб пропал.

Тут до меня дошло, как именно это случилось. Стопка журналов лежала под скамейкой неподалеку от нашей точки. Поводок Боба туда не дотягивался, поэтому, торопясь убраться подальше от ротвейлера и его хозяина, я рискнул отцепить его от своего пояса. Всего на пару секунд, но этого хватило. Ротвейлер, должно быть, заметил, что я отпустил кота, и решил, что настал подходящий момент для нападения.

Меня захлестнула паника.

Несколько человек подошли, чтобы спросить, все ли со мной в порядке.

– Все нормально, – отмахнулся я, хотя на самом деле это было не так. – Кто-нибудь видел Боба?

Тело болело после падения, ротвейлер успел искушать мне руки, но в тот момент меня волновала только судьба рыжего. Наша постоянная покупательница, дама средних лет, часто приносившая Бобу угощение, видела, что случилось.

– Боб побежал в сторону Камден-Пэсседж, – сказала она. – Пыталась схватить его за поводок, но он увернулся.

– Спасибо, – поблагодарил я, забрасывая рюкзак за спину и устремляясь вслед за котом.

Я сразу вспомнил, как Боб сбежал от меня на площади Пикадилли. Теперь все было куда серьезнее: тогда кота напугал человек в дурацком костюме, а сегодня его жизни действительно угрожала опасность. Если бы я не вмешался, ротвейлер напал бы на Боба, в этом нет никаких сомнений. Кто знает, что подумал рыжий, увидев несущегося на него пса? Может, ротвейлер напомнил ему кого-то из прошлой жизни? Я не представлял, что чувствует сейчас мой кот, но был уверен, что он напуган и растерян не меньше меня.

Добежав до Камден-Пэсседж, я принялся звать Боба и, естественно, привлек внимание людей, стоявших у пабов, баров и ресторанов.

– Кто-нибудь видел рыжего кота с поводком? – с надеждой обратился я к ним. – Он должен был бежать оттуда... – И я махнул в сторону станции метро.

Но люди лишь пожимали плечами, кто-то равнодушно, кто-то с намеком на сочувствие во взгляде.

Мне оставалось надеяться, что Боб, как и в прошлый раз, попытается укрыться в магазине. К сожалению, рабочий день подходил к концу и почти все они уже были закрыты. По вечерам здесь радовали клиентов только бары, кафе и рестораны. Так что проку от моих поисков пока было немного. Я продолжал расспрашивать прохожих, но безрезультатно. Если Боб прошел Камден-Пэсседж до конца, то, скорее всего, он уже добежал до Эссекс-роуд, которая ведет в Далстон. Рыжий бывал в этих местах прежде, но никогда ночью и сам по себе.

Я уже начал отчаиваться, когда в конце улицы, неподалеку от сада Айлингтон-Грин, встретил женщину, которая вернула мне надежду.

– Да, я видела рыжего кота в той стороне... – Она махнула рукой, и я убедился, что иду в верном направлении. – Мчался со всех ног и останавливаться не собирался. Судя по всему, бежал к главной дороге, той, за которой начинается сад.

Добежав до конца Камден-Пэсседж, я огляделся. Боб обожал Айлингтонский сад и нередко использовал его в качестве туалета. К тому же неподалеку оттуда останавливались знакомые нам ветеринарные фургоны, так что это место стоило тщательно осмотреть. Я быстро перешел дорогу и выбежал на знакомую лужайку: кусты вокруг нее особенно нравились Бобу. Присев на колени, я заглянул в заросли, тщетно пытаясь что-либо рассмотреть: было уже темно, и я свои-то руки с трудом различал. Оставалось надеяться, что в глубине кустов заблестят кошачьи глаза.

– Боб, дружище, ты здесь?

Тишина.

Я дошел до другого конца сада и снова позвал кота. Но, кроме недовольных стенаний пьянчужек, засидевшихся на скамейке, и шума проезжающих мимо машин, не услышал в ответ ничего. Выйдя из сада, я оказался перед большим книжным магазином «Waterstones». Мы с Бобом заглядывали туда время от времени, и продавцы всякий раз приходили от рыжего в полный восторг. Я понимал, что цепляюсь за соломинку, но вдруг Боб и правда решил спрятаться среди книг?

В магазине было тихо; среди стеллажей бродили всего несколько припозднившихся покупателей, и продавцы уже готовились к закрытию. Я узнал даму за прилавком, одну из преданных поклонниц Боба. Поскольку к тому моменту я уже изрядно вспотел, тяжело дышал и выглядел очень взволнованным, она сразу поняла, что случилось что-то плохое.

– Ты в порядке? – спросила она.

– Я потерял Боба. На нас бросилась собака, и он убежал. Он сюда не приходил?

– Нет, я не видела. – Дама обеспокоенно оглянулась. – Хотя была здесь все время. Но давай я спрошу на втором этаже – может, он туда проскользнул?

Дама схватила телефонную трубку и связалась с другим отделом.

– Вы там кота, случайно, не видели? – спросила она и медленно покачала головой в ответ на слова невидимого собеседника. Этот жест был выразительнее всяких слов. – Мне, правда, очень жаль... Но если он вдруг сюда придет, мы за ним обязательно присмотрим.

– Спасибо, – вздохнул я.

Только выйдя из магазина на темную улицу, я наконец осознал, что случилось. Я потерял Боба.

Я был раздавлен. Следующие несколько минут я стоял, глядя в пространство, и никак не мог сообразить, что же делать дальше. Для очистки совести дошел до конца Эссекс-роуд, но уже не заглядывал ни в кафе, ни в рестораны, понимая, что Боб туда не сунется.

Мы ходили этой дорогой каждый день – и каждый вечер возвращались по ней домой. Мимо проехал автобус до Тоттенхэма; в моем измученном мозгу возникла шальная мысль: а вдруг он... Да нет, не может быть! Или может?

На ближайшей остановке стоял дорожный инспектор. Я спросил, не видел ли он кота, садящегося в автобус, поскольку искренне верил, что у меня действительно чрезвычайно умный кот. Но инспектор посмотрел на меня так, будто я спросил, не видел ли он, как в автобус садятся инопланетяне. Покачал головой и отвернулся.

Я знал, что коты обладают великолепно развитым чувством направления и без труда находят дорогу домой. Но отсюда до Тоттэнхема было три с половиной мили, и путь пролегал через не самые благополучные районы Лондона. Вряд ли Боб сумеет добраться до нашей квартиры. К тому же мы никогда не ходили сюда пешком, всегда ездили на автобусе. Поэтому на самостоятельное возвращение кота не стоило и рассчитывать.

Следующие полчаса я бродил по Эссекс-роуд и пытался собраться с мыслями. Я убеждал себя, что, даже если Боб убежал далеко, его обязательно кто-нибудь узнает. Ведь он был в некотором роде местной знаменитостью! А даже если рыжего найдет человек, ни разу в жизни о нем не слышавший, то он заметит у кота микрочип, а это значит, что в специальной базе данных есть информация о его хозяине. Правда, не факт, что нашедший Боба станет утруждать себя обращением в национальный центр микрочипирования...

Едва я успокоился, как снова накатил приступ паники. Может, именно это случилось с ржым два года назад? Может, именно так он оказался в моем подъезде в тот весенний вечер? Вдруг сегодняшние события послужат спусковым крючком и он решит, что пришла пора двигаться дальше? Я чувствовал себя так, будто ротвейлер не руки мои погрыз, а душу. Разум твердил: «С Бобом все будет в порядке, он обязательно вернется», но иррациональная часть

сознания предпочитала биться в истерике и отчаянно вопить: «Он пропал, пропал навсегда, ты больше его никогда не увидишь!»

На улице к тому времени окончательно стемнело, а на Айлингтон-Хай-стрит образовалась обычная вечерняя пробка. Так и не решив, что делать, я побрел в сторону Далстона: Бэлль жила неподалеку оттуда, а я уже понял, что не выдержу, если останусь один в тот вечер.

Проходя мимо аллеи, я краем глаза заметил мелькнувший хвост. Худой, черный, он никак не мог принадлежать моему коту, но я дошел до такого состояния, что для меня уже не было никакой разницы.

Боб! – закричал я, бросаясь в темноту.

Естественно, никакого Боба там не было. Откуда-то донеслось протяжное мяуканье, но мой кот мяукал совсем иначе... Подождав пару минут, я пошел дальше.

К тому времени пробка почти рассосалась, и на улице стало неожиданно тихо. Я обратил внимание на звезды, сиявшие над головой. Конечно, лондонское звездное небо не сравнить с австралийским, но зрелище все равно было впечатляющим. Несколько недель назад я любовался звездами в Тасмании. И всем говорил, что возвращаюсь в Лондон, чтобы заботиться о Бобе. «Молодец, отличная работа!» – ехидно подумал я.

На секунду или две я задумался, не стала ли моя поездка в Австралию косвенной причиной сегодняшних событий. Может, из-за того, что я пропал на шесть недель, Боб отвык от меня? Или во время разлуки кот начал сомневаться в моей преданности? Вдруг, когда ротвейлер сорвался с поводка, Боб решил, что больше не может на меня полагаться? От этих мыслей мне хотелось кричать...

Когда вдали показались окна квартиры Бэлль, я почти плакал. Что я буду делать без Боба? Мне никогда не найти такого друга... И тогда это случилось. Впервые за долгое время я испытал непреодолимую потребность в дозе. Я попытался отогнать мысли о наркотиках, но подсознание уже вступило в игру. Противный голосок внутри твердил, что, если Боб не вернется, я не смогу побороть наркозависимость, поэтому не стоит стараться, лучше сдать сразу и заглушить боль...

Бэлль, как и я, много лет пыталась освободиться от наркотиков, но я знал, что ее сосед по квартире все еще сидит на игле. Чем ближе я подходил к дому подруги, тем больше меня одолевали мысли о наркотиках. Я был у нее под окнами в десять вечера, значит, бродил по улицам в поисках Боба два-три часа. Издалека доносился вой сирен: полицейские ехали разнимать драчунов в пабе или спасти жертву домашнего насилия. А мне было все равно.

Едва ступив на дорожку, ведущую к слабо освещенному подъезду, я заметил что-то в тени здания. Приглядевшись, я понял, что там сидит кошка, но, поскольку к тому времени уже перестал надеяться, я подумал, что это всего лишь очередное бездомное животное, укрывшееся от холодного ветра. А потом увидел мордочку кота. Очень знакомую мордочку.

– Боб! – ахнул я.

Рыжий укоризненно мяукнул, словно, как и два года назад, хотел сказать: «Ну и где тебя носило? Я тебя тут целую вечность жду!»

Я подбежал к коту и прижал его к себе.

– Если продолжишь вот так убегать, у меня инфаркт случится! – взволнованно произнес я, пытаюсь понять, как рыжий здесь оказался.

Вскоре до меня дошло. Мы с Бобом неоднократно навещали Бэлль, а пока я жил в Австралии, она и вовсе приютила его на шесть недель. И вполне логично, что он пришел сюда. Но как он смог добраться? От станции метро до дома Бэлль почти полторы мили. Неужели всю дорогу шел пешком? Тогда сколько он тут сидит?

Хотя все это было неважно. Я продолжал обнимать кота, а он лизал мне руку языком, шершавым, как наждачная бумага. Потом он потерся мордой о мою щеку и обвил меня хвостом.

Я позвонил в квартиру Бэлль, и она пригласила нас внутрь. Мрачное отчаяние сменилось эйфорией. Кажется, я никогда не чувствовал себя лучше, чем в тот миг. Заметив мое состояние, сосед Бэлль понимающе улыбнулся.

– Может, хочешь что-нибудь в честь праздника? – подмигнул он.

– Нет, спасибо, – ответил я, прижимая к себе Боба, который принялся игриво точить когти о мою руку. – Пива будет достаточно.

Боб безо всяких наркотиков нашел сюда дорогу. А потом сидел и ждал здесь меня. Кроме моей дружбы, ему ничего не нужно. И я понял, что и мне нужен только Боб. В тот вечер... и до тех пор, пока он согласится быть рядом.

Глава 21

Кот журнала «Big Issue»

Мартовское солнце таяло за горизонтом, на станцию «Энджел» опускались сумерки, а Лондон в очередной раз готовился весело провести время. Машины, попавшие в пробку на Айлингтон-Хай-стрит, тоскливо сигналили друг другу, и эти звуки сливались в привычную вечернюю какофонию. Всем не сиделось на месте, у всех были какие-то дела, все куда-то спешили... Хотя нет, не все.

Предвкушая хорошие продажи, я проверял, сколько у меня осталось журналов, когда краем глаза заметил группу подростков, стоявших неподалеку. Три мальчика и две девочки из Южной Америки, а быть может, Испании или Португалии.

Ничего странного в этом не было. Конечно, Айлингтон – не Ковент-Гарден, Лестер-сквер или площадь Пикадилли, но и здесь туристов хватало, и Боб притягивал их как магнит. Редкий день обходился без того, чтобы им не заинтересовались приехавшие на экскурсию иностранные школьники. Хотя эти отличались от других: они не просто смотрели на Боба, но оживленно обсуждали его.

– Ах, это Боб! – сказала одна из девушек, если я верно понял ее испанский (и если это вообще был испанский...).

– Si, si, Боб, кот «Big Issue», – подхватила другая.

«Странно, – подумал я, когда до меня дошел смысл ее слов. – Откуда они знают, что его зовут Боб? Он же не носит табличку с именем... И что значит кот „Big Issue“?»

Любопытство взяло верх, и я подошел к ребятам.

– Простите, могу я спросить, откуда вы знаете Боба? – обратился я к ним по-английски, надеясь, что кто-нибудь из них знает язык. Мой испанский они бы точно не поняли.

К счастью, один из них с улыбкой ответил:

– Мы видели его на YouTube. Боб – очень популярный кот в Интернете.

– Правда? – удивился я. – Мне говорили, что он есть на YouTube, но я и не подозревал, что так много людей смотрят видео с ним...

– Много – это слабо сказано! – воскликнул парень.

– А вы откуда?

– Из Испании.

– То есть Боб популярен даже в Испании?

– Si, si, – вступил другой мальчик, когда первый перевел ему наш разговор. – Bob es una estrella en España!

– Простите, что он сказал? – переспросил я.

– Что Боб в Испании – звезда!

Я был, мягко говоря, удивлен. Да, за прошедшие годы, пока я играл на гитаре для прохожих и торговал журналами, много кто фотографировал Боба. Иногда я даже в шутку размышлял о том, что Боб попадет в Книгу рекордов Гиннеса – как кот, которого фотографируют чаще всего в мире. Да, его снимали и на телефоны, и на обычные видеокамеры. Я попытался угадать, кто из людей, восторгавшихся Бобом, мог выложить видео на YouTube. Память подкинула сразу несколько кандидатов, но я все равно решил при первой же возможности залезть в Интернет и проверить.

На следующее утро мы с Бобом отправились в библиотеку, чтобы оценить масштаб его популярности. Забив в поисковую строку слова «Боб», «кот» и «Big Issue», я сразу получил ссылку на YouTube. Правда, там был далеко не один ролик с его участием.

– Эй, Боб, погляди-ка, а тот парень не соврал. Ты действительно звезда YouTube!

На ката эта новость особого впечатления не произвела, да и фильмом с самим собой в главной роли он пока не слишком интересовался. В конце концов, это же не скачки на четвертом канале. Но когда я запустил первое видео и в библиотеке раздался мой голос, рыжий запрыгнул на стол, уселся прямо на клавиатуру и уставился в экран.

Фильм назывался «Я и мой кот Боб». Я сразу вспомнил студента кинематографического факультета, который вертелся вокруг нас, когда мы еще торговали журналами на Нил-стрит. Он снял, как мы работаем, как садимся в автобус, как идем по улице. И у него неплохо получилось! Посмотрев фильм, можно было получить представление о том, как проходит обычный день продавца «Big Issue».

Потом я нашел несколько видео с людьми, игравшими с Бобом, а еще кто-то снял нескольких человек, которые сомневались, что Боб – прирученный кот и ведет себя так спокойно исключительно в силу своего характера. По их мнению, я непременно накачивал рыжего какими-то препаратами.

Еще один ролик был снят совсем недавно возле станции «Энджел» парнем из России. Я прошел по ссылке и увидел, что он назвал свой фильм «Боб – кот журнала „Big Issue“». Должно быть, именно его посмотрели ребята из Испании. И не только они: видео набрало десятки тысяч просмотров! Такого я не ожидал...

Нет, я давно подозревал, что мой кот становится знаменитостью: кто-нибудь постоянно говорил что-то вроде «О, это Боб? Я о нем слышал!» или «Бог мой, это же тот самый Боб!», но я считал, что почитатели рыжего просто рассказывают о нем своим друзьям, а те своим и так далее... Потом, незадолго до встречи с испанскими школьниками, мы с Бобом стали героями репортажа местной газеты «Islington Tribune». И наконец ко мне подошла женщина из Америки. Она представилась литературным агентом и спросила, не хочу ли я написать книгу о Бобе. Если б я мог!

Ребята из Испании заставили меня осознать, что рыжий давно перестал быть только местной знаменитостью. Мой кот был звездой мирового масштаба!

По пути к автобусной остановке я пытался переварить то, что узнал, и никак не мог перестать улыбаться. В одном из роликов я говорил, что Боб спас мне жизнь. При первом просмотре эти слова прозвучали несколько наигранно даже для меня, но, выйдя из библиотеки, я осознал, что ничуть не покривил душой.

За два года, прошедшие с тех пор, как Боб очутился в моем подъезде, он полностью изменил мою жизнь. Когда мы встретились, я был наркоманом, пытающимся побороть наркозависимость и не думающим о завтрашнем дне. Несмотря на приближающее тридцатилетие, единственным смыслом моего существования было выживание. Я потерял связь с семьей, у меня практически не осталось друзей. Откровенно говоря, моя жизнь представляла собой жалкое зрелище. Теперь это в прошлом.

Поездка в Австралию не вернула мне десять потраченных впустую лет, но помогла наладить отношения с матерью. Мы залечили душевные раны друг друга и снова стали близки. Моя борьба с наркозависимостью подходила к концу (во всяком случае, мне очень хотелось в это верить). Врач регулярно снижал дозу субутекса, и я переносил это довольно спокойно. На горизонте уже маячил день, когда мне вообще не нужно будет ничего принимать. Я наконец-то стану свободным. А ведь были времена, когда я о таком и помыслить не мог!

Но самое главное: я начал остепеняться! Многим, наверное, покажется, что это не так уж существенно, но маленькая квартирка в Тоттенхэме подарила мне ощущение безопасности и стабильности, в котором я очень нуждался. Я никогда не жил на одном месте четыре года, а ведь мы с Бобом планировали оставаться там и дальше. Я ни на секунду не сомневался, что, не повстречайся он на моем пути, все сложилось бы иначе.

В детстве мама водила меня в церковь, но христианином я так и не стал. Впрочем, не стал я и агностиком или атеистом. Я считаю, что мы должны брать по чуть-чуть от каждой религии

и философии. К примеру, я не буддист, но мне нравится мировоззрение буддистов. К тому же их философия дает тебе основу, на которой можно строить свою жизнь. Я определенно верю в карму, мне близка идея: что посеешь, то и пожнешь. Быть может, Боб стал наградой за что-то хорошее, что я все-таки сделал в своей бестолковой жизни.

Иногда я задумываюсь о том, что мы могли знать друг друга в прошлой жизни – слишком тесной была установившаяся между нами связь, слишком быстро мы нашли взаимопонимание. Кто-то сказал, что мы с Бобом – реинкарнация Дика Уиттингтона⁹ и его кошки. Только на этот раз мы поменялись ролями, и Дик вернулся в качестве рыжего кота, а я стал его другом. Не имею ничего против, такое положение вещей меня вполне устраивает. Боб – лучший друг, о котором только можно мечтать, он помог мне вернуться к нормальной жизни, взамен не прося ничего, кроме ежедневной кормежки и почесывания за ухом. Ему нужно только, чтобы я заботился о нем. Этим я и занимаюсь.

Я знаю, что даже с Бобом в моей жизни не все будет гладко. Нам предстоит решить еще немало проблем. В конце концов, я по-прежнему работаю на улице, а это всегда непросто. Но пока у меня на плечах сидит рыжий кот, я верю, что у нас все получится.

Каждому нужна передышка, каждый заслуживает второй шанс. И мы с Бобом его получили...

⁹ Герой известной английской сказки, бедный парень, работавший на лондонского купца. Когда тот отправил корабль к берегам Африки, Дик отдал свою кошку в качестве товара и неожиданно разбогател, поскольку та пришлась как нельзя кстати страдавшему от засилья крыс и мышей состоятельному мавру. – *Примеч. пер.*

Благодарности

Эта книга стала результатом совместного труда многих людей, и я хотел бы всем им сказать спасибо за тот вклад, который они сделали.

В первую очередь я хочу поблагодарить мою семью, маму и папу, за доставшееся по наследству отчаянное упрямство. Кажется, только оно и выручало меня в самые тяжелые моменты. Еще я хотел бы сказать спасибо моим крестным, Терри и Мерилин Винтерз, за их дружбу и поддержку.

За годы, проведенные на улицах Лондона, мне встретилось немало отзывчивых людей, но здесь я хотел бы отдельно упомянуть Сэм, Тома, Ли и Риту, координаторов «Big Issue», которые отнеслись к нам с Бобом с добротой и пониманием. А также удаленных служащих компании Кевина и Криса. Спасибо ветеринарам и медсестрам из Синего Креста и Королевского общества защиты животных, Давике, Лианне и все сотрудникам станции «Энджел», которые так тепло приняли нас с Бобом.

Хочу поблагодарить кафе «Food For Thought» и «Pix» на Нил-стрит, где для нас с рыжим всегда были готовы чашка горячего чая и миска молока, Дэрила из Сохо, Пола и Дэна, которые всегда были моими верными друзьями. Стоит отдельно упомянуть Пита Уоткинса из «Corgi Drive Records», ди-джея Кейви Ника из «Mosaic Homes» и Рона Ричардсона.

Эта книга никогда появилась бы на свет, если бы не мой агент Мэри Пэчнос. Именно она подала мне идею стать автором, хотя в тот момент мысль о том, что я напишу историю про нас с Бобом, показалась безумием. И я бы никогда не смог собрать все воспоминания в достойную книгу без помощи Мэри и писателя Гарри Дженкинса. Поэтому спасибо им от всего сердца. Что касается издательства «Hodder&Stoughton», то хочу поблагодарить Ровену Вебб, Киару Фоли, Эмму Найт и всю команду, работавшую над книгой. Спасибо Алану и другим сотрудникам книжного магазина «Waterstones» – они разрешили нам с Гарри работать в тишине на втором этаже. И большое спасибо Китти – без ее постоянной поддержки мы бы не справились.

Хочу поблагодарить Скотта Хартфорда-Дэвиса и далай-ламу за то, что определили философию моей жизни в последние годы, а также Ли Энн, которая всегда в моих мыслях.

И наконец – но не в последнюю очередь! – я хочу сказать спасибо маленькому созданию, которое нашло меня в 2007 году. С того момента, как Боб стал моим другом, он превратился в положительную силу, которая изменила мою жизнь. Все заслуживают такого друга. Мне очень повезло, что я его встретил...

*Джейм Боуэн
Лондон, январь 2012*

Информация о Бобе

Последние новости и истории из жизни Джеймса и Боба на сайте www.hodder.co.uk и в собственном твиттере Боба: @streetcatbob